

Б О Р И С
НЕМЦОВ

П Р О В И Н Ц И А Л
В МОСКВЕ

МОСКВА · 1999

Автор фото на первой странице обложки —
Роман Яровицын

В книге использованы фотографии
А. Андрианова, А. Будникова, Д. Донского, Б. Жижилкина, Д. Косо-
лапова, РИА «Новости», Ю. Сомова, Х. Холлинджер,
а также из личного архива
Б. Немцова.

Художник — Кирилл Заев

*Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

ISBN 5-264-00113-8

Б. Немцов, автор, 1999
Л. Крылова, литзаписчик, 1999

Оглавление

К читателям	4
--------------------------	----------

Глава первая ПРОВИНЦИАЛ

О себе	7
О людях	29
Общество и государство	51
Персоны	78
Мир вокруг	113

Глава вторая ПРОВИНЦИАЛ В МОСКВЕ

17 марта 1997 года	153
Во власти	164
Мир вокруг-2	205

Глава третья ЧТО ДАЛЬШЕ?

Отставка	215
Персоны-2	243
«Россия молодая»	288

К ЧИТАТЕЛЯМ

Это моя вторая книжка. Точнее, это очень сильно дополненное, но очень слабо исправленное второе издание книжки «Провинциал».

«Провинциал» вышел в свет в мае 1997 года и с тех пор жил своей жизнью. Я тоже жил своей жизнью. Ясно, что эти жизни не совпадали. Книжка день ото дня теряла свою целостность, распадаясь на отдельные листки, растаскиваясь на цитаты, а порой вляпываясь в не совсем приличные скандалы.

Я тоже кое-что терял. Например, последние иллюзии. Но, думаю, гораздо больше приобрел. Например, приобрел новый опыт, превращаясь из провинциала в москвича, глядя на окружающую действительность из вице-премьерского кресла. А потом, после отставки, учился быть свободным человеком.

Совсем недавно я понял, как выглядит формула счастья. Для самого себя, конечно: у других и счастье другое. А может, такое же. Не знаю.

Об этом новом опыте и написана книжка, которую вы держите в руках. Первая ее глава — тот самый «Провинциал», немного сокращенный. Вторая — «Провинциал в Москве», о том, как я работал в правительстве. Третья — как живу после отставки.

Глава первая

ПРОВИНЦИАЛ

Откуда я?

Сейчас я, конечно, «сам из себя», автономный. Впервые я почувствовал эту автономность, пожалуй, классе в десятом. Чувство было связано с конкретным событием: впервые не пришел домой ночевать. Скандал был, это ясно. Пришлось ощутить себя самостоятельным...

А вообще, судя по росту, комплекции и волнистым волосам, я явно в отца. Если говорить о чертах лица, о памяти и вообще об умственных способностях, то — больше в маму.

Прошлое — со мной?

Конечно. Правда, запоминаются почему-то довольно смешные истории, какие-то несущественные, малозначимые. Например, как я потерялся на пляже, когда мы с мамой были в Сочи. Или, когда уже в Горький переехали, играли в догонялки на строящихся гаражах и я свалился и разбил себе голову. Детские драки вспоминаются, в том числе в школе. Это были отнюдь не победоносные драки. В детских драках я победителем не был.

Вспоминаются всякие истории из жизни в военных лагерях. Вот одна такая: утро раннее, прапорщик Зайнуллин, как сейчас помню, заходит в палатку и говорит: «Подъем!» Есте-

ственно, громким голосом. Все встали, а я лежу. Потому что шесть утра, а я не привык вставать в шесть утра. Второй день в армии! Потом он входит снова, а я уже один. Говорит: «Тебе что, непонятно?» Я понял, что сейчас что-то будет. Вышел. Прапорщик Зайнуллин говорит, спокойно так: «Ну вот что. Либо ты сейчас подтянешься больше, чем я, на турнике, либо пойдешь пять километров гусиным шагом. Без остановки».

Пять километров гусиным шагом — это смерть. Нельзя пройти. Прапорщик Зайнуллин был человеком худым и крепким. Подтянулся он двадцать три раза. Стоял взвод, наблюдал. Потом я тоже подтянулся. Двадцать восемь раз. Он сказал: «Можешь с утра не просыпаться. Вообще».

А уж что касается нынешней жизни, помню практически все. Выборы в Верховный Совет Союза, борьбу с атомной станцией, первые демонстрации, встречи с Сахаровым, рождение ребенка, защиту диссертации, участие в научных конференциях... Все живо.

Я — тридцать пять лет назад

Кудрявый, не обремененный заботами пятилетний мальчик. Симпатичный. Каждый день ходил на Ривьеру купаться. А зимой грустил, глядя в окно на переулок Максима Горького в городе Сочи. Грустил от безысходности и беспросветной мглы, как это всегда бывает в Сочи зимой.

Вундеркиндом не был. Мать приучала слушать симфоническую музыку, но ничего не получилось. Отец постоянно водил на различные увеселительные мероприятия, включая рестораны, поездки в Красную Поляну, встречи с друзьями. Наверное, я ему помогал общаться —

как какая-то приманка. Отец свободный был человек, с нами не жил.

Я — двадцать пять лет назад

Пятнадцать... Девятый класс, постоянная влюбленность, большое желание поступить в университет. Поступил. Ощущение свободы, независимости от родителей. Хорошие отношения с самим собой? Нет. Переходный возраст...

Я — пятнадцать лет назад

Двадцать пять... Защитил кандидатскую диссертацию, тут же намеревался писать докторскую, хотел к тридцати годам стать доктором наук. Участвовал в различных конференциях, международных в том числе. Известность в научном мире — «узкая». Семинары в Физическом институте Академии наук в Москве, где Гинзбург и Сахаров работали.

Никакой политики. Хотя интерес к ней был. Устойчивое диссидентское восприятие жизни, скептическое отношение к Горбачеву — после его Указа о борьбе с пьянством и алкоголизмом я понял, что он просто плохо знает свою собственную страну и людей. Но тем не менее никаких таких позывов к общественной деятельности не было.

Изменяюсь?

Конечно. Старею... С утра мешки под глазами. Меньше выносливости. Меньше подтягиваюсь. Ну, скажем, пятнадцать, тринадцать раз. Нечасто этим занимаюсь.

Становлюсь жестче, кожа становится толще. Это ни хорошо, ни плохо: это вынужденно, чтобы выжить. Это инстинкт самосохранения. Просто тонкокожий человек не может долго

находиться на ледяном ветру. Заболеет и умрет. Стальной ветер, который постоянно дует здесь, требует определенной закалки. Нельзя превращаться в циничного человека, но и нельзя оставаться сентиментальным.

А с другой стороны, требования к людям снижаются. Столько видел за это время и низкого, и подлого, и глупого, и преступного, что понял: если человек не хватает звезд с неба, но достаточно порядочен, то это уже огромное благо. И уже только за одно это его можно уважать. Раньше мой максимализм требовал от человека быть совершенным во всех смыслах. И если у него что-то не так, то он уже был мне неинтересен. Тот же подход действовал и по отношению к самому себе.

Судьба

Чувство судьбы, предопределенности — абсолютное. Я не знаю, что со мной будет завтра, и готов ко всему. Дело в том, что я себя не ощущаю личностью, влияющей на ход истории, как зачастую думают некоторые другие политики. Я — песчинка, может быть, не самая мелкая, какие есть в этом океане предопределенности, но все-таки — песчинка. Она может как-то сопротивляться в деталях, но глобально не может изменять жизнь и судьбу.

Раньше, в период максимализма, этого не было. Такая уверенность — результат опыта.

Удача

Я часто побеждаю. Иногда я теряю при этом, но все равно... побеждаю. Мне явно сопутствует удача. Либо какое-то стечение обстоятельств, что, по сути, тоже удача. Может быть, ангел-хранитель меня оберегает?

Но это может закончиться. Удача может отвернуться. Постоянное ощущение, что она может отвернуться, держит меня в узде. Заставляет быть в форме.

Моя самая большая удача

Это когда у меня дочь родилась! То, что у меня есть потомство. Это здорово! Жалко, что в единственном числе.

Успех

К моей матери однажды подошла цыганка. Лет пятнадцать назад, а может, и больше. Нагадала матери, что ее сын будет всемирно известным человеком. Мать очень смеялась.

Если это называть успехом, то он достигнут. Но на самом деле я свой личный успех связываю с нынешней деятельностью. Я думаю, что успех будет абсолютным и можно будет с чистой совестью уходить из политики, если люди будут жить лучше. Как ни банально это звучит. И если будет виден мой вклад в это дело. И если появится такое устойчивое словосочетание: «немцовские времена».

Ошибки

Полно ошибок! Часто ошибался в людях (сейчас уже не так часто), был слишком мягок в некоторых ситуациях (сейчас это бывает реже, а прежде, видимо, сказывалось женское воспитание).

Ошибки, которые допускал, были большими или маленькими, а в последнее время все они кажутся какими-то грандиозными, потому что публичные. Я думаю, что в жизни каждого человека совершается масса ошибок, но по-

сколько о них знают только он и его близкие, то эти ошибки не становятся общим достоянием. Мои действия — как на ладони. И в этом смысле любая оплошность воспринимается как значительная.

Моя самая непоправимая ошибка

Я не делал непоправимых ошибок. Пока.

Обиды

Обижаюсь. Но быстро забываю: я не злопамятен. В силу своего роста и внешности. Потому не могу сейчас назвать обиды на всю жизнь.

Моя самая сильная обида

Одну почему-то помню. Была такая детская обида. Тогда было модно переписываться со школьниками разных стран. Я тоже переписывался — с одним мальчиком из Монголии. Звали его Цагадай. И вот однажды я назвал его не Цагадай, а Цагадка. В уменьшительно-ласкательной форме. Оказалось, что по-монгольски это очень грубое оскорбление. Он меня сильно обидел, обзывая самыми последними словами: фашист, немец (будто моя фамилия оттуда происходит). Сколько мне было в то время?.. Восемь, может, десять...

Любить себя?

Я к себе хорошо отношусь. Как любой нормальный человек.

Мой потолок

Отчетливо понимаю жизненные лимиты: не могу перелететь на воздушном шаре через Се-

верный полус, никогда не буду летчиком-испытателем или космонавтом, не могу стать царем всея Руси...

Но ощущения непосредственного потолка, через который не смогу пробиться, еще не испытывал. Не падаю в обморок от необходимости заниматься тем, что составляет мою деятельность. Все это пока адекватно моим способностям. Просто мой жизненный опыт до сих пор показывал, что если я начинаю чем-то серьезно заниматься, то — получается. Не было оснований считать, что достиг потолка.

Мой стиль

Откровенный и ироничный, в том числе и к самому себе.

Настоять на своем!

Упрямство — не очень хорошая черта. Склонность к компромиссам у меня сильнее. Но если вопрос носит принципиальный характер, то буду настаивать до конца.

Уступить...

Могу уступить. Это не воспринимается как проигрыш. Вообще я не любитель лезть напролом, не пытаюсь найти более спокойные варианты. Считаю, что такая заданность и прямолинейность — не признак интеллекта, а, наоборот, свидетельство неспособности человека хорошо подумать и найти другие решения.

Никогда не...

Никогда не говори «никогда». Тем не менее никогда не проголосую за коммунистов и фашистов. Вот уж это точно.

Сдаюсь

Да, в теннис — часто. И отнюдь не по политическим мотивам. Просто от бессилия. Знакомое чувство. Не очень-то приятное. Главное, чтобы не оставалось озлобленности при этом.

Тяжелее всего

Тяжелее всего выполнять неприятную работу. Тяжело и противно. Ну например, выполнять решения, которые считаешь абсолютным абсурдом. Или говорить слова, в которые не веришь.

Или выбирать между совестью и целесообразностью.

Вот это очень тяжело, и я стараюсь этого не делать.

Советую

Советую особо не горячиться.

Принуждаю

Не люблю принуждать.

Отдыхаю

Очень люблю отдыхать! По воскресеньям и летом, и зимой. Летом в Сочи, зимой на лыжах. Классное время! Но иногда охватывает ужас, что полностью отстал от жизни. Когда слишком долго отдыхаю и уже не соображаю, что происходит. Это если недели две удастся отдохнуть.

Путешествую

Да, люблю ездить. Но — не ради созерцания. Эта пассивная японско-американская манера

путешествовать с кинокамерами, фотографиями возле Пизанской башни или собора Василия Блаженного — все это мне не доставляет удовольствия. Гораздо интереснее люди. Путешествие не для того, чтобы пейзажи менялись за окном автомобиля, а чтобы были интересные обстоятельства и интересные люди. А люди интереснее всего в Нижнем Новгороде. В нашей области. В Москве... За границей тоже есть, но могу сказать, почему в России самые интересные люди. «Там» везде регламентированная жизнь и очень четкие правила. Это неинтересно. Скучно. Нет азарта. Вид Нью-Йорка отличается от вида Сиднея. Но когда начинаешь общаться с людьми, то выясняется, что разница небольшая.

Читаю

Читаю разное: мемуары, экономическую литературу. В последнее время, в связи с угрозой коммунизма, особенно активно начал читать книги по русской истории.

Современное — тоже. Довлатова, Аксенова, Набокова. Волкогорова читал, публикации Антонова-Овсеенко. Что касается классической литературы — мне ближе русская классика. Чехов. Да, у Чехова все — безысходно. Но Чехов тонко, как никто, чувствовал человеческую душу.

Мой самый безумный поступок

Много было безумных поступков. В детстве, например, уходил из дома, считая, что стал взрослым и могу прожить без матери. По нескольку дней жил в каких-то подвалах, зарабатывал деньги, разгружая машины с молоком и сметаной. За 50 копеек или бутылку кефира.

Или была еще поездка автобусом в Абхазию

и Грузию. В одиночестве. Когда меня чуть не убили в поезде, который стоял в тупике в Адлере. Я тогда уже в университете учился, но детство во мне еще играло.

Сейчас безумных поступков все меньше и меньше. Можно сказать, совсем нет. Естественно: безумные поступки совершаются в незрелом возрасте. У взрослого человека это квалифицируется по-другому: это уже — болезнь. А я человек здоровый. Я на это уже не способен.

Я летаю на воздушном шаре

Есть у нас в Нижнем один человек, весьма экзотический, путешественник, который пытался дойти пешком до Северного полюса, неудачно правда, а теперь собрался туда же на воздушном шаре.

Я решил посмотреть, что же это за шар такой. Ощутить его возможности. Хотя и понимал, что идея гиблая просто потому, что нужен постоянный ветер в сторону Северного полюса, чтобы шар туда долетел. Что маловероятно.

Но все же сам шар посмотреть было любопытно. И еще более меня привлекала возможность увидеть Нижний Новгород с высоты птичьего полета. Решил лететь.

В одно из летних воскресений попробовал. Ощущение захватывающее!

Сначала накачивали шар теплом. Очень сильно. И он стал настолько легким, что, когда люди, которые удерживали люльку — а их было человек тридцать, — отошли в сторону, шар как из пушки выстрелил вверх.

Нас было четверо в люлке. Мне показалось, что в этот момент мы все потеряли сознание. А когда очнулись, уже наверху, я с изумлением обнаружил, что мой родной Нижний Новгород у меня как на ладони.

Стояла гробовая тишина, поскольку двигателя-то нет, а ветра не слышно: шар летит точно со скоростью ветра.

Ощущение очень необычное, сильное. Некоторый страх был, конечно: чувствуешь себя полностью беспомощным, во власти ветра и силы тяжести. Куда ветер — туда и ты. Тебя просто несет по ветру. Управлять невозможно, там, на шаре, вообще ничего нет, никаких приспособлений.

Пролетели 12 километров, над всей верхней частью города. На высоте 300 метров. Пролетел над своей родной улицей Крылова, все видно отчетливо, и все видно совсем по-другому, чем всегда. У меня была рация, и я мог общаться со всеми радиолюбителями-нижегородцами. Общался активно, первый раз в жизни.

Короче, все, что было на шаре, оказалось для меня совсем новым. Просто новый мир какой-то...

Утро

Ужасно...

Вечер

Замечательно! Я — сова.

Очень поздние вечерние мысли

Как правило, самые умные мысли приходили мне именно поздно вечером. И в науке, и в политике тоже. Иногда даже ночью.

СНЫ

Снятся. Зависит от степени усталости. Если очень сильно устал, сны бывают какие-то

беспорядочные, если не очень. — снятся разные сюжеты, иногда даже совсем экзотические. Вот, например: сидя на истребителе верхом, руковожу операцией по спасению Ельцина от Дудаева. Почему на истребителе, непонятно.

Я принял православие

Наверно, так нельзя сказать: это было не по своей воле. Бабушка привела, и меня крестили. В детстве. Причем в большой тайне, потому что при коммунистах это было небезопасно. Мое крещение в сочинской православной церкви произошло «под покровом ночи». Я сам узнал об этом, уже будучи взрослым. История такая: несколько лет тому назад, в Москве, отец Глеб Якунин хотел меня крестить. Я позвонил своей бабке Анне, она тогда была еще жива, сказал ей. Она говорит — нет, нельзя. Ты уже крещеный.

Так я и узнал, что всю жизнь был православным. На самом деле вера в Бога — дело очень интимное. Мне не нравится, когда государственные мужи, некогда исповедовавшие атеизм, теперь стоят со свечками в церквях. Позируют перед камерами.

Я тоже в церковь хожу, но надеюсь, что это не выглядит как «показательное выступление». Я не считаю себя серьезно верующим человеком. Для меня пойти в церковь не означает поклоняться конкретному божеству. Скорее, это какой-то обряд очищения. Церковь — место, где можно подумать о своих собственных делах и поступках. О том, как ты будешь вести себя впредь.

Но между тем в православной церкви я чувствую себя более виноватым. Может, потому, что я был крещен в православной церкви. Мо-

жет, потому, что это более близкое и естественное для меня. Для нас всех. Что же касается католических, протестантских и других храмов, то для меня это в большей степени «экскурсия», чем возможность заглянуть в свою собственную душу. Европейские храмы для нас все-таки экзотика.

Кем бы я никогда не мог стать

Летчиком-испытателем и космонавтом.

Все люди похожи на животных.

Я похож на...

Ну на кого же я похож?

На медведя.

То неуклюжий, то злой, то, наоборот, никакой. Не знаю. Кудрявый... На медведя...

Я хотел бы быть похожим на...

На медведя.

Моя первая любовь

Была. Как у всех. В школе, классе так во втором... Она живет и сейчас в Нижнем Новгороде, нормально живет, семья, дети. Ни за что не женился бы на ней, если бы надо было принимать такое решение сейчас! Совсем другие представления о красоте, о том, какая должна быть жена...

Но чувство было сильное. Взаимное? Нет.

Ненавижу

Ненавижу чванство, высокомерие и глупость. Не знаю, что поставить на первое место.

Ненавижу в себе

Не сказал бы, что что-то в себе ненавижу. Многое себе прощаю. Бывает иногда стыдно за какие-то поступки, но ненавистью я бы это не назвал.

Совесть

Есть.

Угрызения совести

Есть. Бывают время от времени.

Стихи наизусть

Да! С большим удовольствием. И восхищением:

«Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу...»

Хотя раньше, когда в школе заставляли учить стихи, это набивало оскомину. Не хотелось.

Свои стихи, когда я их писал, я знал, конечно, наизусть. Кстати, писал не только иронические стихи. Всякие. Даже очень личные. Лирику, так сказать.

На мой нынешний взгляд, они очень примитивные и непрофессиональные. Они были посвящены конкретным людям и сочинялись, что называется, «на случай».

В ранней молодости.

Все эти люди сегодня живы и счастливы.

Авторитеты

Авторитетов очень много. Солженицын. Сахаров. Столыпин. Петр I. Александр II.

Кумиры

Нет кумиров. Для меня это что-то вроде «факира на час». Признак восторженной сентиментальной натуры. Придумывать себе кумиров могут только наивные молодые люди. Я — нет. Уже — нет.

Моя наука

Я занимался наукой около десяти лет. Это во-первых. Во-вторых, занятия наукой были весьма успешны. За неполные десять лет работы я написал около 60 статей, которые были опубликованы в самых солидных научных журналах, российских и западных. Многие считали, что из меня что-то получится. Так считал даже академик Гинзбург, который прислал мне письмо. Даже не одно: сначала было письмо об опасностях коммунизма — это, собственно, не письмо, а огромная статья. Гинзбург хотел, чтобы я дал заключение. А второе письмо — сугубо по физике. О сверхсветовых источниках.

У меня в мой «научный период» было довольно интересное положение: я был свободен и мог заниматься чем хотел. У меня не было узкого направления, где я должен был бы корпеть над какой-то конкретной задачей. Наоборот, был очень широкий выбор тем, и никто не ограничивал моих научных пристрастий.

Такая свобода, даже в науке, конечно, уникальна. Я благодарен своим учителям и коллегам, докторам Н. Денисову и В. Эйдману, за то, что они предоставили мне такую свободу (оба они уже умерли). Меня всегда больше интересовало не столько выяснение каких-то тонких нюансов, сколько яркие научные идеи. Моя особенность состояла в том, что иногда мне удавалось такие идеи высказывать. Идеи, кото-

рые, казалось, просто лежат на поверхности или носятся в воздухе, мне удавалось, во-первых, провозгласить, а во-вторых, реализовать.

Моя любимая научная идея

Эта идея — хронологически последняя в моем научном периоде. Акустический лазер. Я предложил модель, состоящую из перегретого пара, смесь, которая в случае сильного охлаждения излучает очень мощный звук. Такой мощный, что может поразить даже человека. Воспринимается ли этот звук человеческим ухом, зависит от особенностей прибора. В принципе, как ни странно, это именно инфразвук, который обычный человек не слышит.

Прибор не стал оружием, потому что его не успели засекретить: я послал статью в зарубежный журнал.

Собственно, это не так уж важно. Многие научные идеи имеют общегражданское значение и плюс к тому используются военными. Чисто военных идей, как правило, бывает мало. Поэтому ученые, занятые исключительно закрытой тематикой, обычно не способны на крупные новации.

Эйнштейн же никогда не занимался атомной бомбой! И тем не менее основы его релятивистской теории легли в фундамент ядерной физики, в создание атомной бомбы. Поэтому идеи, в том числе и военные, которые переворачивают технологию вооружений, — такие идеи рождаются в умах вполне мирных людей. Не в касках. И вообще без погон. Серьезный прорыв в науке возможен только там, где есть фундаментальные исследования, и там, где есть свобода. И наоборот: там, где нет этих двух вещей, никогда не состоится прорыв. Могут быть усовершенствования, даже на уровне Ленинс-

кой премии, и тому подобное. Но гигантского прорыва быть не может. Такого, как создание ядерного или нейтронного оружия.

А что касается судьбы моего акустического лазера, то эта идея стала очень широко известна. И в нашей стране, и за рубежом. Статьи публиковались в самых авторитетных журналах (даже в «Physical Review», это самый крутой мировой журнал по физике, в нем печатались Эйнштейн, Ландау, Сахаров). Но эта идея — не именная.

Это вообще довольно странный механизм — как образуются имена у тех или иных событий или явлений. Например, когда мы придумывали нижегородские областные облигации, никто не ожидал, что они будут называться «немцовками».

Я был бы счастлив, если бы этот акустический лазер назывался «лазером Немцова». На самом деле не всякий эффект называется именем своего автора. Статья называлась «Акустический лазер», под этим названием этот эффект и существует в науке. Название отражает существо дела, и все. Я не могу назвать собственную работу моим именем. От меня это уже не зависит: как сложилось, так и сложилось. Действительно, механизм сложный и не очень понятный. Присвоение имени во многом зависит и от мироощущения автора, от того, насколько он озабочен собственной идентификацией.

Это вообще загадка для меня: как то или иное явление, и необязательно в науке, вдруг начинает иметь имя. Имя собственное. «План Маршалла», например. Мог бы называться, например, «План восстановления Европы». А называется «План Маршалла».

Много таких примеров.

Может быть, отчасти это зависит от благозвучности фамилии. Или от ее известности.

Усталость

Усталость бывает каждый день, в конце дня. Как ощущается? Хочется побыть наедине с самим собой, никому ничего не объяснять и не доказывать. Читать какие-нибудь легкие журналы. Или спортом заниматься. Или спать.

Иногда усталость накапливается так сильно, что невозможно работать и нужно дать себе отдых. Лучше всего куда-нибудь уехать. Либо отключить все телефоны.

Надоело

Надоела бесконечная глупость, чванство и самовлюбленность в людях.

Покупаю

Очень редко что-нибудь покупаю. Не сказал бы, что это для меня — удовольствие.

Есть такое западное понятие — шопинг. Оно как раз и означает: получать удовольствие от того, что ты ходишь по магазинам и что-то покупаешь. А для меня хождение по магазинам — проблема. Сразу болит голова и хочется побыстрее выйти. Абсолютно не кокетничаю, это так и есть.

Если обширный выбор, обилие товаров, у меня разбегаются глаза и я уже не знаю, что лучше, что хуже. Если я захожу в большой магазин, то сразу перестаю понимать, что мне надо. Так что для меня это отдельная история.

Но иногда я делаю покупки. Одежду себе покупаю. Спортивные костюмы, ракетки теннисные. Могу продукты какие-то купить. Особенно когда понятно, что именно нужно купить. Если нужно три мешка картошки, то мне это гораздо проще, чем когда нужно купить

разных фруктов, причем выбрать их из ста наименований.

Когда я захожу в магазины, в том числе наши, нижегородские, и вижу там изобилие товаров — тридцать сортов колбасы и так далее, — то я с ностальгией вспоминаю советские времена, когда все было по талонам и ничего при этом не было в магазинах. По крайней мере, эта ситуация освобождала покупателя от мучительных раздумий, что лучше — что хуже.

В этом, кстати, есть определенный шарм социализма. Выбора нет — и думать не надо.

Восхищаюсь

Женщинами.

Всех обойти!

Стремление победить мне, безусловно, свойственно. Не могу сказать, что любой ценой. Но само по себе состязание всегда привлекательно: азарт, способ проверить себя, стремление к совершенствованию.

Нормальное состояние, которое держит в тонусе.

Иногда ощущаешь несправедливость. Особенно часто это на экзаменах бывало. Казалось, что преподаватель отнесся к тебе предвзято и не оценил по достоинству.

Но если бы не было этой состязательности, то было бы непонятно, как расшевелить изначально ленивого человека. Люди становятся очень ленивыми, если их не теребить.

Вообще конкуренция является двигателем общества в целом. В экономике состязательность имеет огромное значение. Коммунисты проигрывают, потому что всегда пренебрегают

этим принципом. Если не брать в расчет лицемерное социалистическое соревнование.

Ради чего?

Я человек честолюбивый. И неглупый. Думаю, что делаю все ради того, чтобы сделать что-то важное и конкретное для общества, чтобы были реализованы все способности. Чувствовал бы себя некомфортно, если бы не имел такой возможности.

«Недоверчивость — удел низких натур»

А. Дюма

В принципе — согласен. Но... Существуют профессиональные особенности у властителей. Властителей жизнь принуждает быть недоверчивыми, потому что они ежедневно сталкиваются с предательством. И здесь уже очень многое зависит от генетических особенностей человека власти. Если он не имеет внутренних сдерживающих пружин, то недоверчивость перерастает в подозрительность, мстительность, черствость и жестокость. Если человек имеет внутренние пружины, то недоверчивость становится осторожностью.

Абсолютно уверен, что все политические долгожители, которые существовали на планете, стояли перед искушением никому не верить. Все до одного. Нет на свете руководителя, который не задумывался бы об этом ежедневно. А уж тем более те, кто своей долгой политической жизнью доказал, что был прав, не доверяя никому. Каждый по-своему реализовывал это постоянное желание не доверять. Одни превращались в жестоких тиранов — Гитлер, Сталин, Иван Грозный... Ленин, допустим. Другие умудрялись находить компромиссы — Черчилль, Горбачев, Тэтчер.

Вторая категория лиц во всем мире, которые страдают недоверчивостью, — это полицейские. Ну и агенты спецслужб и прочие

«силовики». Здесь доверчивость свидетельствовала бы о недалёковидности, близорукости и вообще о профессиональной непригодности.

Можно, таким образом, согласиться с Александром Дюма в тех случаях, когда человек находится в независимом положении. Когда все зависит только от него самого. То есть, собственно, в частной жизни. Если человек в своей частной жизни постоянно настроен недоверчиво — это похоже на патологию. Но когда его ошибки в оценке людей, его умение разбираться в людях определяют судьбу сотен и тысяч людей — в этом случае его недоверчивость никак нельзя объяснить «низостью натуры». Думаю, Дюма в своей формуле имел в виду как раз «частного человека». И в этом случае я полностью согласен.

«Люди делятся на борцов и комбинаторов»

(Анонимное наблюдение)

Один и тот же человек может быть в одной ситуации борцом, в другой — комбинатором. Комбинаторы, кстати, тоже борцы. Только более гибкие и умные, чем рвущиеся напролом боксеры. Я, во всяком случае, точно такой. Поскольку я по знаку Зодиака — Весы, то, конечно, предпочитаю находиться в состоянии комбинатора. Но уж если меня припрут к стенке, то я вынужден превращаться в прямолинейного борца. В нормальном положении, когда нет стрессовой ситуации, когда нет необходимости немедленно принимать решение, я, безусловно, выбираю методы комбинатора.

«Выдавлив из себя по капельки раба, обнаружим, что не осталось ничего»

Читал эту сентенцию в одной статье. Оскорбительно! Я думаю, что ее автор к себе не применяет этой мысли. Я думаю, что ни один человек, услышав эту чеховскую фразу, переиначенную на современный лад, не может адресовать ее себе. Даже самый отпетый, покорный конформист — не может.

Рабское сознание в нас сидит, возможно, прочнее, чем в других народах. Тут, конечно, отсвечивает российская история. В России бунтарей, людей, свободно мыслящих, убивали. Физически уничтожали. И, может быть, произошел некий естественный отбор. Значит, сейчас у нашего народа должна произойти регенерация свободомыслия и вольнодумства. Дети, родившиеся в эти последние годы, уже другие. Я смотрю на свою дочь, ей пятнадцать. У нее есть своя позиция, свои взгляды, она может не соглашаться, спорить, она вообще не понимает, как чужое мнение может стать самодовлеющим для всего общества.

Она принадлежит к поколению, которое может жить в свободной стране.

Слава, власть и деньги

Да, все это очень интересует людей. Если кто-то говорит, что ни то, ни другое, ни третье его не волнует, — я ему не верю. Вопрос, в какой степени человека влекут эти «три кита». В какой степени человек может опуститься ради достижения этих трех вещей? Вот — главный вопрос. А не само по себе отношение к славе, власти и деньгам.

Если матерью и отцом заложена основа, планка, ниже которой нельзя опускаться, то тогда честолюбивое желание быть известным и богатым, на мой взгляд, надо только приветствовать. Если же человек готов перешагнуть через самые элементарные правила жизни среди людей, то тогда слава, власть и деньги превращаются в трагедию. И для остальных, и для самого человека, попирающего естественные законы жизни.

К сожалению, даже при высокой нравственной планке путь к достижению власти, славы и денег чреват «понижением» изначальных постулатов и ценностей. К сожалению... При этом многое все же зависит от социума, от устройства общества. В авторитарном государстве, где все запрещено, где нет свободы слова, свободы печати, где можно только врать и лицемерить, где невозможно просто сказать, что думаешь, — в таком обществе эти три слова всегда носят злобещий характер. Всегда — я хочу это подчеркнуть. В условиях, когда есть открытость, когда власть избирается, и может быть переизбрана, и может быть даже осуждена и посажена, а деньги могут быть конфискованы, если нечестно заработаны, — тогда эти слова ничего пугающего и злобещего в себе не несут. Одни и те же слова, а смысл совершенно разный. В зависимости от общества, в котором живешь.

Порядочный человек

Порядочный человек — тот, который не может предать. Нужно сразу же определить, что такое «предать». Могу сказать: это обречь близкого человека на страдания, когда можно было этого не делать.

Великие люди

Великие люди — те, кто делает историю. Иисус Христос, Аристотель, Леонардо да Винчи, Петр I, Сахаров, Эйнштейн...

Собеседники

Собеседники — люди, общаясь с которыми опаздываешь на все запланированные мероприятия. Все прочие люди называются посетителями.

Я думаю, тут что-то, связанное с внутренним содержанием человека, с его биополем. Безусловно! Есть очень интересные люди, которые всеми приняты и признаны как интересные, но с которыми я не могу долго общаться. Мне хочется встать и уйти. А еще лучше — прекратить всякое общение. Это люди, которые давят на тебя. Я не могу назвать их собеседниками. В том высоком понимании, которое у нас вкладывается в это слово. То есть — приятно, запоминается, приносит особое удовольствие открыться.

Собутыльники

Собутыльники — это люди, которым не удалось стать приятными собеседниками, и поэтому они решили... выпить.

Собутыльник — это вторичное качество, безусловно. Бесцельная выпивка изначально возникает тогда, когда людям трудно общаться. Я не говорю, конечно, о пьянстве или алкоголизме. Я говорю о нормальных людях, которые могли бы спокойно обойтись без выпивки, но они между тем выпивают, причем достаточно много. Это свидетельствует о том, что по-другому они просто не могут общаться.

Меня это на самом деле очень удручает. Когда приходят близкие друзья, то можно и не выпивать. И никто не обижается.

А вот когда происходит какой-нибудь официальный прием, на который собираются совершенно разные люди с совершенно разными интересами, то выпивка есть всегда. Обязательно. Могу сказать почему. Чтобы за столом не воцарилось зловещее молчание или не вспыхнула ссора. Которые, впрочем, могут возникнуть и когда слишком много выпито, но это уже совсем другой разговор.

Придворные

Придворные — это лицемеры. В том понимании этого слова, которое существует сегодня.

Свита

Свита — это лицемеры, приближенные «к телу». Суперлицемеры.

Человек свиты

Человек свиты — это просто один из них. Не вижу индивидуальных свойств.

Команда

Команда — это единомышленники, которые могут не быть ни придворными, ни свитой. Чаще всего именно так и есть: они не входят в число придворных. Но при этом они внутренне убеждены в необходимости совместной работы и совершенствования этой работы. Здесь важно именно внутреннее убеждение. Поэтому команда гораздо лучше, чем свита. Полезнее.

Команда более свободна, более независима. Она реже предает.

Человек команды

Человек команды... Нужны живые примеры? Пожалуйста. Люди из моей команды часто меня ругают. Могу назвать людьми моей команды свою собственную жену и дочь. Они меня ругают постоянно. Просто каждый день.

«Камикадзе не всегда погибают»

Цитата из Б. Немцова 1991 года

Ну вот, сижу же здесь живой, не погиб! Слова оказались пророческими. Хотя, надо признать, непогибший камикадзе — довольно редкое явление.

На самом деле русскими камикадзе были все, кто хотел переустроить Россию. Александр Второй, Петр Столыпин, Ленин, Горбачев, Ельцин... Не важно, какими они были камикадзе — в положительном или в отрицательном смысле.

Россия — жестокая страна. И она не прощает людям даже то хорошее, что они хотели для нее сделать. Почему? Не знаю. Может быть, потому, что Россия — страна и европейская, и азиатская одновременно. Может быть, потому, что главный ее пафос — не троньте, я сама. В этом — залог успеха консерваторов, в этом — неизбежность ухода реформаторов, в этом — зигзагообразное развитие страны.

То, что я сейчас высказал, вещь на самом деле очень личная. Но я действительно так думаю. Я не помню ни одного человека, кто со-

вершил бы что-то очень важное и прогрессивное для России и не поплатился бы за это. Александр Второй много сделал для России — был убит. Я считаю, что Столыпин мог бы сделать Россию великой и почти уже сделал ее великой, — был убит.

Горбачев. Он не был убит, слава Богу, но и он, и Егор Гайдар — проклятые люди. Горбачев в меньшей степени, чем Гайдар, но со временем и с Гайдара спадет проклятие. Тут дело не в деталях, а в принципе. Все, кто хотел обустроить Россию, ошибаясь и спотыкаясь при этом, но хотел искренне, — все они Россией отторгались. Все... Все.

Вот, скажем, Джефферсон в Соединенных Штатах. Или Линкольн. Они переустроили Америку. Они создали демократическое государство. Они — герои. И были всегда героями. Они довольно быстро стали героями в глазах нации, и отношение к ним не менялось с течением времени.

А в России — нет.

И когда говорят: ты благодарности не жди — то это абсолютная правда. Это действительно так. Люди спасибо не скажут. Это я тоже понимаю и не за спасибо работаю.

Такова особенность нашей страны, я в этом убежден.

А что касается камикадзе — тут все зависит от времени. Ведь все и всегда погибают. Рано или поздно. И значит, нужно уточнить: камикадзе не всегда погибают мгновенно.

Игрок

Традиционные игры я не приемлю. Карты, например, раздражают меня страшно. Скучно, неинтересно. Шахматы тоже: голова болит. Рулетка — нет, совсем неинтересно. Потому что

ясен исход. Все равно не выиграешь. Так устроено.

Игра тогда интересна, когда исход абсолютно неясен и во многом зависит от тебя. Мне интересны настоящие игры, большие и все-речь. Мужские. Которые требуют, во-первых, твоей собственной сноровки, во-вторых, исход которых зависит от тебя лично.

В этом смысле совсем неинтересно сидеть пассажиром в летательном аппарате, даже космическом. Белка и Стрелка — они не игроки. Они — пассажиры.

Игра по правилам и без правил

И то и другое мне знакомо. Причем когда правила устанавливаются исключительно самим собой, то это как раз и означает игру без правил.

Игра по правилам — это когда правила установлены не только тобой, но и многими другими людьми.

Когда ты влияешь на изменение правил, то со стороны это воспринимается как игра без правил. На самом деле это, возможно, игра по правилам. Но — чуть впереди времени. Здесь всегда есть конфликт.

Маска

Маска... Самая большая маска, которую я видел, это Соединенные Штаты Америки. «Все улыбаются — никто не улыбается».

Улыбаются там абсолютно все. И ничего плохого в этом нет. Это просто такая черта национального характера. У меня даже иногда складывалось впечатление, что, если американиста за пару минут до его кончины спросить:

«How are You?» — он ответит: «Fine!»*. Если у него еще остались силы на такое короткое слово. И умрет с улыбкой.

Просто класс! Жизнерадостность такая.

Но это явно — маска.

Потому, что чувствуют они то же самое, что и мы. Они такие же, как мы.

Просто они приняли игру по правилам, которые предполагают улыбку, даже если тебе очень плохо.

У нас наоборот. Иногда чувствуешь, что не так уж все и плохо. Но почему-то в России считается неприличным демонстрировать свою жизнерадостность. Внешнее уныние является неизменным атрибутом нашей жизни.

Что касается любого общественного деятеля, то долго держать какую-то определенную маску ни один публичный человек не может. Не может! Рано или поздно эта маска спадет. И не потому, что ее сорвут, а потому, что он себя разоблачит. Сам. Всегда.

Маска ведь предполагает некую искусственность. А искусственность долго жить не может. Поверьте. Рано или поздно она исчезнет. Просто сам человек не выдержит.

Поэтому люди очень ценят, и я ценю, открытое и естественное поведение. Искреннее.

Циник

Циник — это человек, который признается в любви и тут же рассказывает своему приятелю, что все это было вранье. Не сам себе признается, а именно приятелю.

Одиночество

Одиночество мне неведомо.

*«Как дела?» — «Отлично!» (англ.).

Уединение

Блаженство! Уединение — это состояние, в которое ты сам себя погружаешь, потому что ты этого хотел. А если ты делаешь то, что хочется, это всегда приятно.

Любопытство

Любопытство — это движущая сила человечества. Замечательное качество!

Оно вполне невинно, неопасно, и оно расширяет кругозор.

Азарт

Азарт... Это — когда головой знаешь, что нужно остановиться, но сердце заставляет все равно делать что-то дальше. Может быть, во вред себе.

Риск

Риск — это жизнь в России. Практически для всех. Страшно и интересно одновременно.

Журналисты

Журналисты — обычные люди. Которые (если им дают волю, конечно) становятся «гласом народа». Убогим, талантливым, умным или глупым — но «гласом».

Могу сказать почему. Если журналист вообще не отражает ничью точку зрения, то он не воспринимается людьми, его продукция никому не нужна и он профессионально непригоден. Непригоден по определению. Он становится просто таким писателем «в стол». Поэтому журналист — зеркальное отражение общества.

Я имею в виду — востребованный журналист. Состоявшийся.

Тост

Тост — это тест на остроумие. Или на слабоумие. По тосту можно очень многое сказать о человеке. Я редко ошибался в оценке интеллектуальных способностей человека после того, как он произнес тост.

Хотя иногда люди произносят не свой собственный тост, а чей-то чужой.

Защита

Защита — способ выжить. (Кстати, и нападение тоже. Два способа выжить.) Естественное состояние человека, возникающее благодаря инстинкту самосохранения.

Защищенность

Ощущение покоя и стабильности. У меня такое ощущение возникает редко. Очень редко.

Чиновник

Чиновник — человек, без которого не может существовать общество. Именно общество, а не только государство. Потому что общество отличается от сброда существованием правил. А правила разрабатываются и контролируются чиновниками.

Конкретные черты чиновника зависят только от человека, это может быть совершеннейший мерзавец или замечательный человек. Просто сама сфера деятельности — бюрократия — вбирает в себя и подлецов, и очень даже порядочных людей.

А что касается профессиональных свойств чиновника, то об этом давно сказано: «умеренность и аккуратность».

Русский характер

Бесшабашность, надежда на авось. Смекалка. Авантюризм некоторый. И определенная «маниловщина».

Зрелища

Зрелище — это то, что вызывает мурашки по телу. Это то, что воздействует на подсознательное, на самое потаенное. Все остальное — так... Пейзаж.

Люди театра. Актеры

Это люди в масках. Часто. И только самые-самые талантливые — открытые или не очень, но вполне естественные люди. Люди театра, как правило, искусственные. Профессия полностью их изменила. Они с определенной профессиональной деформацией.

Кроме того, они себя причисляют к «богеме», и им, практически всем, свойственна завышенная самооценка. В этом смысле политики очень близки к людям театра. Они так же выходят на подмости, они так же пытаются, хорошо или плохо, сыграть свою роль. Только политики могут играть самих себя, а могут и каких-то других людей. А люди театра никогда самих себя не играют. Мне с ними очень трудно.

Люди науки

Умные. Разные. Героические? Нет. Абсолютно прагматичные, часто, к сожалению, в Рос-

сии невестребованные, часто непонимаемые, часто ненужные. Часто — бедные.

Очень многие из моих друзей, которые занимались наукой, уехали из страны. Некоторые по контракту на несколько лет, некоторые уже давно там живут.

Их можно понять: они — профессионалы и не хотят терять любимую работу. Конечно, ностальгия по Родине, по языку, друзьям, я в этом уверен, у них есть. Но, как правило, ученые готовы служить любимому делу невзирая на место жительства. И в этом смысле они — гораздо большие космополиты, чем другие люди.

Осуждать ученых, уезжающих из России, нельзя. Останавливать и убеждать тоже нельзя: у них призвание, не имеющее границ.

Фигура и фон

У меня это словосочетание ассоциируется с картиной Маковского «Воззвание Минина к нижегородцам».

Фигура и фон только тогда дополняют друг друга, создавая одно целое, когда существует общественная потребность в лидере. Когда такой потребности нет, фигура превращается в выскочку. Стремление к «вождизму» есть у многих людей. Но «вождизм» не всегда востребован.

Например, в современной России гигантское количество партий. И не потому, что они отражают какие-то общественно значимые позиции и процессы, а потому, что каждый мало-мальски «уважающий себя» политический деятель стремится создать организацию, которая будет его всячески поддерживать.

В России общество так устроено, что кажется, будто без вождя вообще обойтись нельзя.

Но, я думаю, признаком устойчивого здорового общества как раз является нежелание иметь какого-то обожаемого вождя.

Канатоходец

Смелый человек. И в то же время — достаточно осторожный. Без осторожности он ни одного шага не сделает. Упадет.

Кадровый вопрос

Говорят, это мое «слабое место». Собственно, это напрямую связано со способностью разбираться в людях. Это первое. Второе — со способностью причинить боль.

Первое со вторым никак не связано. Можно прекрасно разбираться в людях, но при этом быть настолько сердобольным, что, понимая бессмысленность пребывания того или иного человека на том или ином посту, все же не принимать никакого решения.

И, наоборот, можно совершенно не разбираться в людях, но быть решительным и жестоким.

И только совокупность этих двух свойств позволяет руководителю сформировать по-настоящему эффективную администрацию или команду.

У меня первое — есть, второго — нет. Я думаю, что неплохо разбираюсь в людях. Но при этом я достаточно мягкий человек по природе. Ну, скажем, не жесткий. Или не жестокий. Думаю — а что будет делать этот работник, когда я его выгоню? И возникает такая затяжная, внутренне конфликтная ситуация, когда и сам работник понимает свою бесполезность и бессмысленность, и я понимаю, но длительное время вопрос никак не решается.

Единственное, что меня оправдывает, это то, что рано или поздно я с ним все равно прощаюсь.

Простой человек. Простые люди

Простые люди — мы все. То есть все те, у кого есть нормальные человеческие проблемы. Личные, семейные, служебные. Люди, в гораздо меньшей степени озабоченные проблемами внешнего мира.

Таких людей на самом деле большинство.

Поэтому выражение «простой человек» не означает «примитивный человек». Скорее это ближе к понятиям «мещанин» или «обыватель» — в хорошем смысле слова.

Элита

Понятие элиты в сегодняшней России существует в извращенном виде. То есть под элитой понимается группа людей, имеющих либо очень высокий доход, либо общественную известность и социально-политическую значимость.

А в устойчивом обществе элита — это люди, имеющие вполне определенное, конкретное происхождение, образование и положение в обществе.

Но, скажем, в американском обществе элита формируется вполне демократически. В нее входят люди, которые сами всего достигли. А в европейском (прежде всего в английском) обществе элита — это совсем другое. Она состоит из потомственной знати. И в этом глубокое различие между американской и английской демократиями.

У нас, в России, сегодня общество напоминает бурлящий котел. Наверху оказываются то

одни, то другие. В таком неустоявшемся обществе настоящей элиты быть не может. Сегодняшняя элита и завтрашняя — совсем не одно и то же. Если говорить о политике, то нынешние представители элиты могут стать изгоями буквально через несколько месяцев. Или даже дней.

Россия сегодня — страна не только с переходной экономикой, но и с формирующимися, неустоявшимися, новыми ценностями. И главное, у нас отсутствуют устойчивые институты образования, которые на самом деле являются источником создания элиты. В США, например, ты никогда не войдешь в элиту, если не окончил Гарвардский или Колумбийский университет. Есть еще несколько равноценных. А у нас такого сугубо элитарного образования не существует.

Поэтому у нас понятие элиты менялось вместе с общественными взглядами. Еще недавно элитой была партийная номенклатура, дипломаты. Сейчас — банкиры, способные влиять на политические решения. Не удивлюсь, если к моменту выхода книги все будет по-другому.

Человек может сам себя отнести к элите. Но от этого ничего не изменится.

Ответственность

Ответственность — это чувство причастности к успехам и ошибкам. Ответственность возникает только тогда, когда человек не чувствует себя временщиком на своем месте.

Наиболее ярко это качество проявляется, когда есть оппоненты. Оппозиция. Ответственность дисциплинирует и делает человека более осторожным. Ответственность побуждает руководителя создать в обществе систему, соответ-

ствующую его собственным взглядам и решениям.

Ответственность — высокое чувство. Иными словами, это высшая форма власти.

Честолюбие. Тщеславие

Честолюбие — это стремление занять в обществе (или в общественном сознании, что то же самое) такое положение, которое, на твой взгляд, соответствует твоим способностям и возможностям.

Тщеславие — это стремление занять в обществе или общественном сознании более высокое место, пренебрегая общепринятыми нормами. Любой ценой.

Иностранцы

В России всегда было двойственное отношение к иностранцам. С одной стороны, перед ними всегда ходили на задних лапках, и в то же время в разговорах русских людей друг с другом всегда подчеркивалось наше превосходство.

В советское время это выражалось особенно выпукло. В стране пресекалось всякое «преклонение перед Западом», а партийные боссы стремились, очень унижительно, воспользоваться всеми благами «заграницы» — от курортов до самых дешевых супермаркетов.

Лично у меня отношение к иностранцам очень приземленное. Может, потому, что я очень часто с ними общаюсь и знаю их жизнь на родине.

Совершенно очевидно, что XX век прошел под знаком триумфа романской группы и англосаксонской расы в целом. Почему — я не бе-

речь ответить. Но понятно, что они очень далеко ушли по пути технологической революции, и социальной революции, и уровня жизни, и комфорта, и коммуникаций — словом, того, что называется цивилизацией.

Нам это должно быть обидно. Но я такой уж большой обиды не испытываю. Потому что знаю причины, почему нам это не удалось. Все время какие-то трагические моменты в истории России останавливали нас на этом вполне естественном пути.

Единственное, что греет душу: один русский человек, живущий в Париже, сказал мне, что любое общество движется от варварства к пошлости. Мы сейчас — в состоянии варварства. Они — в состоянии пошлости. И еще непонятно, что лучше.

Могут еще сказать вот что. Те из них, кто исповедует протестантизм и католицизм, обладают двумя важными особенностями, которых нет в России. Первая — чрезвычайный прагматизм. Вторая — достаточная прямолинейность и устремленность к цели. У нас, у каждого человека, по сто целей. И часто бывает так, что ни одна из них не достигается. У западных людей все гораздо проще: у них одна цель. Ну, может быть, две максимум. И они пытаются достичь их. В этом смысле они более скучные, чем мы. Потому что вся их жизнь посвящена достижению конкретной цели.

С другой стороны, они гораздо большего в своей жизни могут добиться.

Кстати, и ученые-иностранцы тоже отличаются от наших. Наши могут заниматься разными задачами. А они занимаются всю жизнь одной задачей и достигают вершин в этой сфере, ничего не зная о том, что происходит за ее пределами.

Иностранцы в Нижнем

Сегодня это все еще некоторая экзотика. Но уже не сравнить с тем, что было лет пять тому назад.

Сейчас у нас учатся иностранные студенты, в разных компаниях работают иностранные специалисты. Например, дорожные рабочие. Строители. И так далее.

В нашей области давно работают представители Мирового банка, Европейского банка реконструкции и развития, британского фонда «Ноу-Хау», большого количества консалтинговых компаний из Германии, которые по западным стандартам пытаются оценить инвестиционные возможности региона. Все они органично вписались в нашу жизнь.

Я думаю, это хорошо: мы можем перенимать их опыт и не изобретать велосипед. Например, с этим связаны наши успехи в строительной индустрии. Мы теперь гораздо лучше стали строить — научились. Учиться не зазорно.

Нижегородцы «за бугром»

Последний пейзаж, который на меня произвел впечатление, это Зальцбург, гостиница «Шератон», напротив входа — три человека, играющие на русских народных инструментах, вызывая умиление людей и зарабатывая, кстати, немалые деньги. Увидев меня, эти трое дружно произнесли: «Здравствуйте, Борис Ефимович!»

Оказалось — нижегородцы. Такая экзотика на исторических улицах Зальцбурга. Честно говоря, я был слегка шокирован.

Нижегородцев встречаю везде. В Австралии, в Америке...

Очень много нижегородцев живет в Израиле. Должен сказать, что, как бы они ни демонстрировали свою независимость, их все равно тянет в родные пенаты. Может, потому, что обожглись, общаясь с западной цивилизацией, или не могут забыть свои детские воспоминания, а кто-то хочет жить там, а деньги зарабатывать здесь. У кого-то просто здесь осталось много друзей.

Так или иначе, люди с ностальгией вспоминают здешнюю землю и здешнюю жизнь. Особенно те, кто уехал недавно.

Мне кажется, они не считают, что прожили здесь худшие годы своей жизни.

Друзья

Есть. Но мало. И все они старые. То есть не по возрасту, а — давнишние.

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Мораль

Десять заповедей. Как было, так и есть.

Время

То, чего не хватает. Многим людям, в том числе и мне. То, что нельзя повернуть вспять, к сожалению, а может быть, и к счастью.

Школа

Школа — мировоззрение, которое формируется в процессе общения с людьми. Везде — в обычной школе, в семье, во дворе... То есть это устойчивая система мировосприятия, которая не может не возникнуть под воздействием внешней среды. Школа жизни и опыт — одно и то же. Почти одно и то же: школа все-таки более фундаментальное понятие, чем опыт. Опыт может быть мимолетным, сиюминутным, а школа — то, что становится основой личности. Школа — непременно осознанная, а опыт может быть любым.

Моя школа

В первую очередь — моя семья. Затем — занятия наукой. И наконец — общественная деятельность. Вот это и есть моя школа.

Была, разумеется, и «школа обратного действия». Когда сознательно действуешь наоборот некоему полученному знанию. Например, ощущение несправедливости, которое я испыты-

вал с раннего детства — речь идет о социальной несправедливости в чистом виде, — создавало во мне определенный критический настрой. Несправедливость была видна невооруженным глазом: отец мой был высокопоставленным партийно-хозяйственным работником, хотя считаю, что он нисколько не умнее и не талантливее, чем моя мать, которая работала рядовым врачом. При этом жизненные принципы и идеалы моих родителей коренным образом различались, что меня вначале сильно удивляло, но потом я понял: виноваты не родители, а система. Система, которая, исповедуя равенство, на самом деле создавала чрезвычайное неравенство и унижение.

Среди моих «школ» самое сильное воздействие на меня оказала все-таки школа естественных наук, которая приучила хладнокровно оценивать ситуацию и вести себя рационально. Не пренебрегая очевидными законами природы независимо от того, в какой сфере эти законы проявляются: физика, социология или что-то другое.

Именно законы природы определяют то, что равноправие — возможно. Равенство — нет. Часто равноправие реализуется через несправедливость. И одна из главных задач власти как раз и состоит в том, чтобы равноправие не привело к чрезвычайной несправедливости и к уничтожению слабых более сильными. В этом — высшее предназначение гуманной власти. Истинно демократической власти.

А равенство — это нечто искусственное, это антипод равноправия. Хотя для многих это одно и то же. Кажется, что стартовые условия для всех одинаковые, но потом оказывается, что кто-то бежит быстрее. Вроде бы это несправедливо, и хочется, чтобы все были вместе, в стае. Но на самом деле даже близнецы от-

личаются друг от друга, возможности у них разные. В живой природе равенства нет. Попытки его реализации оборачиваются трагедией целых народов (Северная Корея, Куба) и по иронии судьбы приводят к ужасающему неравенству.

Справедливость — недопущение издевательства сильных над слабыми. В том числе в материальном плане. Конечно, тот, кто бежит быстрее, должен получить приз. Он его и получит. Но пропорции тех благ, которые достанутся сильным и слабым, должны быть разумными. В этом — смысл государственного регулирования. Смысл самого государства! Чтобы, с одной стороны, не ограничивать и не губить инициативу, а с другой — не позволять чрезмерно эгоистически настроенным «сильным» захватывать все жизненное пространство. Государство — институт, направленный против эгоизма. Оно должно не подавлять, а ограничивать. Если государство пренебрегает принципом ограничения эгоистических устремлений, то тогда возникают социальные революции. Кстати, они возникают и при коммунизме тоже. Потому что при коммунизме ограничение эгоизма превращается в подавление большинства и разнузданность меньшинства (кстати, не более сильного). В этом как раз и состоит искусственность коммунистической системы.

Реформы

Реформы — это достаточно быстрые изменения в отношениях. И экономических, и социальных. Изменения, сопровождающиеся трагедией для многих людей.

С другой стороны, отсутствие реформ — трагедия для всех. В этом смысле реформы

всегда болезненны, но абсолютно необходимы для общества. По большому счету, реформы — это огромный капитальный ремонт. Во время ремонта жить в помещении, где он происходит, просто невыносимо. Грязно, противно, плохо пахнет, и вообще возникает масса проблем. Но если ремонт идет к концу и уже видны его результаты, жить в доме намного приятнее.

К сожалению, нам сейчас не очень повезло: капитальный ремонт в самом разгаре.

Революции

Всегда — насилие одних над другими. Революции, как правило, сопровождаются очень большой кровью и гражданской войной. Хотя масштабы войны могут быть самыми разными. Могут погибнуть три человека, как это было в августе 1991 года. Могут погибнуть миллионы людей, как это было после большевистской революции 1917 года.

Буржуазные революции, при которых у людей не отнимают собственность, а просто предоставляют больше экономических свобод, как правило, не были очень кровавыми. А вот противоестественные революции, направленные против конкретной личности, обычно сопровождались гигантскими потрясениями. Именно такой революцией можно назвать трагедию российского крестьянства. При раскулачивании, как известно, от 8 до 10 миллионов крестьян были репрессированы. В Нижегородской губернии в каждом шестом поселении были крестьянские бунты. Это была настоящая революция. Причем она была, безусловно, несправедливой. Потому что верх пытались взять те, кто никогда ничего на земле не делал — бездари и бездельники. Что вызывало естественный

протест у народа. У русского народа отношение к трудягам и талантливым людям было всегда трепетным, и подобный неестественный ход истории не мог не вызывать его протест.

Поэтому интересно, как коллективизация резко контрастирует с тем, что происходит сейчас, когда идет земельная реформа. Коммунистические газеты ненавидят то, что сегодня происходит в плане земельной реформы. Но ни одного крестьянского восстания по всей России нет. Просто потому, что то, что происходит сейчас, гораздо более естественно для людей, чем когда насаждали равенство в нищете.

Сейчас все изменения в собственности на землю для крестьян — добровольные. Но если бы их насильно заставляли взять землю в собственность, это не привело бы к восстаниям и бунтам.

Власть

Власть — неприятная необходимость для любого общества, которое хочет сохранить спокойствие.

Отсутствие власти, анархия, приводит к тому, что экономические интересы берут верх над интересами большинства.

Думаю, что такого общества, где из определения власти можно было бы убрать слово «неприятная», не существует. Существуют лишь способы сделать власть более человечной и понятной. В первую очередь это демократические институты: выборность власти, сменяемость власти, право критиковать власть. Но тем не менее даже в такой системе от власти исходит как позитивное, так и негативное. Очень много негативного. Коррупция, принятие решений глупых и опасных для общества. Все это — неприменные атрибуты действия власти.

Власть может быть безобразной, отвратительной, а может быть и вполне сносной. Во многом это зависит от народа. Практически во всем. «Каждый народ достоин своей власти» — я согласен.

Сильная власть. Слабая власть

Сильная власть, на мой взгляд, — та, что не боится критики, умудряется при наличии оппозиции сохранить чувство собственного достоинства.

Слабая власть — это власть цензуры, власть единомыслия, чванства и подхалимажа. И как следствие — растрения. Власть сильно коррумпированная и продажная.

Тайна

Тайна — один из серьезных инструментов власти. Привилегия власти — обладание огромной информацией, которой общество не обладает. Власть, по сути, айсберг: верхняя часть видна со всех сторон, нижняя скрыта от глаз. Эта нижняя часть может быть очень большой, а может и не очень. В демократических странах эта невидимая часть невелика. Но все равно она есть.

В тоталитарных режимах (при большевиках, например) нижняя часть айсберга была основной. И потому механизмы принятия решений, инструменты власти сохранялись в большой тайне. И, как всегда при большой тайне, вызывали множество слухов и толкований, гипертрофированное ощущение чего-то страшного, всемогущего и всеуничтожающего. Был определенный трепет перед властью, вызывающий, наряду с отвращением, еще очень часто гордость за страну, где под покровом тайны вершатся великие дела.

Когда тайн стало меньше, люди вдруг обнаружили, что король голый.

Многих это привело в состояние уныния и разочарования в могуществе нашего государства.

А вообще тайна — это то, без чего скучно жить. Мне кажется, что у каждого цельного человека, и у мужчины, и у женщины, должна быть своя тайна. В каком-то смысле тайна человека — это его внутренняя жизнь. Человек без тайны, насквозь открытый, прозрачный, — скучен.

Могу сказать точно, что женщина без тайны для меня не представляет интереса.

Война

Война — это следствие заложенной в людях чрезвычайной агрессивности. Это страшная вещь. Я думаю, что даже те люди, в которых эта агрессивность бьет через край, понимают ее бессмысленность и страдают от войны — и все-таки не могут самих себя перебороть.

Это то, что в каждом из нас сидит.

Я не верю в марксистскую теорию передела каких-то территорий, рынков сбыта... Все это ерунда. Война заложена в человеческой природе.

Война в мирное время

У такой войны есть специфика: ее легко начать и очень трудно закончить. Локальные войны — это, по-видимому, и есть то, что ожидает человечество. Армия не может бесконечно бездействовать. Потому что тогда рано или поздно общество задаст вопрос: зачем нам эта армия нужна?

Поэтому природная агрессивность, помноженная на некоторые субъективные факторы — изготовление оружия и так далее, — все время провоцирует войны.

Армия в России

Долгое время армия в России держалась на идеологии. И когда идеология рухнула, у армии возникла масса проблем. Ей не дали возможности ответить на вопрос, кого же она защищает.

Раньше она защищала коммунизм от империализма. Все было понятно. Кого она защищает сейчас, она не знает. Отсутствие стержня, идеологического, патриотического и любого другого, ведет к деградации в отношениях людей.

В американской армии лозунг такой: армия США защищает демократию и свободу во всем мире. Все понятно. Для российской армии, я думаю, защита интересов России во всем мире была бы подходящим лозунгом.

У американцев явно имперская идеология. Хотя она, как всегда у американцев, обернута в очень симпатичную оболочку: демократия, свобода... А наша армия должна быть гарантом интересов России. Любой России, демократической или иной. Вот этого сегодня нет.

Военачальники

Разные люди есть. Есть очень хорошие и талантливые. Я общался со многими из них. Я не специалист в этом деле, но я понимаю военный талант так: уберечь людей от гибели. Если командир захватил какой-то населенный пункт и потом семьдесят процентов солдат прибыли на родину в цинковых гробах — тут никакого таланта не надо. Есть живодерство и тупость в полном объеме.

А вот если удастся выполнить задачу и при этом сохранить людей и укрепить боевой дух, то это — талант.

Могу сказать, что те, кто проводил операцию «Буря в пустыне», — талантливы. Там всего несколько человек погибло. Но вообще все определяется имперским сознанием. Которое в данном случае выражается в отношении военачальника к человеческим жизням. Ведь у каждого генерала есть возможность списать гибель людей на некие объективные, чрезвычайные обстоятельства. И если этот генерал готов отчитаться перед высшим начальством ценой жизни сотен и тысяч людей, это генерал плохой и бездарный.

Нет романтики в нашей армии, нет идеи. Я считаю, что люди служат в армии (имеются в виду кадровые военные) не только чтобы получать деньги. Должна быть романтика в этой профессии! Солдафонство, которое присуще многим, в том числе и высшим командирам, выхолащивает всякий смысл нормальной службы и не привлекает людей. Хотя, если бы меня заставили работать в отделе пропаганды Министерства обороны, думаю, я нашел бы способ сделать нашу армию привлекательной. Потому что именно этого сейчас ей не хватает.

А конкурсы в военные училища, которые существуют и сегодня, — от безработицы.

Огромные российские пространства требуют, конечно, многочисленной армии. И все же, я думаю, она могла бы быть более компактной и более приспособленной для своих прямых функций. Если бы армию освободили от всех этих курятников и свинарников.

Последние указы президента о профессиональной армии могли бы принести большие перемены к лучшему.

Оборонка

Оборонка всегда считалась гордостью страны. Но в то же время это и страшная головная боль страны. Фактически все болевые точки и несчастья сконцентрированы именно здесь. И массовые волнения, и невыплата зарплаты, и чванство «красных директоров», и надежда на золотой бюджетный дождь, и экстремистские политические течения, и выдающиеся идеи, и незнание, как эти идеи можно реализовать в нынешнем мире, — все это отличает сектор ВПК от остальных сфер жизни.

Думаю, что оборонка будет очень долго и болезненно переживать период трансформации. В первую очередь даже не в части загруженности заказами или технологического усовершенствования, переориентации. А в части, касающейся мировоззрения как руководителей, так и работников оборонных предприятий. По сути, эти люди, которые были элитой коммунистического общества и за счет всего остального народа жили безбедно, не считая денег, оказались сейчас брошенными на произвол судьбы.

Все-таки я связываю оживление и возрождение оборонной отрасли исключительно с кадровыми переменами. Когда на смену традиционным членам бюро обкомов, горкомов и райкомов придут энергичные молодые руководители, привыкшие надеяться не столько на государственный карман, сколько на свои знания, авторитет и, может быть, везение.

Что делать с обороной

Существуют две концепции, определяющие дальнейшую судьбу оборонки.

Одна концепция, которая принадлежит

коммунистам, состоит в том, чтобы сохранить, в ущерб всему хозяйству, все то, что сделано в плановой экономике, жертвуя при этом благосостоянием людей, но добиваясь главного идеологического тезиса: оборона страны — это то, ради чего должны жить и работать 150 миллионов человек.

Вторая концепция нацелена на постепенное вхождение оборонки в российское и мировое экономическое сообщество с разделением труда и использованием большого интеллектуального в первую очередь и технологического потенциала, который был накоплен за долгие годы.

Думаю, что коммунистический путь, хотя и внешне привлекательный, отвечающий, казалось бы, государственнической доктрине, является, как и многое, что они предлагают, утопией и не может быть реализован.

Поэтому мы обречены идти по второму пути.

Компромисс

Компромисс — это возможность принимать решения, не соответствующие на первый взгляд тобою же провозглашенным принципам. Но на самом деле такие решения только укрепляют тебя в собственных принципах.

История как опыт

Неумение проводить исторические параллели, историческое невежество — для властителей всегда путь к очень большим ошибкам, а для народа — к трагедии и горю. Именно вследствие нежелания учесть исторический опыт мы имели войну в Чечне. А раньше — войну в Афганистане. Когда вводили войска в

Афганистан, не знали, что англичане сто лет воевали с афганцами. Когда в Чечню вводили войска, не знали свою собственную историю прошлого века. Не читали генерала Ермолова. Льва Толстого не читали!

Наука

Наука — это элегантно и строго оформленные законы природы. Настолько элегантно, что вызывают чувство интеллектуального восторга.

Идеал

Идеал — недостижимое совершенство. У здорового мужчины идеал, как правило, связан с образом женщины, в которой оба качества присутствуют: недостижимость (по очевидным причинам) и совершенство (тоже по очевидным причинам). Понять женщину мужчине не дано.

В шутовском варианте это высказал Жванецкий: «Что же они чувствуют?»

А серьезно — наверно, то, что недостижимо, кажется совершенным.

Конформизм

Конформизм — беспринципное соглашательство, которое, на мой взгляд, исходит из православного принципа «на все воля Божия». Это — принижение возможностей каждого конкретного человека. Возможностей воздействовать на ситуацию.

Большинство людей во всем мире — конформисты. Это нормально. Это создает стабильность в обществе.

Но если общество целиком состоит из одних конформистов, оно обречено на застой.

Потому что любые изменения всегда связаны с личностями бунтарскими, недовольными существующим положением дел и нетрусливыми. С личностями, которые способны бросить вызов обществу.

Таких людей мало. Но именно с ними связан прогресс.

Те семь человек, которые в 1968 году вышли на Красную площадь с протестом против советских танков в Праге, стали духовной основой оппозиции. Стремления к свободе и независимости вообще.

Вместе с тем нонконформисты могут быть и разрушителями. Анархисты и фашисты — тоже нонконформисты. Также идут против господствующих в обществе принципов. Но осуществление их идей может стать трагедией для огромного количества людей.

Так что конформизм, с моей точки зрения, не является отрицательным качеством человека. Скорее это свойство уравновешенного общества. Общества, в котором революционные перемены не воспринимаются как благо.

Коммунистическая идея

Неистребимая мечта некоторых интеллектуалов, а также слабых и ленивых людей. Модель общества, неосуществимая никогда. Просто потому, что в природе нет примеров абсолютного равенства, независимо от начальных условий. Как правило, абсолютное равенство кончается нищетой для большинства и богатством для меньшинства. Которое, кстати, отнюдь не заработало это богатство своим трудом.

Между прочим, у Владимира Даля в словаре есть удивительное определение коммунизма: «право каждого на чужую собственность».

Коммунисты

Вечно обиженные и вечно вчерашние.

Утопия

Антипод реальности. Неосуществимая идея. Коммунизм. Зазеркальный мир. Туда не следует заглядывать.

Коммунизм был нужен миру, чтобы мир не свернул с дороги естественного развития. Но почему именно Россия была избрана в качестве плацдарма для жестокой утопии, я не знаю.

Это где-то на небесах решалось.

«Есть мнение...»

Анонимная сила. «Есть мнение» — ужасное изречение. Оно либо камуфлирует тайные замыслы того, кто эти слова произносит, либо показывает трусость, либо означает чванливое отношение начальства к народу как к быдлу. «По мнению анонимного источника в Кремле» — формула манипуляции общественным мнением.

Цензура

Цензура — навязывание своей собственной точки зрения обществу и прессе. Как правило, цензура исходит от властей, хотя и не всегда. Иногда она исходит от хозяев.

Цензура есть всегда и везде. И в открытом обществе, и в закрытом. Но в тоталитарном обществе цензура исходила от власти, и потому информация выдавалась в виде стереотипов, существующих во властных головах. В демократическом обществе цензура осуществляется хозяевами средств массовой информации.

Но поскольку этих хозяев много и у них разные позиции, то каждая газета или телекомпания может занять свою нишу, и тогда совокупная палитра всех средств массовой информации создает ощущение многоцветности и отсутствия цензуры.

Внутренний цензор

Внутренний цензор есть, естественно, у каждого человека. Каждый нормальный человек имеет внутренние ограничения, «что можно — что нельзя». У кого-то эти внутренние ограничения столь сильны, что он кажется «человеком в футляре». Замкнутым и неинтересным. У других, наоборот, внутренний цензор слаб — такие люди воспринимаются как экстравагантные и вызывающие.

Но цензор есть у всех. Даже у Мадонны, которая считается символом вседозволенности.

На фоне американского пуританства Мадонну даже не могут вселить в конкретные дома в Нью-Йорке, где живут уважаемые люди. Тем не менее я уверен, есть такие вещи, которые даже Мадонна не может сделать, — в силу собственных внутренних тормозов.

Сопrotивление

Сопrotивление неприятно, но необходимо. Сogласен с тем, что опираться можно только на то, что оказывает сопротивление. Только все-таки надо видеть разницу между сопротивлением и конфронтацией.

Разница существенная. Сопrotивление — это желание высказать свою позицию, даже если она отличается от позиции «босса». А конфронтация — это желание во что бы то

ни стало противостоять, противоречить своему оппоненту, не имея в виду достижение позитивной цели.

Империя

Государство как самодовлеющая сила, порабащившая человека.

Имперское сознание присуще многим, кто сейчас стремится к власти. Это грозит России произволом. Вследствие психологии, свойственной российской бюрократии, и традиционным политическим концепциям. Для таких политиков «империя» предстает в крайнем, оголенном варианте: полное пренебрежение правами, свободами граждан. Для страны это беда. Либерализм для России гораздо более целебное лекарство, чем доведенное до абсурда государственничество. Причем наиболее эффективно, когда либерализм достигается не либеральными методами (вспомним хотя бы Петра Великого и Столыпина).

Тем не менее в России существуют какие-то внутренние пружины, которые толкают страну к империи. К порабощению. По всей видимости, причины подобной внутренней тенденции лежат в особом расположении России: между Европой и Азией. Точнее, на европейском и азиатском континенте. Поэтому восточный деспотизм иногда берет верх, отбрасывая Россию назад на долгие годы.

Российская империя

Не вижу никакой специфики. Единственная особенность российской империи в том, что, помимо великодержавных, государственных начал, было и еще одно мощное начало: огромное влияние православия.

«Не похож на русского царя...»

Жириновский. Не похож.

И Явлинский тоже не похож.

Кто похож? Ельцин. Очень похож. Петр I — настоящий царь!

Русский царь должен концентрировать в себе и внешне, и внутренне основные черты характера русского человека. Причем не всегда эти черты должны быть позитивными. Например, Ельцин. С одной стороны, такой огромный русский мужик. С другой — достаточно бесшабашный, беспечный человек, часто храбрый, часто безумный. Это все характеризует русского человека.

Петр I. Достаточно жестокий человек. И одновременно — сентиментальный. Деятельный — и одновременно загульный. Человек трезвого ума — и полного безрассудства. Это все — черты русского характера.

Таким образом, «похожим на русского царя» может быть только тот, в ком сконцентрированы пусть не все, но многие черты русского характера. Внешность тут тоже имеет большое значение. Тем более теперь, когда в России «царь» избирается. В прошлые времена, когда царь не избирался, а получал трон по наследству, многие русские цари «не были похожи на русского царя». Павел I. Николай II. Совсем не похожи... И как следствие, были непонятными. Серыми. Никакими.

На царском месте может быть человек с нецарской внешностью и сущностью. Это даже может и не нести с собой никакой трагедии. Это просто зря прожитое время для страны.

Совсем не похож на русского царя Горбачев. Абсолютно! Нерешительный, говорливый, и нашим и вашим, неспособный на какие-то

отчаянные поступки... Не царь. И время его не царское было.

И Николай II такой же был. Они с Горбачевым похожи. И, кстати, судьба России сходна с характерами этих людей. При Николае, после его отречения от престола, страна развалилась и развязалась война. При Горбачеве случилось то же самое.

Кстати, и царь с очень «царскими» характеристиками может принести стране беду. Трагедию. Иван Грозный, к примеру, явно русский царь. Сталин. Явно русский царь. Ну и что хорошего?

У таких царей национальные свойства, решительность и жестокость, гораздо сильнее, чем у всего остального народа. Ленин был в какой-то степени царем. Хотя у него было слишком много хитрости и изворотливости. Ленин был жестокий и коварный, на мой взгляд. Но поскольку он был в то же время очень образованным и умным человеком, то мог свои малоприятные свойства скрывать. Хотя в результате все это проявилось.

Если читать полное собрание сочинений Ленина, то видно, как тщательно отбирались материалы.

Прогнозы

Прогнозы — то, чем должен заниматься политик. Если он хороший политик, его прогнозы часто сбываются.

Если он рожден для другого дела, он часто ошибается в своих прогнозах. В конечном итоге его политическая жизнь предрешена.

Довольно часто мои прогнозы сбываются. В отношении войны в Чечне, например. Или по поводу грядущих гражданских и экономи-

ческих свобод (прогноз 80-х годов, был изложен в моей предвыборной программе 1989 года). Предвыборные программы — это ведь тоже прогнозы.

«Воруют!...»

Ну да, воруют. Согласен с Карамзиным. Так по сей день и воруют.

Причем, что очень интересно, трудно сделать прививку против воровства. Существуют определенные общественные вакцины против воровства. В России и во всем мире. Первая из таких вакцин — постоянные выборы. Я имею в виду чиновников, а не просто граждан.

Вторая вакцина против воровства — частная собственность. Не общенародная, ничья, а частная — мощнейшее средство против воровства. Почему сейчас некоторые крестьяне недовольны режимом и преобразованиями? Потому что воровать стало сложнее. Но очень хочется: генетика.

Третья вакцина — оппозиция и пресса. Гласное распределение денег. Принятие закона, по которому деньги распределяются на конкурсной основе. Иные механизмы надо выжигать каленым железом.

Но привычка создавать условия для воровства настолько сильна, что переломить ее очень трудно. Иногда просто прихожу в отчаяние. Думаю — ну не способны мы жить нормально и цивилизованно, организовать все гласно и открыто.

А что касается граждан, тут — только частная собственность. Хотя бы ради того, чтобы это извечное российское зло ушло на второй план, нужно всячески развивать частную собственность, частную инициативу.

Собственность

Частная собственность делает человека независимым. Если государство заинтересовано в том, чтобы граждане были независимы и свободны, оно должно развивать частную собственность.

Другая задача государства — сделать так, чтобы эта собственность не сконцентрировалась в одних руках.

Собственность — это не только свобода. Это еще и ответственность. И потому ставить знак равенства между собственностью и свободой означает довести идею до абсурда. Человек, владеющий огромной, непомерной собственностью, тоже становится зависимым. Он становится заложником массы случайных обстоятельств. От политических катаклизмов до стихийных бедствий.

В этом смысле средний класс — настоящая мудрость. А развитие малого и среднего бизнеса — магистральный путь развития России, на мой взгляд. Потому что это, с одной стороны, создание достойной жизни для людей. С другой стороны, это незакрепощение тем, что тебе принадлежит. Иначе ты превращаешься в машину по сохранению своей собственности.

Земля как собственность

Достаточно парадоксальное понятие. В стране с устойчивой системой земля совершенно не обязательно должна быть частной собственностью. Например, в Израиле нет частной собственности на землю. Земля находится в аренде.

А в стране с неустойчивым режимом земля, будучи в частной собственности, является га-

рантом независимости граждан от катаклизмов.

Здоровье нации

Здоровая нация никогда не позволит прийти к власти экстремистам. Человеконенавистникам. Европейские нации — здоровы.

Справедливость

Справедливость — это неравенство. Самое несправедливое, что есть на свете, это равенство. По-моему. Равенство — это серость.

А справедливость — это система, в которой каждый может себя реализовать. При этом огромное значение имеет роль власти в государстве. Власть обязана учитывать врожденные особенности людей и помогать слабым. Власть должна найти «золотую середину». В этом и состоит извечный спор между либералами и социалистами. Спор и состоит в том, что справедливо, а что — нет.

Благотворительность

Стремление поделиться с чужими тебе людьми. Очень нехарактерное стремление для изначально эгоистического человеческого существа.

Муравейник. Улей. Подобная система в социуме

Казарма. Зона.

Что касается работы, то у нас появляются своего рода муравейники. И это хорошо, потому что это — способ выжить. А жить в подобном устройстве общества просто нельзя.

Выборы

Выборы — атрибут народовластия.

Перспектива выборов всегда заставляет даже самых непорядочных, нечестных властителей задумываться о своем поведении и хотя бы публично сдерживать свои не очень приличные устремления. Выборы являются чистилищем для людей власти, так как всегда находятся конкуренты, которые пытаются найти и обыграть самые неприглядные стороны твоей жизни и твоей деятельности.

На самом деле выборы — один из способов проветривать угрюмые и затхлые коридоры власти.

Я во многих выборах участвовал начиная с 1989 года. Тогда Горбачев разрешил проводить выборы в Верховный Совет СССР. Система выборов была несвободной, двухступенчатой. Сначала нужно было пройти сквозь сито номенклатурного окружного предвыборного собрания, в состав которого входили представители партийно-хозяйственной элиты. И если эта категория граждан посчитает необходимым твое участие в выборах, только тогда народу разрешалось голосовать за тебя или против.

Тогдашнее мое выступление на этой комиссии отличалось дерзостью и даже некоторым нахальством, поскольку, выступая в такой аудитории, я позволял себе высказываться против монополии партии на власть, за частную собственность, за независимую прессу, за отмену цензуры и политического сыска. Естественно, после таких речей напуганные начальники посчитали, что до народа эти мысли доносить нельзя. И не допустили меня к выборам вообще.

Следующие выборы были в 1990 году. Они были уже свободными, но довольно жестки-

ми, потому что все-таки проходили под контролем компартии. Я имею в виду прессу, руководителей всех предприятий. Не обошлось без довольно забавных эпизодов. Самое главное состояло в том, что коммунисты, борясь со мной, предложили в качестве альтернативы одиннадцать(!) кандидатов. Все одиннадцать были коммунистами, которые, может быть, и имели разные программы, внешне, но внутренне отвечали требованиям тогдашнего обкома к народным депутатам.

Потом, когда я уже победил, я спросил одного босса, зачем они сделали такую глупость, зачем было одиннадцать коммунистов выдвигать против меня. Он наивно ответил:

— Если не понравился бы один из них, то мог понравиться другой. Или третий. Главная задача была, чтобы ты никому не понравился.

Это, конечно, демонстрировало отсутствие всякого политического опыта и полную беспомощность слабеющей тогда партии.

Мне было очень трудно встречаться с людьми. Многие руководители предприятий просто не допускали моих встреч с народом. Например, тогдашний директор автозавода долго не впускал меня на территорию предприятия, и мне пришлось проехать туда нелегальным образом. В кузове грузовика. А когда я приехал на встречу на автозаводскую ТЭЦ, собравшимся объявили, что все будут немедленно отправлены на уборку территории. В наказание. В нерабочее время. На целую неделю.

Мне это казалось просто замечательным делом: я понял, что с моей помощью вечно грязная территория завода (тогда, теперь чище стало) будет благоустроена и люди почувствуют себя более комфортно.

Кстати, несмотря на столь жесткие меры, народу на встречах было много.

Выборы тем не менее состоялись. Проходили они довольно интересно, в два тура. А потом, уже в 1993 году, были выборы в Совет Федерации. Они были довольно простыми для меня. С одной стороны, я уже был тогда губернатором, с другой стороны, отсутствовала довольно жесткая оппозиция.

Но вот следующие выборы, губернаторские, в конце 1995 года, оказались сложными. Они совпали с парламентскими выборами и носили ярко выраженный политический характер. К тому же появились соперники, имеющие деньги и влияние. Они хотели во что бы то ни стало победить.

Тем не менее 58 процентов жителей области, принявших участие в голосовании, отдали свои голоса мне. А в самом Нижнем Новгороде я получил 65 процентов.

Здорово, что впервые за многовековую историю и России, и Нижегородской губернии мы добились фантастического результата: народу было позволено самому выбирать собственную власть. В этом смысле меня всегда умиляют заявления некоторых большевиков об антинародном режиме. Как-то не вяжется термин «антинародный» с властью, которую избрал народ. Тем не менее такая фразеология до сих пор используется, хотя, по-моему, она ничего, кроме улыбки, вызывать не может.

Семья моя довольно скептически относилась к моему участию в выборах. А мать была просто против. Особенно возражали все, когда я принял решение участвовать в выборах в Верховный Совет России в 1990 году. Мои сотрудники в институте, особенно Александр Котюсов, который сейчас является моим помощником, совсем не хотели, чтобы я участвовал в этом деле. Мы даже спорили с Котюсовым на четыре бутылки коньяку, что я не

буду участвовать, и я даже написал ему в том расписку. Я действительно сначала не очень-то хотел этого, еще хорошо помнилось то самое окружное предвыборное собрание.

Но потом как-то решился. Многие люди меня поддерживали, особенно активисты экологического движения против строительства атомной станции. Вот эта общественная поддержка «снизу», а не со стороны начальства оказала решающее действие.

И я принял решение.

В принципе, я не жалею о своем многократном участии в выборах: выборы — поворотное решение не только для тех, кто за тебя голосует, но и для тебя самого.

Проблема в том, что в России человек, находящийся у власти, имеет определенный статус. А человек, проигравший выборы или в силу иных обстоятельств покинувший пост, становится в какой-то степени изгоем. И попадает в довольно жесткие жизненные обстоятельства.

Эта особенность России, я надеюсь, со временем все-таки исчезнет. А сейчас это реалии жизни, и об этом нельзя забывать никогда.

Гражданин

В нашем обществе это довольно-таки казенное слово. А иногда даже ироничное. Содержание высокой гражданственности, мне кажется, сегодня в нем еще отсутствует.

Гражданское общество в нашей стране еще только зарождается.

Каковы признаки гражданского общества? Свободное высказывание своих взглядов, независимая пресса, оппозиция и огромное число негосударственных, неправительственных, не зависящих от властных структур организа-

ций, которые действуют в самых различных сферах.

Первые два момента у нас относительно реализованы. Что же касается последнего, то, за исключением Церкви и еще очень немногих организаций, наше общество далеко не столь структурировано и не столь прочно обрело иммунитет против экстремизма, как хотелось бы. Как это всегда бывает в истинно гражданском обществе.

На самом деле наличие огромного числа разных центров влияния (а различные общественные организации и есть центры влияния) всегда приводит к стабилизации. В том числе и политической власти.

В России вообще такой традиции нет. Такая традиция сейчас только формируется. И поэтому понятие «гражданин» бытует у нас пока скорее в полуироническом значении, пришедшем из «милицейских рассказов» («Гражданин, пройдемте!»), чем в том высоком смысле, который означает свободного человека в свободной стране.

Сахаров

Могу рассказать (со слов академика В. Л. Гинзбурга) историю возвращения Андрея Дмитриевича Сахарова в Москву из Горького, из ссылки. Это было в 1986 году. Сахарова приняли на прежнее место работы в теоротдел ФИАН СССР. Заведовал отделом Гинзбург. Возник вопрос о том, на какую должность принять Андрея Дмитриевича. Реформы науки к этому времени уже начались, вводилась новая сетка научных работников. Сахарова принял сам Басов — академик, Герой Соцтруда, Нобелевский лауреат и т.д.

— Кем вы хотите? — спросил Басов Сахарова.

— Гинзбург сказал — ведущим научным сотрудником.

— Но по инструкции нельзя ведущим, если никого не ведешь.

— Ну, нет так нет.

Сахаров вернулся к Гинзбургу. Тот спросил:

— Ну как?

— Да вот, Басов говорит, что нельзя ведущим, так как никого не веду...

— Андрей Дмитриевич, вы ведете за собой весь мир! Но я понимаю, нужна группа. С кем из моих сотрудников вы хотели бы работать?

— Ни с кем.

— ?!

— Все работают в своих секторах, как-то неудобно. Работают — и пусть работают.

— Ну а со стороны кого-нибудь взять? Есть кандидатуры?

— Есть два человека.

— А где они?

— В Перми. № 069.../26 — и так далее.

— ?!!

Потом группу создали, Андрей Дмитриевич был назначен главным научным сотрудником и заведующим сектором. К этому событию пришло послание от Папы Иоанна Павла II с поздравлениями: «...Вся Католическая церковь поздравляет Вас с назначением на должность главного научного сотрудника» и т. д. Подпись — Иоанн Павел II. Сотрудниками сектора были приняты Андриюшин и Альтшуллер. Оба — политзаключенные. Оба сидели в Перми.

Андриюшин в 1980 году возле Оружейной палаты в Кремле выбросил лозунг «Подонки! Освободите Сахарова!». Тут же был схвачен, но его вместе с плакатом успели снять на видео-пленку и в тот же вечер показали по Эн-би-си. После чего он «сел» еще более убедительно.

Альтшуллер дружил с Николаем Шмелевым и учился у него экономике. Потом Шмелев как учитель ему надоел — «перегрузил». И тогда Альтшуллер написал книгу. Это был как бы справочник «СССР в цифрах», но не «официальные» цифры, а правдивые. В конце следовали выводы. Убийственные. Понес рукопись в издательство «Экономика». Там, естественно, печатать отказались.

— Тогда будем пробиваться в «Континент», — сказал Альтшуллер.

Издательство пошло на попятную и сказало, что книгу примет, но надо пройти цензуру. Альтшуллер согласился, рукопись исчезла, а наивный автор, конечно, «сел».

Потом, когда Сахаров выручил из зоны обоих, их выпустили без права прописки в

Москве. Один работал дворником, другой ко-чегаром. Конечно, для приема на работу в ФИАИ анкеты у них были страшные.

На собрании теоротдела проголосовали за них единогласно. Академик Фейнберг сказал: «Если этого хочет Андрей Дмитриевич, то нет никаких сомнений». Но Басов был против: «Как могут у нас работать политические заключенные?» В конце концов их приняли по звонку Чебрикова.

Так был создан сектор Сахарова.

Горбачев

Горбачев — историческая личность.

Я не знаю, в какой мере он лично, исходя лишь из своих внутренних убеждений, а не под воздействием обстоятельств, принимал решения. Думаю, что в ничтожной. Потуги Горбачева что-нибудь сделать (я имею в виду его поведение в Нагорном Карабахе, например), его очень неуклюжие попытки реформирования советской экономики, которые начались с кооперативного движения и совместных предприятий, после чего немедленно было сделано «два шага назад», — все это, конечно, говорит о том, что он был во власти обстоятельств.

Но! Он нашел в себе силы и мужество больших глупостей не делать. И не пытался остановить ход истории. И потому он, безусловно, историческая фигура.

Во-первых, он — впервые за долгие столетия! — дал свободу. Во-вторых, с именем Горбачева, бесспорно, связано возрождение демократии в России: свободные выборы и так далее. Наконец, в стране появилась политическая оппозиция, и тоже благодаря Горбачеву. Страна стала более понятна всему остальному миру, и это — заслуга Горбачева.

Как всякая историческая личность, Горбачев очень противоречив. Даже можно сказать — одиозен. Он, видимо, совершенно ничего не понимает в экономике. Для него это такая загадка природы, которую не дано разгадать. Уж таким его родили отец и мать. И он, кстати, не скрывает этого. Даже анекдот про себя рассказывает: у Рейгана сто телохранителей, один из них — агент КГБ, но Рейган не знает, кто этот человек, и потому боится выходить из Белого дома, чтобы тот его не убил. У Миттерана — сто поклонниц. Одна из них больна СПИДом, и потому Миттеран не изменяет своей жене. У Горбачева сто экономистов, один из них — умный, но Горбачев не знает, кто он.

Так вот, это незнание Горбачева, это абсолютное непонимание, что надо делать, кроме словесного фетишизма «перестройки», «ускорения», «гласности», «демократизации» и так далее, полное отсутствие экономического стержня, неумение разобраться, кто говорит правильно, а кто неправильно, — все это ввергло страну в очень тяжелое состояние. Мы все знаем, чем это закончилось. Тем, что Горбачев был фактически отстранен от власти 19 августа 1991 года. Он сам себе подписал приговор. Его нерешительность, бездеятельность, склонность к каким-то невероятным кульбитам и компромиссам при отсутствии своей собственной позиции по экономическим вопросам сыграли злую шутку со страной и с ним тоже. Мне его по-настоящему жалко. Потому что, если бы он, обладая гигантской властью Генерального секретаря и позже президента, делал хотя бы нечто подобное тому, что делал Дэн Сяопин в Китае, я думаю, страна не была бы сейчас у разбитого корыта.

А когда я говорю, что мне совершенно не-

понятно его поведение, то я имею в виду такие поступки, как, например, участие в президентских выборах 1996 года. Ну зачем ему это?

Он — лауреат Нобелевской премии. Первый и последний президент СССР. Каждый такой человек, исторический, должен думать о том, что о нем будут говорить люди. Я, по крайней мере, так считаю.

О Горбачеве, как бы его ни ругали, в истории останется светлая память. А его участие в президентских выборах 1996 года будет рассматриваться как какой-то курьез. Ясно, что по масштабу он не Сахаров и не Эйнштейн. Другой уровень. Историческая роль — да, но по-человечески — не глыба. Но есть у него положительные качества, которых недостает многим властителям России. Он — совершенно некроважный человек. И еще — очень терпеливый. Это очень важно для людей власти, имеющих неограниченные возможности.

Почему его принял Запад? Причин здесь довольно много. Он совершенно свободно изъяснялся, это первое. Потом — рухнула Берлинская стена, что имело колоссальное значение для Запада. Были подписаны ключевые договоры о сокращении наступательных вооружений. Далее. При нем Восточная Европа перестала быть частью военного блока. И наконец, он всегда стремился быть признанным во всем мире. И очень много делал для своего собственного признания.

Такого рода поведение, крайне необычное после Брежнева, Андропова, Черненко, естественно, импонировало людям. И самые умные, самые проникательные, такие, как Тэтчер, заметили в Горбачеве личность совсем другую. Не коммунистического ортодокса, а человека, для которого общечеловеческие цен-

ности выше, чем идеологические догмы. Этим он и отличался от своих предшественников. В этом — очевидный смысл его признания.

Черномырдин

Хороший человек, по-моему. Может быть, не совсем подготовленный для работы премьер-министром в условиях кризиса. Часто путающий интересы России с интересами «Газпрома». Опыт у него, кстати, огромный. Он хотел оставаться хозяйственником, между тем его каждый день толкали в политику, и он долго сопротивлялся. Это двойственное положение его, как мне кажется, тяготило — возможно, тяготит до сих пор. Хотя сейчас он скорее всего уже смирился с мыслью, что он — политик, а не хозяйственник. И это хорошо.

Мы встречались неоднократно. И очень успешно: Черномырдин охотно поддерживает всевозможные новые идеи, даже весьма оригинальные и экзотические, с его точки зрения. То есть демонстрирует ум вполне новаторской направленности. Хотя вместе с тем ум осторожный.

К его не то чтобы недостаткам, а, скажем так, особенностям я бы отнес отсутствие некоей стержневой идеологии. Может быть, как раз потому, что он — хозяйственник по сути. В душе. Общий взгляд, идеологический, присущ больше политикам: они отвечают на вопрос «что делать?», а Черномырдин больше знает, «как делать». Целостная картина для него не совсем ясна.

Абсолютно не верю в разговоры о том, что у Черномырдина — огромные богатства и роскошь. По-моему, он как раз ведет достаточно скромный образ жизни. Не пуританский, ко-

нечно, но скромный. Думаю, что он хочет остаться в истории России не как «серый человек», а как руководитель, сделавший много полезного.

Я считаю, что его выдающаяся роль состоит в том, что он проявил себя миротворцем в чеченской войне. Хотя его статус не позволял ему принимать по-настоящему политические решения.

И еще одно. Черномырдин — человек, очень преданный Ельцину. Человек, обладающий номенклатурной этикой в самом лучшем смысле этого слова. То есть человек надежный. Он может чего-то не знать, в чем-то ошибаться, но предать он не может. Для Ельцина он — настоящая находка. И Ельцин, обладая недюжинной интуицией, в конце концов это понял. Мне кажется, что были периоды, когда президент с некоторой долей подозрительности относился к своему собственному премьеру.

У Черномырдина есть замечательная черта: быстрая реакция, позволяющая ему отделять зерна от плевел. Даже если не знает тему. Например, когда мы с ним были в колхозе и он оценивал нашу земельную программу, он сразу сказал, что, по всей видимости, это и есть модель для всей российской деревни. Понимая не столько саму процедуру распределения земли, сколько исторически обусловленные корни нашей программы. То, что крестьянину дают волю. Волю! Крестьянину не нужно непременно становиться фермером, ему просто нужна воля. Которую он употребит, как сочтет нужным — быть отдельно, быть вместе с другими, но так, как сам решил. Черномырдин сразу понял, что это — как раз то, что лежит глубоко в душе российских крестьян.

Понял и поддержал. Но в чем сказалась его жилка администратора более, чем политика?

В том, что, поддерживая программу в принципе, он настойчиво ее не продвигает. Поддерживает, но не продвигает. То же самое, кстати, с реформированием потребительской кооперации. Поддерживает, да. Но это не стало частью его собственной программы. Он подписывает необходимые решения, постановления... Но стране нужно, чтобы важные программы были еще и общественно озвучены. А этого нет.

Попытка Черномырдина стать публичным политиком, когда речь шла о Буденновске, была просто блестящей. Но потом ему надо было еженедельно выступать по общенациональному телевидению в программе типа «Добрый вечер, Россия». Или что-то в этом роде. И рассказывать о тех задачах, которые были решены за прошедшую неделю, и о тех, которые предстоит решить. Это очень дисциплинирует: допустим, каждую субботу нужно сказать о таких вещах, которые бы людьми воспринимались. А это значит, что правительство делало бы эти вещи реально. Тут дело не в том, что первые лица государства (а ведь это и президент мог бы делать!) превратились бы в телегероев, а их выступления — в бесконечный телесериал. Дело в том, что пропасть, существующая между властью и обществом, могла бы стать не такой глубокой. Люди понимали бы, что делает правительство. А правительство в свою очередь ощущало бы живую ответную реакцию людей.

К сожалению, кабинетная политика не делает чести ни правительству, ни народу, который не может заставить правительство работать публично. Специфическая, бурная публичность в периоды предвыборных кампаний погоды не делает. Необходимо постоянно говорить со своим народом. И кстати, почему люди

сейчас больше доверяют местной власти? Именно потому, что местная власть — ближе. Понятнее. В Московском Кремле это уже знают. Может, сделают выводы.

Удивительно, что такие элементарные вещи даже Гайдар не понимал. Вещи элементарные и непреложные: власть — публичное действие.

Гайдар

Егор Тимурович Гайдар — образованный, интеллигентный, порядочный человек. Как ни странно, достаточно жесткий. Когда его видишь на экране телевизора, он не производит впечатления человека жесткого. Но на самом деле это так.

Жесткий, непоколебимый и одновременно наивный и не очень хорошо знающий российскую действительность.

Историй с ним связано много. Например, такая. Наша ФСБ засекла, как с одного закрытого аэродрома какие-то люди сгружали бэтэры в Азербайджан, во время карабахской войны. На этот счет была якобы резолюция Гайдара. И когда наши спецслужбы заметили это, они прекратили отгрузку. Мне принесли бумагу с резолюцией Гайдара: «Отгрузить» в связи с соглашением». Каким-то там соглашением. Непонятно.

Я позвонил Гайдару, он сидит, мне показалось, ни жив ни мертв на том конце провода. Попросил меня непременно приехать. Я приехал. Он меня немедленно принял (а он был тогда премьер-министром!). Мы стали разбираться, и оказалось, что это поддельная резолюция. Он вызвал Баранникова (тот был тогда начальником спецслужб), потребовал разобраться. Выяснилось, что эта подделка была осуществлена не без участия азербайджанских

деятелей. Вот тогда я его увидел достаточно твердым.

Другой пример. На совещании у Гайдара мы обсуждали подъем Чебоксарского водохранилища. Было очень много людей: проектанты, представители Самары, Чувашской Республики, Марийской, мы — нижегородцы. Высказывались самые разные точки зрения. Причем наукообразные утверждения теоретиков сочетались с очень эмоциональными выступлениями нижегородцев, марийцев... Гайдар все это слушал, потом в конце сказал: «Водохранилище поднимать не будем. Решение принято». Тот самый «тихий Гайдар», который, иногда причмокивая, иногда не причмокивая, говорил что-то, вдруг проявился как абсолютно твердый и непоколебимый политик и хозяйственник.

Были конфликты. Один конфликт, самый большой, был связан в 1992 году с отсутствием наличных денег, с кризисом наличного обращения, который больно ударил по всему народу. Очень сильно мы с ним ругались тогда. Он даже сказал, что мне уже пора отправляться на покой. Но мне пришлось возразить ему: «Не вы меня назначили, не вам и снимать. Пусть президент меня отсылает на покой, если сочтет нужным».

Но он не злопамятный. Этот конфликт, хотя и получил огласку, не оставил у нас зла друг против друга.

Гайдара постигла участь практически всех российских реформаторов. Сейчас подавляющее большинство граждан страны считают его виноватым почти во всех смертных грехах, не могут ему простить, например, исчезновение вкладов в Сберегательном банке. Так уж устроено общественное сознание, что все хорошее, что связано с реформаторами, забывается, а

все неудачное остается в народной памяти надолго. На самом деле Гайдар был первым в постсоветское время премьером, который ликвидировал очереди, хамство в магазинах и товарный дефицит. Но чтобы люди это осознали, должно пройти время.

Жириновский

Умный человек. С клиническими особенностями. Абсолютно беспринципный — это отнюдь не мое наблюдение, это говорят люди, которые с ним часто общаются. Готов изменить свои собственные решения на прямо противоположные, если потребуется и если за это хорошо заплатят.

Очень любит роскошь. Тут, как видно, тяжелое детство сказалось. Ясно и свободно излагает свои мысли, но при этом ориентируется на совершенно определенных людей. Не только на «социальное дно», но и просто на психически нездоровых людей. Такие люди есть в любом обществе, каким бы оно ни было — богатым или нет, люмпенизированным или наоборот. До десяти процентов таких людей может быть в обществе. И поэтому у Жириновского всегда будут избиратели. Примерно от пяти до десяти процентов.

По-моему, он довольно хорошо владеет техникой воздействия на толпу. По-моему, пользуется услугами профессиональных психологов. В принципе, опасный для страны человек.

Лебедь

Человек образованный, колоритный, хорошо излагающий свои мысли, что, надо сказать, довольно большая редкость для военных. И неординарный.

Уважаю его за то, что сумел добиться мира в Приднестровье и в Чечне.

Мне показалось, правда, что он никак не может сформулировать свои экономические воззрения. И это — одна из проблем Лебеда как политического деятеля. Потому что люди, не имеющие четкой экономической ориентации (не важно, правая она или левая), не могут обрести сторонников и противников в должном объеме. Мне кажется, что Лебедь как популярный человек очень нужен России. Но, чтобы стать политическим лидером в прямом смысле этого слова (а не просто популярной личностью), ему надо более четко сформулировать свои воззрения на экономику, а не только на развитие армии и государства. Это само по себе, конечно, важно, но недостаточно для людей. Люди хотят знать, что изменится в их повседневной жизни с приходом Лебеда в действующую власть. Пока его экономические метания от либерала Найшуля до государственника Глазьева ничего хорошего в этом плане не предвещают.

После того как он стал губернатором Красноярского края, стало отчетливо ясно, что он путает управление 14-й армией с управлением гигантским регионом. И это происходит потому, что он никак не может сформулировать свои экономические воззрения. Очень настораживает и то, что он фактически расправился с теми людьми, с которыми вместе пришел к власти, и до сих пор так и не сформировал свою собственную команду. Все это делает Лебеда непредсказуемым и непонятым для общества.

Коржаков

Охранник, который пытался быть политиком.

Как политик он слабоват. Думаю, что объективно он наносил вред России: когда в государстве самый главный охранник имеет право политического голоса, это — варварство. Он должен был быть тише воды, ниже травы. Его не должно было быть видно. Охранять президента — и все! Никаких других задач у него нет. То, что он их себе придумал, то, что он пытался влиять на экономику, — это позор.

На самом деле это следствие неустойчивости российского законодательства. Когда указом президента можно подчинить охранному ведомству огромные и важные сферы жизни и деятельности. Например, торговлю оружием. И тому подобное.

С другой стороны, история с Коржаковым — история глубоко российская. На Руси всегда были формальные правители, имеющие статус и положение, а были неформальные. Был Гришка Распутин. А сейчас у нас имеется своего рода «коллективный Распутин». Их много, и в то же время они — никто. Гришка-то был человеком незаурядным, талантливым по своему. Таких людей в окружении президента сегодня все-таки маловато.

Да и в целом люди, не имеющие формального статуса, могут оказывать огромное влияние на «царя». Вспомним хотя бы олигархов.

Тэтчер

Маргарет Тэтчер сыграла выдающуюся роль в судьбе современной России. Она первая показала России взгляд Запада на развитие цивилизации. Она открыла миру Горбачева и первая заявила, что Горбачев — это не коммунизм. Это — что-то другое.

Человек она очень жесткий, не изменяющий своим принципам. То есть Тэтчер — на-

стоящий политик со всеми присущими политикой плюсами и минусами. Политик, знающий, что делать. И поступающий при этом порой очень жестко.

В то же время госпожа Тэтчер прекрасно понимала, что многие жестокие решения без народной поддержки провести не удастся, ибо эти решения жестоки именно по отношению к народу.

Считаю, что она проявила себя не просто хорошо, а блестяще в войне с Аргентиной, на Фолклендских островах (хотя слово «война» к этому конфликту не употреблялось). Уже одно то, что Тэтчер встречалась с женами офицеров, которые уезжали туда, лично участвовала в похоронах, пожимала руки всем морским офицерам и наблюдала за ученьями, — все это говорит о ее выдающихся качествах и таланте.

Я знаю, что ко мне она относится хорошо. Ее оценки судьбы России — прямолинейные и простые, но по существу правильные: Тэтчер боится возврата коммунизма, полагая, что это было бы большим поражением, в том числе и для Великобритании. К России госпожа Тэтчер относится лучше, чем другие английские правители. Просто потому, что понимает роль России в развитии европейской цивилизации, понимает, насколько — косвенно или прямо — Россия влияет на общеевропейские процессы. Ненавидит чиновников и бюрократию, особенно бюрократию в Брюсселе. Много раз жаловалась мне на Европейское Сообщество. Выступает за «самостийную» Великобританию.

В экономике проповедует либеральные принципы. Достаточно жестокие: равноправие, недостаточное внимание защите слабых людей. Отсюда, с одной стороны, стабилизация экономики, с другой — неизбежные страдания многих людей. Она была непопулярна, когда

правила страной, особенно в последнее время. Сейчас Тэтчер достаточно популярна. Так всегда бывает: «твердые» политики с благодарностью вспоминаются страной и народом по прошествии некоторого времени, когда их жестокость забывается и остается только то хорошее, что они сделали.

Шанс стать главой государства в России у Тэтчер сейчас больше, чем в своей собственной стране. Вообще, по-моему, такая персона, как Тэтчер, нужна России. Знающая, что делать, знающая, как делать, очень патриотически настроенная и достаточно лояльная к внешнему миру.

КЛИНТОН

Внешне симпатичный человек! И, как многие американцы, довольно наивно смотрящий на жизнь. России, в частности. Клинтон — продукт американской системы. В чистом виде американец — и президент, и человек.

Мир воспринимается им в двоичном коде: да — нет, хорошо — плохо. К России относится только сквозь призму американских интересов. Слепо верит в демократические принципы. На вопрос: если бы вы точно знали, что в России победят фашисты на свободных выборах, боролись бы за отмену выборов? — он ответил бы «нет». Выборы лучше, потому что это — волеизъявление народа. По-моему, в глубине души убежден, что американская демократия, экономическая свобода и социал-капитализм — это то, что нужно всему остальному миру. То есть определенное мессианство в нем есть, безусловно.

Хотя, наверно, любой Президент США на его месте вел бы себя точно так же, потому что это единственная сверхдержава, которая

сегодня осталась в мире. И Президент США чувствует себя ответственным за судьбу мира, а не только своей страны. И американский космополитизм у них в крови. Их нельзя за это осуждать: они исторически формировались как космополиты. И сейчас ответственность за судьбу мира делает президента достаточно жестким и достаточно авторитарным.

Внешне Клинтон ведет себя при этом сдержанно. Зюганову во время встречи не поверил, это точно, но виду не показал. Не поверил ни в сохранение частной собственности, ни в свободу печати, ни во что не поверил.

Базовыми для Клинтона являются три вещи: гражданские свободы, в частности свобода слова, выборы и частная собственность. Это единственное, что он считает существенным. Не он один, кстати: я тоже так считаю. И многие другие люди тоже так считают.

Мое отношение к Клинтону изменилось сильно не после истории с Моникой Левински, а после начала боевой операции в Югославии. Я бы даже сказал, раньше — после боевых действий в Ираке.

Клинтон все-таки типично американский президент. То есть абсолютное ощущение исключительности, того, что он единственный руководитель единственной сверхдержавы, полностью лишило его, я бы сказал, адекватной оценки роли Соединенных Штатов в мире. И собственной роли.

Возьмем историю с Хусейном. Хусейн мне несимпатичен. Мягко говоря. Но тем не менее Клинтон из него сделал героя. И сейчас это человек, который будет править Ираком до самой смерти. Это все случилось благодаря Клинтону, ничего иного Клинтон не достиг. То же самое с Милошевичем. Фактически из Милошевича он тоже сделал героя, хотя еще

несколько лет назад была мощная оппозиция Милошевичу. Клинтон «уничтожил» эту оппозицию, консолидировал вокруг Милошевича — не самого лучшего лидера Югославии — практически весь народ.

Вот это ощущение, что американцы играют главную роль в гигантской мыльной опере бесконечно далеко от берегов Потомака, по всей видимости, не покидает многих начальников в Америке. По большому счету, для них Европа бесконечно далека, особенно Балканы. Ближний Восток — тем более. Но поскольку они отстроили после Вьетнама дееспособную профессиональную армию, поскольку экономика США, в отличие от нашей, находится на гигантском подъеме и поскольку у них есть профицит бюджета — деньги девать некуда, — они считают для себя возможным такого рода имперское поведение.

Я думаю, что это не позиция граждан Соединенных Штатов.

Хотя у них общественное мнение вообще-то влияет на ситуацию. Клинтон принимает решения, так же как и многие американские начальники, сидя у экрана и глядя канал Си-эн-эн. У американцев же есть несколько особенностей. Например, они свято верят в справедливость своего телевидения. И газет. Например, если что-то написано в «Нью-Йорк таймс», то для них это то же самое, что в Библии написано. Это даже не обсуждается: ссылка на «Нью-Йорк таймс» — это последняя инстанция.

Кстати, если говорить о газетах, то они во многом достаточно объективны. Хотя в отношении военных действий субъективные оценки всегда присутствуют.

Если же говорить о Си-эн-эн, то это, конечно, чистая агитка и американская пропа-

ганда. Дело не в том, что эта компания находится под пятой госдепартамента, нет. Просто так многие журналисты думают. Они так воспитаны — в терминах «добро» и «зло», «хорошо — плохо», «белое — черное»... Они воспитаны так, как их воспитал Рейган. А Рейган воспитал их так: самая лучшая система — американская, самая свободная страна — Америка и все, что Америка несет, — благо для мира. Это и есть главная идея Рейгана, и многие люди, в том числе и журналисты, на этом воспитаны. Они от европейцев сильно отличаются, они гораздо более стандартизированы, особенно когда речь идет о международных событиях. Внутри Америки есть какие-то оттенки, а вне — нет.

Что же касается истории с Моникой... Честно говоря, мне жалко американский народ. Потому что все это к чему привело? К тому, что этот закон о сексуальных домогательствах на самом деле может привести нацию к вымиранию. Они настолько патологически сторонятся людей противоположного пола, особенно это заметно в колледжах и университетах, что складывается впечатление, будто пуританская мораль начинает давить на твое личное сознание. Ты начинаешь себя чувствовать крайне скованным и несвободным. То есть разговор о свободе и демократии в Америке, по крайней мере в части сексуальных свобод, является мифом. Это искусственное пуританство. Мне искренне их жаль. Я считаю, что история с Моникой просто лишнее подтверждение тому, что пуританская мораль может быть доведена до абсурда.

Они обсуждают: Клинтон наврал — не наврал. Но с другой стороны, частная жизнь — это его личное дело. Почему бы ему правду говорить? И там у них поправка есть, между

прочим, на себя можно не наговаривать, по этой поправке.

Плохо вся эта история не могла кончиться по той причине, что, когда был процесс с Моникой, экономика США была на гигантском подъеме: самый низкий уровень безработицы после войны, самые высокие доходы и самый низкий уровень бедности. И американский народ плевать хотел на эти похождения своего президента, потому что, если есть доллары в кармане и есть работа, они готовы хоть медведя терпеть, хоть гомосексуалиста в Белом доме — им все равно.

Сорос

Мы много раз встречались с Соросом. Первый раз — в Нью-Йорке. Кажется, в 1992 году. Потом — в Нижнем Новгороде. Потом — в Давосе, дважды или трижды. Несколько раз в Москве, в правительстве.

Сорос очень много помогал Нижнему Новгороду. И вообще чувствует себя причастным к судьбе Восточной Европы, поскольку он сам родом из Восточной Европы. Очень удачливый и изобретательный бизнесмен, сделавший состояние на финансовых операциях настолько широкомасштабных, что они приводили к ряду валютных потрясений.

Человек, безусловно, не частный. Целую империю представляет. Абсолютно уверен в примате прав конкретного человека над правами общества. То есть супериндивидуалист.

Эффективность его деятельности связана с тем, что он ориентирован не на организации и страны, а на людей. Он помогает конкретным людям, а не каким-то программам или проектам. Главные принципы Джорджа Сороса — это принципы американского образа жизни:

свобода передвижения, свобода информации, свобода слова... Вся его филантропическая деятельность посвящена реализации этого убеждения: убеждения в том, что без элементарных свобод невозможен прогресс. Ни в одной стране мира. И в этом смысле он, конечно, космополит.

Для российского народа Сорос — абсолютно непонятная личность. Отсюда возникают идиотские предположения о том, что он — агент. У него такие доходы, что ему не нужно быть ничьим агентом. Он очень богатый человек. Он тратит на благотворительность доли процента своих доходов. Не проценты даже, а доли процента. Для него это — ноль. Поскольку человек он пожилой и сентиментальный, он хочет оставить после себя след в мире. У него такой статус, что речь идет о следе не в стране, а в мире. И он занимается благотворительностью, ничтожной по сравнению с его богатством, но имеющей огромный резонанс в Восточной Европе.

Сорос — один из энтузиастов и главных спонсоров уникальной системы Интернет, глобальной системы связи всех информатизационных систем мира. Считает, что через Интернет можно сделать гигантские различия в уровне жизни людей не столь заметными. Вместе с тем сочетает свою благотворительную деятельность с колоссальной жесткостью на фондовом рынке.

Благотворительный смысл Интернета, по Соросу, состоит в том, что информация — очень дорогой товар. А Интернет — система бесплатная. И если бесплатная информация о товарах равномерно поступает во все страны мира, переливаясь свободно через границы, то — как следствие — и сами товары распределяются равномерно по разным странам и ста-

нут доступны всем. Как любая схема, и эта — весьма ограничена. Она не учитывает, например, политические режимы, пограничные барьеры, наконец, исторические пути разных стран, их особенности, специфику. И — извечную подозрительность к иностранцам. Которая есть везде, не только в России.

В этом смысле Сорос, конечно, идеалист. Во всех прочих смыслах — грубый материалист.

Абсолютно земной человек. И, думаю, адекватно оценивающий свою роль.

Ростропович

Ростроповича я впервые увидел, когда мне было лет пять. В Сочи. Он приезжал туда на концерты. Мать водила меня на концерты классической музыки: на Рихтера, Гилельса... Все они, как водилось в те времена, отдыхали в Сочи и одновременно давали концерты.

Ростропович играл, мне кажется, в Зимнем театре. Я ничего не понимал. Но восторженное отношение моей мамы к исполнительскому искусству Ростроповича запало мне в душу. С тех пор его имя всегда было для меня символом чего-то недостижимого, светлого и великого.

В следующий раз я увидел его — веселого и жизнерадостного — уже в 1994 году, когда Ростропович присутствовал у нас в Нижнем Новгороде на Сахаровском фестивале. На меня произвели сильное впечатление его неумная энергия, оптимизм и чувство юмора, обаяние, умение расположить к себе людей. Точнее, так: у всех, кто с ним общается, немедленно возникает чувство, что Ростропович — очень хороший и добрый человек. И к тому же патриот.

Более близко, долго и подробно мы с ним общались в 1996 году, когда Ростропович приехал на день рождения Гусмана, в каком-то

смысле своего учителя, и на открытие фестиваля имени Сахарова. На этот раз он приехал не один, а со своей женой, Галиной Павловной Вишневской, о которой ходили легенды. Не только как о великой певице, но и как об очень властной женщине, которая держит Ростроповича в ежовых рукавицах.

Откровенно говоря, общение с этой счастливой семейной парой не создало у меня впечатления о ежовых рукавицах. Вишневская, конечно, женщина очень сильная — недаром она играет роль Екатерины II в одном из спектаклей. Но Ростропович — тоже не слабый. Можно быть более мягким внешне, но при этом достаточно твердым и жестким по натуре, по убеждениям.

Что меня более всего восхитило в эти дни, проведенные с Ростроповичем и Вишневской? Я понял наконец, что есть настоящие русские патриоты. Вот такие люди, без истеричных заявлений о каком-то там особом пути России, а просто с желанием реально помочь, в первую очередь слабым и обездоленным.

Мы с ними создали в Нижнем Фонд Ростроповича — Вишневской. Главная задача Фонда — строительство больницы в Вачском районе. История это довольно интересная. Ростропович заявил, что приедет в Нижний только в том случае, если я найду ему какую-нибудь захолустную деревню, где можно будет построить больницу европейского класса. Больницу для детей и женщин, чтобы они не должны были ездить куда-то далеко, в большие города и тем более за рубеж, за медицинской помощью, иногда элементарной.

Разговор этот состоялся в начале 1996 года, когда Слава летел из Парижа в Лондон. Звонил он мне из самолета. Я ему тогда назвал Вачу.

Такой опыт у него уже был в Петербурге. Но Петербург — вторая столица России, а у некоторых интеллигентов сохранилось убеждение, что возродить Россию надо с провинции. Ростропович, возможно, под влиянием Михалкова, а возможно, из каких-то еще более сентиментальных соображений, посчитал эту идею правильной.

Ростропович вообще человек удивительный: вокруг него всегда создается светлое и радостное поле. Не чувствуешь себя сконфуженным, замкнутым, приниженным, чувствуешь себя, наоборот, нормальным и свободным.

Меня удивляет огромная энергия, которая в нем сохранилась, несмотря на немалый возраст. Удивляет и неиссякаемое желание помочь России, хотя он Россией обижен.

Был такой эпизод на открытии Сахаровского фестиваля. Мы должны были, по решению наших депутатов, присвоить Ростроповичу звание Почетного гражданина Нижегородской области. Забавный момент состоял в том, что российского гражданства он лишен, а тут вдруг ему дают «нижегородское гражданство», да еще почетное. Согласно ритуалу, Ростроповичу следовало надеть ленту. Я ее надевал на него, точнее пытался, а она никак не надевалась, переворачивалась не той стороной, все это происходило на сцене, этакий комический эпизод при тысячной публике... Стало ясно, что лишить человека гражданства гораздо проще, чем гражданство ему вернуть.

По-моему, и Ростропович к этому так отнесся: не только как к шутливому эпизоду, но и как к чему-то весьма серьезному. Конечно, Россия, в лице ее тогдашних правителей, подурачки, со всеми атрибутами чванства, глупости, даже садизма расправлялась со своими лучшими сынами. Но тем не менее великие

люди тем и отличаются от людей обычных, что до конца не таят в себе обиду. Могут отделять зерна от плевел, а великую страну — от очень маленьких правителей. Именно поэтому желание помочь России сейчас у Ростроповича абсолютно искреннее.

Многие люди, даже и с темным прошлым, увидев отношение Ростроповича к благотворительности, тоже решили приобщиться к этому делу. И стали давать деньги на «вачский проект». Можно сказать, что Ростропович — почетный меценат Нижегородской области. И вообще России.

Я счастлив, что у меня есть такая уникальная возможность общаться с живыми легендами и гениями. Такими, как Слава Ростропович.

Михалков

Выдающийся русский человек. Очень талантливый режиссер. Страшно работоспособный, может работать по двадцать часов в сутки. Готов вытащить всю душу из своих коллег, с которыми он трудится, из своих подчиненных.

Человек очень честолюбивый, иногда эгоистичный. Конформист. Злые языки в Москве вообще считают, что семья Михалковых, особенно отец, — семья предателей. Бытует такое мнение в интеллигентской среде. Сначала — с одним, потом — с другим, с Руцким вот, например, и так далее.

У меня есть другая версия. Михалков, Никита Сергеевич, воспитан на том, что власть — от Бога. Любая власть. Поэтому он конформист просто генетически. Он не приспособливается всякий раз к новой властной фигуре, он искренне верит в нее. Всякий раз верит. «Власть — от Бога, я — при власти». Вот тезис. Есть такие люди.

Почему я так именно объясняю позицию Михалкова и его поведение? Потому что он, в принципе, может прожить без власти. Он не так уж сильно зависит от власти. Он вообще очень мало от нее зависит. Он режиссер, может снимать за границей, где угодно, его знает весь мир. В этом смысле его участие в политической жизни не имеет никакого значения. У него от участия в политической жизни ни гонорары не увеличиваются, ни популярность не прибавляется. Может, даже и уменьшается его популярность как художника вследствие его политических акций.

Он все это понимает прекрасно. Но — «власть от Бога, и я должен с ней быть». Такое особое чувство долга, вот и все. «Власть меняется, и я меняюсь вместе с ней».

Хотя возможно, конечно, и другое какое-нибудь толкование, вроде московского, — есть злые люди в Москве! Я-то думаю так, как сказал.

В Нижний Новгород его привело несколько причин. Ну, во-первых, у нас с Михалковым отчасти похожие характеры. Далее. Ему редко приходилось видеть в России людей «при власти», с которыми он мог бы говорить на своем собственном языке. На абсолютно том же языке, что и он сам. Далее — охота к перемене мест, убеждение, что провинция — истинная Россия... Он вообще часто живет в мире, который сам себе придумал и создал. Он — художник, он так и должен жить. И вот образ России, который он себе создал, он хотел сам в себе укрепить. Через путешествие по провинции.

Очень талантливый человек. Кроме того, что режиссер, он еще и блестящий артист. Поэтому не следует слишком доверяться тому впечатлению, особенно первому, которое он

производит. Он производит то впечатление, которое он сам считает нужным производить в данный момент. Когда речь идет о публике и об артисте Михалкове — это одно. Когда речь идет просто о человеке Михалкове — это другое. Иногда совсем другое. Иногда Михалкова-человека видно, иногда — не видно. Он проницателен. По отношению к самому себе, может, проницательность его подводит. По отношению к другим людям — не подводит никогда. Это важно. Он ведь режиссер, он блестяще чувствует идею, и при этом такая проницательность... Часто он мне предсказывал ход наших нижегородских событий. Не то чтобы в деталях, но в принципе — точно. Эти события он просто прогнозировал как выдающийся и проницательный режиссер.

Просто он хорошо разбирается в людях. Именно в людях, а не в политических процессах. События, о которых я сказал и которые он мне спрогнозировал, касаются человеческих, а не политических отношений.

Он вообще человек чрезвычайно своеобразный. С ярко выраженными особенностями. С одной стороны — блестящий знаток людей, выдающийся режиссер и актер, талантливый рассказчик и так далее. С другой стороны — абсолютный ноль в экономике. Политик — тоже на уровне нуля. Михалков-политик — это улучшенный Рудской. Политику воспринимает как своего рода актерскую работу. Он даже сам говорил как-то: если Рейган сыграл роль президента, то почему бы мне ее не сыграть?

На самом деле политика — это совсем другая сфера познания жизни. Политик может, кстати, не так уж принципиально разбираться в человеческих отношениях, но обязан быть проницательным, когда речь идет об общественных процессах и людях. Это разные вещи.

И здесь количество обязательно переходит в качество.

Что касается кинематографических работ Михалкова — мне нравятся практически все. Хотя, когда я не был знаком с ним лично, мне было проще оценить его фильмы. Сейчас за каждым фильмом (особенно за «Утомленными солнцем», который снимался у нас в Зеленом Городе, и «Сибирским цирюльником») мне вообще трудно разглядеть кино. Я вижу Михалкова, его площадку, фонари, камеры, крики, выяснения отношений. И все это очень мешает адекватно воспринимать потом готовое кино.

Из его актерских работ особенно нравится Паратов в «Жестоком романсе».

Людмила Гурченко

Людмила Марковна Гурченко — российская легенда. Помимо сценического, кинематографического, певческого образа, о чем знают все, в том числе и из ее книг, она имеет еще одну удивительную черту — Люда хорошо разбирается в людях, не терпит фальши и не может общаться с лицемерами. Может быть, именно это меня в ней и привлекает. Она конечно же знает себе цену и понимает, что Божий дар ее, умноженный на невероятное упорство, сделал ее современной легендой.

Кстати говоря, она, хотя и относится к классической актерской школе, тем не менее не чужда авангардизма. Я однажды был у нее дома. Она пригласила меня на свой спектакль по пьесе Радзинского «Поле битвы после победы принадлежит мародерам». А после спектакля мы вместе с ее мужем пошли к ним домой. И там она мне поставила кассету с записью своих песен.

Я был удивлен, когда обнаружил, что она поет в стиле «рэп». Эта женщина с гордостью заявила, что работает сейчас с очень молодыми людьми, записывает новые компакт-диски.

Гурченко вообще молодец: следит за собой, никогда на публике не демонстрирует какие-то свои проблемы, умеет держать себя в руках и в то же время остается сама собой.

Я считаю, что это очень хорошая черта, которая нужна не только артистам, но и всем людям, занимающимся публичной деятельностью.

Алла Пугачева

Мое первое наблюдение, касающееся Аллы Борисовны, таково: она, кажется, знает то, что ей скажут, задолго до того, как сказали. Когда я с ней беседовал, меня не покидало ощущение, что все это она уже слышала тысячу раз. И ничему уже не удивляется.

Впервые мы с ней встретились у нас в Нижнем. Она приезжала выступать на Автозаводе и выглядела уставшей. Не столько физически, сколько морально. Для меня она, безусловно, человек, с которым связаны и детство, и влюбленности мои, и учеба в университете, — ее песни сопровождали мои лучшие, наверное, годы жизни. Я на нее так и смотрю сейчас.

Кажется невероятным, что певица, чьи пластинки слушали миллионы людей, для которых Пугачева была каким-то божественным символом, оказалась человеком простым, милым, веселым, но в то же время слегка уставшим. Иногда.

Потом я видел ее летом в Сочи, она была с Филиппом. Она уже не выступала, только в

конце концерта они вдвоем спели дурацкую песенку — «Зайка моя». Песенка произвела на публику неизгладимое впечатление. Пугачева тогда сказала, что выступать больше не намерена, хочет сделать перерыв.

Она, я думаю, права. Она очень тонко чувствует, когда нужно менять жанр и заняться чем-то другим. Кстати, вся ее жизнь, артистическая да, может быть, даже и личная, складывается из таких моментов, когда нужно остановиться, оглядеться и найти для себя новый путь.

Конечно же она очень талантлива и очень естественна, что важно. Это, может быть, создает определенные неудобства для тех, кто с ней общается, но мне это очень импонирует. Вообще мне с ней легко и приятно общаться. Чиновников она не любит. Один раз сказала:

— Черт его знает, почему я вообще с тобой разговариваю!

Может, потому, что она меня до конца чиновником не считает.

А может, потому, что я похож на Филиппа Киркорова.

В Сочи была однажды история, когда Филипп показал свой паспорт, где он сфотографирован шестнадцатилетним, и я с трудом мог отличить от него свою тогдашнюю физиономию. Алла тут же заявила Филиппу:

— Теперь ты понял, почему я за тебя замуж вышла? Потому что ты похож на Немцова.

Пугачева для меня легендарный человек. Я понимаю, что со мной она беседует не потому, что я такой уж интересный для нее слушатель или собеседник, а просто потому, что я известный человек. А все известные люди, как правило, друг с другом общаются.

Ричард Гир

В 1995 году Никита Михалков, который был в жюри Московского кинофестиваля, решил привезти фестиваль в Нижний. На уик-энд.

Для города это событие было уникальным. Потому что еще несколько лет назад трудно было представить, что звезды мирового кино приедут к нам. И я посчитал, что это намерение Михалкова напоминает действия героя бессмертного произведения Ильфа и Петрова в Нью-Васюках. Оказалось, что Михалков не шутил, и все состоялось. Приехали многие знаменитые артисты: сам Никита, и Андрейченко, и Федосеева-Шукшина, и Сергей Соловьев, и Гурченко, и Янковский...

Но самым фантастическим событием, особенно для нижегородских женщин, стало известие о том, что к нам приедет Ричард Гир.

Перед входом в театр, куда должен был Гир прийти, собралась огромная толпа. Он действительно пришел, сильно опоздав, в сопровождении двух красавиц, русских, живущих в Америке. Одну звали Мила, другую — Валентина. Они были настоящие красавицы, я не утрирую, и с ними был еще некий выходец из Непала, видимо, наставник Гира, поскольку Гир — буддист.

Гир произвел на меня приятное впечатление. Хотя его кинообраз сильно расходится с тем, что я увидел в натуре. Он оказался довольно миниатюрным мужчиной. Худой, небольшого роста — для меня было загадкой, почему женщины всего мира от него тащатся. Так и не понял этого, честно говоря.

Вечером мы с ним должны были встретиться на пароходе. Но оказалось, что Гир уехал со своими друзьями, русскими и непальскими, на остров. Как они заявили, «ловить рыбу и

отдыхать». Захватив с собой все необходимое для этого.

Мы спокойно веселились на пароходе, но в середине ночи ко мне подошел генерал Доброгорский, который возглавляет милицию на транспорте. Он сообщил, что на острове арестовали человека, который плохо говорит по-русски, и двух красавиц. Арестовал их рыбнадзор за то, что они варили уху из стерляди.

Генерал поинтересовался, что делать с арестованными. Я не очень понял, почему мне об этом докладывают. Но Доброгорский сказал, что мужик похож на персонажа из фильмов «Красотка» и «Клуб «Коттон». До меня дошло, что речь идет о Ричарде Гире. И я сказал, что все это, конечно, очень забавно, но человека нужно отпустить. Потому что стерлядь в Волге он поймать не мог — он просто не знал, как она ловится, ее ему скорей всего подарили. К утру «островитяне» вернулись. А на следующий день мы были в Макарьеве, и там мы с ним общались. Мне показалось, что он приятный, сентиментальный человек, может быть, как все американцы, достаточно наивный, живо интересующийся проблемами окружающей среды и буддизмом. И нравственным спасением людей.

Был он какой-то отрешенный, периодически медитировал, в том числе и в Макарьевском монастыре. Потом, правда, подарил монастырю несколько сотен долларов.

Мне он сказал, что очень удивлен тем, что я в 35 лет занимаю столь высокий пост и что он никогда бы этого не достиг.

Больше мы с ним не встречались, хотя он оставил мне свой домашний телефон.

Дом

С домом всегда были проблемы.

Когда мы жили в Сочи, моя мама совершенно невероятным образом, пожалуй, единственный раз в жизни, добилась у тогдашнего то ли первого секретаря, то ли председателя горисполкома Воронкова (которого, кстати, потом посадили по знаменитому «сочинскому делу») предоставления ей двухкомнатной квартиры. В переулке Максима Горького.

Жизнь в квартире была достаточно вольготной в зимние месяцы. А летом в нашей квартире жили отдыхающие, и потому ощущение муравейника меня никогда не покидало. Хотя зимой, когда Сочи превращался в унылый писсуар, ощущение дома было особенно теплым.

Когда мы переехали в Горький, квартиру нашу с большим трудом можно было назвать домом. Это была двухкомнатная «хрущоба» на улице Крылова, со смежными комнатами и с очень тесными кухней и коридором, куда нельзя было пригласить ни знакомых, ни друзей, чтобы при этом не наткнуться друг на друга. А когда сестра моя вышла замуж и у нее родился ребенок, мы жили уже впятером, и пребывание в доме становилось довольно затруднительным делом.

Тем более совсем не просто было чувствовать себя наедине с самим собой.

К экзаменам в университете приходилось готовиться либо на кухне, либо в туалете.

Не могу сказать, что меня постоянно тянуло в этот дом. Нет, не тянуло. Наоборот, хотелось свободы и простора.

Нынешнее мое положение сильно отличается от прежнего. Хотя квартира у меня по-прежнему двухкомнатная, только на другой улице, но практически все время я живу на даче. Дача государственная, построена она была давно, еще в середине тридцатых годов, и в ней иногда еще ощущается дух Валерия Чкалова, который там жил. А также коммунистических правителей. Например, Жданова. Моих предшественников по нижегородской власти, первых секретарей обкома. В том числе и последних — Христораднова и Ходырева.

Сохранились даже кое-какие мелкие предметы от бывших жильцов. И потом, этот дом сочетает в себе типично русское, традиционное понимание большого, теплого, деревянного строения с совковым материализмом, допустим, в казенных шторах, занавесках, в картинах и чеканке, которые там сохранились.

На даче — не все казенное. В том-то и дело. Дом получился полуказенный, а наполовину очень уютный и близкий. Я думаю, для тех людей, кто жил тут до меня, это было так же. Очень хороший дом. В нем чувствуешь себя вполне нормальным человеком.

Единственное, что мешает назвать его домом по-настоящему, это то, что он государственный. И в случае моего ухода с губернаторского поста это жилище займет мой преемник.

Хотел бы я купить себе именно такой дом? Этот — конечно, нет. Внутренние ограничения говорят мне — нет. Но если бы была возможность построить дом, то я построил бы похожий.

Моя жена

С женой мы познакомились при достаточно прозаических обстоятельствах. В столовой. Куда сотрудники библиотеки, где она работала тогда, регулярно ходили обедать. Равно как и сотрудники института, где тогда работал я.

Она всегда приходила туда с толстыми журналами — «Новый Мир», «Знамя», «Дружба народов»... Очередь была довольно длинная, и Рая была одной из немногих, кто читал. Кроме того, у нее была очень длинная коса, ниже пояса, которая придавала ей довольно загадочный облик.

Так прошло несколько лет стояния в очереди, прежде чем мы с ней познакомились. Ничего, кроме мимолетных «здрасьте» и «до свидания», не происходило.

А потом, не знаю по какой причине, вдруг случилось так, что мы начали общаться. И через полгода поженились. Случилось это в 1983 году, уже очень давно. Раиса — человек достаточно закрытый для внешнего мира и в то же время достаточно раскрепощенный, когда речь идет о семье. Она хороший человек — прямой, бесхитростный, что большая редкость для женщины. В общем, мне с ней легко, хотя, конечно, бывают и конфликты. Мы долго друг к другу привыкали и приспособлялись, и я считаю, что здесь было движение как с той, так и с другой стороны. Сейчас мы очень редко ругаемся, а вначале бывали сложные моменты в жизни.

Моя дочь

Моя дочь — это то, что сильно объединяет нашу семью. И мне кажется, что моя дочь — это то, ради чего стоит жить. Хотя я с ней мало

общаюсь просто в силу своей большой загруженности. Это, кстати, вообще удел всех детей начальников: они растут беспризорными.

Тем не менее, когда предоставляется возможность пообщаться, я с удовольствием общаюсь, что она уже достаточно самостоятельный и очень неглупый человек. Целеустремленный. И я бы сказал, что она очень даже симпатичная. Хотя с этим, мне кажется, будут в нашей семье проблемы. Ну, не сейчас, а через несколько лет.

Я не особо беспокоюсь за ее судьбу: думаю, она всего сама добьется. Мне очень нравится, что она абсолютно не пользуется теми возможностями, которые есть у дочери губернатора. Она учится в обычной школе и не хочет переходить ни в какую элитарную. Не потому, что ее не привлекает более углубленное образование, а потому, что она считает неприличным выделяться на фоне других. Мне так кажется.

Однажды пришли западные журналисты и попросили ее дать интервью. Она спросила:

— Вы хотите, чтобы я дала интервью потому, что я дочь губернатора, или потому, что я — Жанна Борисовна Немцова?

— Потому, что дочь губернатора, — честно признались журналисты.

Тогда она ответила очень твердо:

— Я интервью давать не буду. Вот когда чего-то сама достигну и буду вам интересна как Жанна Немцова, только тогда я готова давать интервью.

Я считаю, что это высокий класс. И я горжусь моей дочерью.

Мне нагадали однажды...

Нагадали не мне, а матери. Я об этом уже говорил.

То, что мне цыганки говорили, я просто не помню. Они как-то скороговоркой, непонятно гадают. А в последнее время они меня узнают в лицо, и поэтому их предсказания могут быть предопределены.

Вообще цыганские гадания звучат невнятно: дальняя дорога, сложная судьба... Но, когда я был помоложе, для меня цыганские предсказания были довольно занятным делом.

Слова. Русский язык

Для меня язык — я имею в виду русский язык — однозначно ассоциируется с Родиной. Я довольно часто бываю за рубежом и говорю по-английски, и особого труда мне это не доставляет. Но прежде всего возникает тоска по родному языку. Совсем не потому, что я хочу выглядеть патриотом. Просто для меня русский язык действительно часть моего естественного состояния.

Я думаю, что, если бы меня поместили куда-то, где говорить по-русски запрещено, я бы очень сильно страдал.

Русский язык замечателен тем, что некоторые слова и словосочетания перевести нельзя. Ни на какой другой язык. И русские пословицы — тоже нельзя.

Лучше всего о загадочности и неординарности русских слов можно прочесть у Ильфа и Петрова. В каком месте? Во всех. На меня сильное впечатление произвела их ироничная манера изъясняться по-русски. По-моему, эту манеру нельзя воспроизвести в переводе на другие языки.

Когда язык очень сильно обеднен, бывает обидно и за язык, и за людей.

Но особый колорит языку придают непечатные слова. Причем не тогда, когда они

употребляются как заменители обычных русских слов. А тогда, когда они произносятся к месту, четко и создают такую невероятную атмосферу русского колорита.

К сожалению, привести пример не могу. Хотя довольно часто пользуюсь такой возможностью.

Есть одна непонятная вещь. Все национальности называются словом — именем существительным. Китаец, немец, англичанин — абсолютно все. Кроме русского. Слово «русский» — имя прилагательное. Почему — я не знаю, но, кажется, это единственное исключение из правила.

Возможно, это случайность. Но при этом — случайность, которая характеризует одну общую закономерность: Россия очень часто, и даже в этом, выпадает из общего ряда. Есть и более обидное объяснение этому. Оно связано с историческим развитием России. Россия всегда находилась между Европой и Азией. Не только в геополитическом смысле, но и в других. В устройстве государства, во взаимоотношениях внутри общества. И борьба всегда велась между западниками и почвенниками как представителями европейской культуры и культуры азиатской. И в этом смысле Россия всегда к кому-то прислонялась. Либо к Западу, либо к Востоку. Может, в этом секрет, почему «русские» стали прилагательным.

Клятва и проклятие

Корень один, действительно.

Но когда говорят о клятвах и проклятиях, у меня возникают какие-то шекспировские образы. Я — человек по натуре более приземленный, и мне высокопарность «клятв и проклятий» неведома.

Человек, который считает своим выражением «никогда не говори «никогда», не может использовать «клятвы и проклятия».

Но, с другой стороны, я знаю очень многих людей, для которых словесный фетишизм, одна общая линия, выраженная двумя предложениями, становится определяющей.

Удовольствия

Масса удовольствий есть в жизни!

Удовольствие — это то, что вспоминаешь очень долго и при этом улыбаешься. Даже если находишься один.

То, к чему стремятся практически все люди.

Хороши удовольствия тогда, когда бывают нечасто. Если часто — то кажется, что так должно быть всегда.

Удовольствия должны сочетаться с менее приятными сторонами жизни. Иначе приятные стороны можно не заметить.

Излишества

Обжорство. Роскошь чрезмерная. Вообще — любая чрезмерность. Почему в нашем обществе подтрунивают над «новыми русскими»? Потому что видят во всех их делах тягу к эпатажу и излишества.

Я понимаю, что каждый человек хочет стать исключительной личностью и доказать это окружающим. Это мне понятно. Но непонятно, зачем все, что есть в жизни, превращать в средство достижения этой цели.

Суеверия

Есть, особенно когда садишься в самолет.

О суеверии вспоминаешь тогда, когда от

тебя ничего не зависит. Когда ты сам ничего не можешь изменить.

Суеверия стандартные: начиная с черной кошки, перебежавшей дорогу, кончая зловещими цифрами.

Если ничего особенного не произошло, суеверный признак очень быстро забывается.

Приметы

Иногда верю, иногда не верю.

Есть приметы, доказанные жизнью: если была очень холодная зима — жди жаркого лета. И другие подобные.

А прочих для меня просто нет.

Это красиво!

Красиво, например, смотреть с Верхне-Волжской набережной на Волгу ночью, когда плывут корабли. Или когда летят истребители во время авиашоу. Или когда грациозная женщина заходит в воду, в море, а еще лучше, если она в море вбегает.

Красиво в Париже. Чувствуется дыхание времени: и прошлого, и настоящего. И Виктор Гюго, и Шарль де Голль. Все видно и все сохранено.

Красиво в Зальцбурге. В Макарьевском монастыре очень красиво...

Анекдоты

Знаю много анекдотов. Есть полуприличные анекдоты, очень смешные, есть политические, тоже смешные. Вот — из первых. Иван собирается в Париж, в командировку. Ему жена говорит:

— Купи мне, Вань, французский бюстгальтер.

— Мань, — говорит муж, — я б купил. Но ведь у тебя груди-то нет! Зачем он тебе?

— Ну я ж тебе трусы покупаю!

Веселый анекдот.

Еще один.

— Хаим, ты почему не спишь с женщиной?

— Ну, во-первых, Абрам, меня укачивает. А во-вторых, после меня все равно нужно все заново делать.

Из политических. Лежат две курицы на прилавке. Одна другой говорит:

— На выборы пойдешь?

— Пойду.

— А за кого голосовать будешь?

— За Зюганова.

— Почему?

— Понимаешь, раньше мы с тобой лежали только в одном месте, в спецбуфете обкома партии. А теперь везде валяемся и никто внимания не обращает.

Политические анекдоты быстро проходят, век у них короткий.

Вообще смешных анекдотов очень много, например, от Юрия Никулина — почти все смешные. Интересно, что французы любят анекдоты, американцы — меньше, но охотно смеются над нашими анекдотами.

Иногда анекдоты в жизни рождаются.

Вот, например, мы встречались с Клинтонем. В апреле 1996 года. Там было много народу: Зюганов, Явлинский, Лебедь, Селезнев, Лужков, Чубайс, Россель и еще несколько человек. Каждый рассказывал президенту США либо о своей программе, либо о тяжелом историческом пути России. Видимо, это показалось достаточно назойливым президенту, которому до наших проблем далеко. И я ему сказал:

— Вот у вас выборы будут осенью, господин президент. И, пожалуй, эта проблема должна волновать вас больше, чем наши президентские выборы. И, наблюдая, как у вас предвыборная кампания идет, думаю, что вы скорее всего победите. Не потому, что вы — очень хороший Президент Соединенных Штатов, а потому, что ваш главный конкурент, Роберт Доул, очень похож на Брежнева.

А Клинтон отвечает:

— Это ничего не значит. Вот, например, сидящий здесь товарищ Зюганов и его соратники могут проголосовать и за такого кандидата. И таких в Америке немало.

Конечно, это не анекдот. Но все равно смешно.

Газета «Нью-Йорк таймс» описала этот случай именно как анекдот.

Автомобиль

Любимая игрушка. Хотя признаюсь: я — наездник. Я ничего не понимаю в автомобиле. В том, как он устроен. То есть я знаю, что там есть карбюратор, есть цилиндры и все такое. Но как это все работает — я, совершенно как дикарь, ничего не понимаю. И если, не дай Бог, что-нибудь случится, то единственное, на что я способен, это поднять руку в ожидании сердобольного водителя, который остановится и поможет.

К счастью, пока мне не нужно ничего этого делать, потому что рядом всегда сидят люди, знающие, что к чему.

Моя личная машина — «Волга».

Но больше всего мне нравится «Мицубиси-Паджеро». Не потому, что я преклоняюсь перед японскими машинами, а просто потому,

что она очень отвечает моему духу. И духу российских дорог.

В принципе, автомобиль, кроме удовольствия, — еще и дополнительная степень свободы. Я абсолютно не считаю автомобиль роскошью или излишеством. Нет. Хотя за свободу иногда приходится платить. Однажды я был в Сент-Луисе по приглашению конгрессмена Гепхарта. И мы там попали в двадцатимильную пробку. Причем мы не знали, какой длины пробка. И только вертолет, который летал над нами, объясняя водителям, куда надо разъезжаться, объявил, что пробка длиной в 20 миль рассосется не ранее чем через три часа.

Это — плата за свободу и независимость, когда свобода и независимость доведены до абсурда. А в Америке «автомобильная свобода» доведена до абсолютного абсурда. В каждой семье много автомобилей. Они мешают друг другу на дорогах. И люди перестают чувствовать себя свободными. Они готовы пересесть на метро.

Кстати, многие европейцы тоже это понимают. Хотя в Европе такой широты, как в Америке, нет. И машины там поменьше размером. Там считается нескромным иметь большие, медленно двигающиеся лимузины.

Для России, с ее контрастами, очевидно: нам до этого расти и расти. Но я считаю, что прогресс России, с ее гигантскими просторами и широтой, безусловно, связан с автомобилями и автомобилестроением. Абсолютно уверен в этом.

Ельцин говорит о том, что нужна общенациональная идея. Конечно, трудно технократическую идею сделать общенациональной. Но можно окрасить ее в подходящие тона.

«Дороги и храмы»? Да. Здесь под «дорогами» можно понимать практически все. И средства

передвижения, и возможность общаться, и что угодно — вплоть до «пути мысли». Эта идея как общенациональная могла бы быть для России очень близкой и понятной. И, я думаю, это все равно произойдет. Само собой.

Телефон

Телефон, в принципе, очень противная штука. В том смысле, что создает очень нервную обстановку. Особенно на работе. У американцев, например, принято звонить только в определенное время. В остальные часы люди стараются друг друга не беспокоить. У нас такого нет, звонят с утра до вечера. Мне очень нравится позиция Солженицына: по-моему, он два раза в жизни по телефону говорил.

По телефону нельзя вполне понять человека. Хотя любые деловые вопросы можно решить, тем не менее это технократическое средство общения, которое явно не способствует гуманизации общества.

Без домашнего телефона, конечно, прожить нельзя. Для меня программа телефонизации нижегородцев — одна из самых важных и любимых. Люди не должны самым унижительным образом десятки лет ждать права на такое элементарное удобство.

Наша программа «Нижегородский телефон» дала фантастические результаты: в этом году, то есть за половину 1996 года, мы установили столько телефонов, сколько за весь 1994 год. Это та сфера деятельности, где происходит бум.

У нас в России, особенно у пожилых людей, отношение к телефону трепетное. Может быть, это последняя игрушка, которая остается в жизни. Особенно когда люди уже не могут ходить и встречаться с другими людьми.

Вместе с тем суровые реалии нашей жизни могут привести к тому, что за это «удовольствие» надо будет и платить. За каждую минуту разговора. Думаю, что такое небольшое видоизменение в оплате может привести к изменениям в сознании общества. Особенно среди молодежи, которая уже развращена возможностью часами болтать по телефону. Введение повременной оплаты за телефон, как это ни парадоксально, может превратить Россию в более сдержанную и целеустремленную страну.

По телефону очень трудно объяснить в любви. Хотя для людей, разделенных большими расстояниями, это единственное средство, которое их связывает, — и все же долгое общение только по телефону пахнет извращением. Одним словом, «с любимыми не расставайтесь».

Телефон управляет судьбой

О наиболее судьбоносных событиях я узнавал именно по телефону. И самые тяжелые разговоры были тоже, как правило, по телефону. Запомнился разговор с Ельциным 22 сентября 1993 года — я о нем уже говорил. В тот же период был очень жесткий разговор с Черномырдиным. Он, будучи обязанным выполнять волю президента, понимал, что указ находится за пределами всякой законности.

Был и более приятный разговор. Когда президент позвонил накануне нашей поездки в Чечню, в конце мая 1996 года. Спросил, помню ли я, как во время скандальной передачи миллиона подписей он обещал взять меня с собой в Чечню. Я ответил, что мне 36 лет и склерозом не страдаю. Намек на возраст Ельцин понял, но не обиделся. Засмеялся, сказал:

— Вечно ты подчеркиваешь мой древний возраст!

И приказал мне явиться в аэропорт Внуково-2 для полета.

Естественно, этот приказ мог быть передан только по телефону. Из соображений безопасности. Он воспользовался совсекретной телефонной связью.

В начале моей работы в этом кабинете каждый звонок телефона правительственной связи вызывал у меня безысходное предчувствие того, что я сейчас услышу. Сейчас я отношусь к этому спокойно. Единственно, когда и сегодня у меня замирает сердце, это когда телефонистка, работающая в совсекретной системе связи, сообщает: «Сейчас с вами будет разговаривать Ельцин». До сих пор сильно волнуюсь. Не потому, что он — президент. А потому, что у него очень сильное биополе, он действительно может воздействовать на людей. Конечно, по телефону этого воздействия нет, но при разговоре по телефону возникает очень яркое воспоминание личного общения. Оно и трансформируется в реальное ощущение. Когда долго не общаешься, это проходит. Забывается.

Один раз разговор произошел при невероятных, загадочных обстоятельствах. Я ехал в Москву на машине. Ночью. Возле Владимира, где связь с Нижним уже отсутствует, вдруг зазвонил телефон. Меня это очень удивило. Я взял трубку. Зычный мужской голос приказал мне немедленно остановить машину.

— Почему это я должен останавливать машину?

Трубка ответила:

— Потому что сейчас с помощью спутниковой системы с вами будет разговаривать президент.

Был конец 1992 года, когда сняли Гайдара,

и президент размышлял над тем, кого назначить премьер-министром. И он со мной советовался по поводу той или иной кандидатуры.

Я был абсолютно не готов к этому разговору. Президент тогда пригласил меня работать, не в качестве премьера, хотя и эту возможность не исключал.

Если бы Ельцин тогда видел, в каком виде я с ним разговариваю! Машина стояла на обочине, водитель, испуганный, выскочил из-за руля на дорогу, я — один на один с какой-то спутниковой связью... Уникальный эпизод.

И совсем недавно, перед президентскими выборами, Ельцин доставал меня по телефону в самых экзотических местах. Когда мы были с Черномырдиным в Сарове, президент немедленно позвонил узнать, как прошел визит и выполнило ли федеральное правительство обязательства перед городом. Второй раз в этот день его звонок застал меня на чемпионате теннисистов закрытых городов России. Я в этом чемпионате участвовал как гость. Ельцин удивился, что я так долго не подхожу к телефону...

А Черномырдин однажды отловил меня в бане.

Большие начальники находят тебя где угодно. Спрятаться от них очень трудно. Как они это делают — загадка. Вообще система поиска человека налажена у нас в России очень хорошо.

Может быть, гораздо лучше, чем в других местах.

Все эти телефонные «поиски и находки» всегда отличали Россию от другого мира. С этими вещами связана какая-то мистика. И; кстати, только в России существует такое обилие всевозможных секретных и совсекретных, необычных телефонов. У нас телефон — атрибут

власти. Каждый начальник имеет на своем столе гигантское количество телефонов. Президент — счастливое исключение; у него практически нет телефонов на столе. Всего один, кажется. Ему достаточно.

Среди неммыслимого числа систем связи есть свой ранжир. Вот, например, этот телефон на моем столе, вполне невзрачный с виду, звонит очень редко. Но уж если он звонит... Таких телефонов в стране всего пятнадцать. Или даже меньше.

Появился он у меня так: когда здесь был президент (а он, естественно, приезжал со своей связью), он по этому телефону разговаривал с Мэйджором. Когда Ельцин уходил, я спросил, можно ли оставить этот телефон. Он сказал — пожалуйста.

Телефон в России — гораздо больше, чем просто обычный аппарат. Если вдруг вам сообщают, что у вас снимают тот или другой телефон, это означает, что вас лишают государственного статуса. Либо статуса гражданского, как это было при коммунистах.

И наоборот, установка телефона в неурочное время означает, что власти проявляют к вам интерес. Перед историческим звонком Горбачева Сахарову установили телефон. Сахаров сразу понял, что завтра его отпустят.

Так оно и случилось. Горбачев мог бы уже и не звонить.

Долги

Бытовые долги стараюсь не делать. Уж если приходится сделать — всегда плачу по ним. В принципе, такое житейское обстоятельство, как взять займы, меня не особо стесняет. Хотя и не особо нравится: все-таки долг — это всегда определенная зависимость.

Бывают смешные случаи, связанные с долгами. Вот один такой. В 1993 году весной к нам приехал тогдашний вице-президент Руцкой. Я его встречаю в кожаной куртке. А он — в роскошном пальто. Он говорит:

— Немцов, ты что же такой оборванец? Ты губернатор все-таки.

Я ему что-то невразумительное ответил.

— Ну, хорошо, — говорит Руцкой. — Сейчас я твои проблемы решу.

Позвонил своей жене Люсе, а Люся работала у Юдашкина. Сказал:

— Ты там этому кудрявому сделай пальто. Он приедет, пусть ему Юдашкин сделает.

Я действительно приехал в Москву, на Кутузовском проспекте — знаменитый Дом моды Юдашкина. Он меня встретил — очень милый человек (особенно трогательно, как его двухметровые манекенщицы, которым он по пояс, смотрят на него... как бы снизу вверх, почтительно, а он на них, наоборот, покровительственно). Обмерили меня как полагается. Я про цену решил не спрашивать: Руцкой говорил, что цена будет символическая.

Через несколько дней пальто было готово. Я пришел, надел. «Теперь, — мне говорят, — платите деньги». Предъявили счет. Двести долларов. Огромная сумма по тем временам. У меня зарплата была тогда, может быть, долларов сто. А в кармане в этот момент — ну, пятьдесят максимум. Рублями, естественно.

Я почувствовал себя полным ничтожеством. Не могу заплатить фирме Юдашкина за пальто!

Побежал к Явлинскому брать взаймы. Слава богу, у него нашлось, он мне дал.

Пальто до сих пор ношу.

Или еще случай: мы с Ефимовым, тогдашним министром транспорта, были в Дели. И так случилось, что у меня там ботинки порвались. Просто не в чем выйти. А денег тоже не было. Я тогда у него тоже взял займы, купить обувь.

Когда такое происходит, очень хочется быстрее отдать, чтобы не быть обязанным.

Что же касается долгов в более широком понимании, то здесь есть и государственная проблема: долг России. Причем эта проблема не только правительственная. Здесь дело в независимости страны и ощущении свободы каждого человека. Конечно, большинство людей не задумываются о том, сколько мы должны остальному миру. Равно как и народ Соединенных Штатов не думает, каков внутренний долг США. Тем не менее мысль о том, что какой-то Парижский клуб кредиторов, или Лондонский клуб, или Международный валютный фонд может сильно влиять на жизнь страны, — эта мысль не очень-то радует. Народ великой страны должен чувствовать себя независимым и свободным.

Если долг слишком большой — очень опасно, унижительно и обременительно. Потому что здесь мы уже проедаем свои собственные богатства. А расплачиваться за эту бесхозяйственность будут наши дети. Политическая независимость страны тоже сильно связана с этим долгом. Интересно, что долг этот был сделан отнюдь не при Гайдаре. И не при Ельцине. А при коммунистах. Еще тогда, когда они начали делать первые закупки зерна за границей. Первые кредиты были нам даны еще при Хрущеве, когда первые миллионы тонн канадской и американской пшеницы прибыли в Россию. Сейчас долг уже превысил 100 миллиардов долларов.

Я считаю, для России унижительно иметь такой долг. Возврат или невозврат долга связан с экономическими перспективами страны. Если будет сделано минимальное количество глупостей, а история России не будет слишком зигзагообразной (как это было в XIX и XX веках), то тогда у России есть шанс довольно быстро расплатиться. То есть этот внешний долг — наше внутреннее дело. Кстати, есть люди, которые очень интересно к этому относятся. Каждый гражданин России сегодня должен около 800 долларов. И вот один нижегородский предприниматель, фамилия его, кажется, Иордан, сильно возмущенный и раздосадованный тем, что у него лично такой долг «мировому империализму», написал мне очень трогательное письмо. О том, что он готов вернуть свою часть долга и заплатить еще за десять человек. Так, чтобы все члены его семьи никому ничего не были должны.

Я его инициативу очень даже поддержал. И обратился в правительство с просьбой открыть соответствующий счет. Чтобы граждане, которые не желают быть никому должны, вносили по 800 долларов. Помножьте на 150 миллионов человек — будет 120 миллиардов.

Из правительства пришел странный ответ, что такого счета не существует.

Тогда мы здесь, у себя в администрации, решили открыть свой счет и исправно платить Парижскому и Лондонскому клубам тот возврат денег, который пойдет от граждан. Конечно, у нас граждане не столь богаты, но некоторые люди, достаточно состоятельные, чувствуют себя независимыми и не хотят унижаться.

Я считаю, что это хорошее движение. Патристическое. Существуют еще долги политические. Это — обязательства перед избирателя-

ми, которые сделаны до выборов и которые нужно выполнять. Для меня это — святое дело. Могу сказать, что практически во всех случаях я эти долги возвращал. То есть выполнял свои обязательства.

Если не отдавать эти долги, то тебя больше никогда не выберут. А поскольку меня уже выбирали много раз и поскольку я понимаю, что я здесь не какой-то временщик, то для меня это имеет огромное значение. Фактически моя ежедневная деятельность, как бы это высокопарно ни звучало, направлена на то, чтобы выполнять взятые на себя обязательства.

И еще бывают долги семейные.

Моя мама, хотя и воспитывала меня и сестру одна, тратила все свои средства на то, чтобы мы могли нормально учиться, нормально питаться, нормально одеваться и иногда даже отдыхать. Мы должны помнить об этом. Я помогаю матери материально. Но материальной помощи, наверное, недостаточно. Тут долги серьезнее.

Есть нравственные долги. Коммунисты проиграли на президентских выборах потому, что не покаялись. И не признали свои гигантские преступления, которые под их руководством совершались в стране. Я считаю, что, если бы они это сделали, наши люди расценили бы это как возврат долга.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Я говорю по-английски свободно. Причем могу с гордостью сказать об этом только сейчас, а еще пять лет назад не мог. Учил язык в школе, в университете, сдавал кандидатский минимум, но никогда не мог говорить и тем более читать лекции. Сейчас могу. Я читал в Гарварде, в Зальцбурге, в Давосе. Общался с

английской королевой на ее родном языке, с премьер-министром Великобритании Мэйджором, с баронессой Тэтчер.

Со всеми, кто говорит по-английски, стараюсь общаться на английском, чтобы не потерять квалификацию.

Тем не менее говорить научился, только став губернатором. И считаю своим учителем Тони Дорана, сотрудника Международной финансовой корпорации. Он мне сказал, что количество иностранных инвестиций напрямую зависит от того, буду ли я говорить по-английски. «Я человек ленивый, — продолжил он, — и русский учить не собираюсь. А тебе деваться некуда, потому что международное сотрудничество — магистральный путь развития России».

Тогда я преодолел какое-то внутреннее сопротивление и стал говорить.

Могу сказать, что большая проблема для многих русских состоит в том, что мы не можем набраться наглости и преодолеть себя поначалу. Начать лепетать, даже с ошибками, по-английски. Это самый ответственный и самый важный момент: преодоление. Если переступить через это, то потом можно изъясняться, как Эллочка Щукина, без малейшего стеснения, владея сотней слов.

Сейчас знание языка очень сильно помогает.

Могу приготовить

Еду? Очень немного из еды могу приготовить сам. Очень редко этим занимаюсь. Только когда нет жены. Тогда готовлю сам. Очень примитивную и вредную для здоровья еду. Яичницу.

Бывали особые случаи, когда я варил гречневую кашу или картошку. В глубоком детстве

с матерью делали какие-то пирожные или торты.

Особого раздражения у меня это не вызывает, но и энтузиазма тоже. В этом смысле я совершенно не приспособлен к жизни.

Инкогнито

Если хочешь чувствовать себя частным человеком, то тогда единственная возможность (не только в Нижнем, но и в России) — изменить внешность. Либо сделать себя неузнаваемым.

Зимой это проще: достаточно нахлобучить шапку. Летом сложнее: нужно надевать очки, какую-нибудь дурацкую кепочку, какие я терпеть не могу. Либо делать физиономию топором и идти напролом, делая вид, что тебя никто не узнает.

Последний вариант я употребляю наиболее часто, поскольку он не требует никаких аксессуаров.

Вообще-то это бывает каждый день.

Дело в том, что для известных людей, и для меня в частности, пребывание в людных местах — проблема. Это превращается в некое публичное действие. Если хочешь пообщаться с малознакомыми людьми, просто поболтать о жизни, то лучшего способа, чем просто выйти на улицу, не существует. Все тебя знают и довольно запросто общаются. Но если это — твоя личная жизнь, то тогда это целая история. Тут есть проблема. Даже за границей. Хотя там — никакого сравнения нет с тем, как в России.

Больше всего надеюсь на...

Надеюсь на себя самого.

Талисман

У меня есть крест, который мне подарил владыка Николай. Серебряный крест, очень древний. Я его не ношу на шее, хотя теперь это считается естественным. Ношу его с собой в кармане пиджака. Никогда не достаю и никому не показываю. Он меня охраняет.

День рождения

Я родился 9 октября 1959 года. Весы. В детстве всегда с трепетом относился к своему дню рождения и ждал необыкновенных подарков. Чуда. Его не было. Почти никогда. Во-первых, у матери не было денег, чтобы устраивать какие-то празднества, во-вторых, подарки, которые мне дарили, никогда не соответствовали моим мечтам.

Сейчас я к этому отношусь вполне спокойно, сюрпризов не ожидаю. Людям, достаточно близким мне, на вопрос, что тебе подарить, я тут же честно отвечаю.

Нравится, когда мне дарят одеколон. Собственного, постоянного у меня нет, разные одеколоны нравятся. Или еще какие-нибудь штуки — утренние. Утром всегда так плохо, а тут хоть чем-то скрасить можно.

Еще — вещи, связанные со спортом. Однажды получил такой классный подарок от Ельцина. Он мне подарил теннисную форму, очень хорошую и моего размера. Настоящая теннисная форма. Все-таки президент в этом разбирается.

Это было очень приятно.

Сейчас дни рождения стали очень тягостными. Потому что многие люди приходят с подарками не Немцову, а губернатору. Поэтому я

предпочитаю 9 октября отсутствовать на работе.

Но почему я все-таки люблю свой день рождения, так это потому, что он совпадает с днем рождения Джона Леннона. «Битлз» — гениальные люди. Очевидно, что это — нетленная музыка.

Праздники

Новый год у нас — чисто семейный праздник. Потому что 1 января — день рождения моей жены. Или день рождения моей дочери, 26 марта, тоже чисто семейный праздник. Или день рождения матери. Эти праздники мы проводим довольно тихо и спокойно.

А есть публичные праздники, которые важны для всех людей.

У каждого праздника — свой вкус и запах.

Но самый главный для меня, самый радостный и счастливый — День Победы. Я считаю, что это праздник для всех. Для всех людей мира. Уверен, что этой победой Россия и советский народ выполнили свою историческую миссию так, как ни один народ никогда не выполнял. Наш народ спас мир. Не понимаю, когда некоторые деятели пытаются смотреть на это иначе.

На Рождество я вот уже много лет прихожу в Первую городскую детскую больницу, где сам лежал в детстве, и приношу подарки больным детям.

Когда я лежал там в детстве, была такая профессор Дикова, сейчас она уже умерла. Она покупала на свои деньги подарки и приносила нам в больницу. На Новый год. Она была скромная и вместе с тем очень жесткая. Ее все боялись в больнице. Не дети, конечно, а врачи.

Я еще тогда, будучи совсем маленьким, решил для себя, что, когда вырасту и у меня будут деньги, тоже буду делать подарки детям.

Что непоправимо?

Время. Которое стремительно ведет нас к концу. И к нашему, и к концу всего, что есть. Хорошего и плохого. Это непоправимо.

Жалею о...

В разные моменты жизни жалею о разном. О том, что у меня только один ребенок, жалею постоянно.

Вначале жалел, что бросил заниматься наукой. Сейчас уже не жалею.

Иногда жалею о том, что принимаю те или иные решения. Но это — кратковременное ощущение.

Не получилось...

Много чего не получилось.

Но мой сегодняшний девиз — «Все у нас получится». Очень, кстати, оптимистический девиз.

А не получается очень часто. Самое главное, что я понял за время своей работы во власти: никакое большое и важное дело быстро не получается. И конечно, юношеская горячность все время входит в противоречие с реалиями жизни. Есть же «закон пятисот дней», закон Явлинского. Закон этот звучит достаточно грустно: от возникновения хорошей идеи до начала ее реализации проходит не менее пятисот дней.

Для России это справедливо.

Иногда мне кажется, что существуют некие

объективные обстоятельства, мне неизвестные, которые не позволяют быстро осуществить задуманное.

Этикет

Этикет — соблюдение каких-то правил, непонятно кем установленных, несоблюдение которых влечет за собой всякие разговоры, пересуды и сплетни.

Очень многие люди обращают внимание на нарушение этикета. Особенно, кстати, за границей. Хотя там, как правило, люди делают вид, что не замечают оплошностей, но на самом деле постоянно это обсуждают.

Раньше я очень многих правил не знал. Например, что нельзя появляться на официальных приемах в белых носках. Или, например, что нельзя заказывать к рыбе красное вино. Хотя лично я не понимаю почему.

В России это все не так очевидно.

Вообще, придерживаться каких-то норм, буквоедских, я не очень люблю. Но положение обязывает меня это делать.

Светская жизнь

Приемы, презентации, балы, обеды, ужины... Не люблю я этого ничего. Но полностью отказаться от участия в светской жизни тоже не могу.

Например, если приехала великая княгиня Леонида Георгиевна, то кажется невероятным, что я не буду с ней обедать. Она восприняла бы это как неуважение к российской истории.

Полное игнорирование светской жизни может принести ущерб, в том числе и области. Может сложиться впечатление, что нижегородское начальство ведет отшельнический об-

раз жизни. И либо в силу своей невоспитанности, либо в силу необразованности не хочет участвовать во всех этих светских раутах.

Публика

Публика — это народ. Аудитории могут быть абсолютно разные. Проблема всякого политика, за которого голосуют люди, состоит в понимании тех проблем, которые волнуют людей. В том числе — данную конкретную аудиторию. Непонимание означает полное отторжение.

Выступаю публично

Выступаю публично каждый день. Речи сам себе в полном объеме никогда не пишу. И никто другой для меня не пишет: спичрайтеров у меня нет.

Делаю это я из принципиальных соображений. Если начальник будет уповать только на своих помощников, то он быстро одеревенеет и будет абсолютно тупым и безмозглым. Не способным ни на что, кроме как отдавать односложные команды.

Экспромты в выступлениях особенно удаются тогда, когда они тщательно продуманы заранее. Но иногда бывают и чистые экспромты.

Я считаю, что наиболее легко мне дается диалог. Вопрос — ответ. Вообще я никогда не утруждаю аудиторию длинными речами. Длинно говорят, когда нечего сказать.

Деньги

Без денег немыслима свобода. Это не единственное, конечно, что делает человека сво-

бодным. Но отсутствие денег приводит к полной зависимости от внешних обстоятельств.

Тем не менее деньги не являются для меня самодовлеющей ценностью. Стремление к обогащению и накопительству отсутствует полностью. Никаких накоплений у меня нет.

Наверное, это плохо. Во всяком случае, это плохо для экономики страны. Каждый гражданин должен иметь накопления и «хранить деньги в сберегательной кассе». Тогда экономика будет развиваться.

Общение

Не мыслю себя без возможности общаться. Мне кажется, я могу общаться с людьми самыми разными, в том числе и враждебными. Враждебно настроенными ко мне.

Другое дело, что контакты с людьми, с которыми не хочется общаться, сильно утомляют и выводят из равновесия. Хотя показывать это нельзя.

Дружба

Дружба — возможность для людей, которых не связывают родственные отношения, быть абсолютно откровенными друг с другом. Дружеские отношения могут быть даже сильнее и глубже родственных, хотя это не очень частое явление.

Когда какой-то персонаж говорит, что у него очень много друзей, что все вокруг него друзья и приятели, то тем самым он демонстрирует свою незащищенность от окружающего мира. По всей видимости, он просто хочет казаться таким компанейским, а на самом деле у него есть внутренние проблемы.

Как правило, постоянных друзей очень

мало. Может быть, даже никого нет. Ни одного человека.

Я не считаю, что это уж совсем трагично. Потому что посвящать в свои тайны другого человека — не совсем безопасное дело. Нужно быть в этом человеке уверенным, как в самом себе.

Кстати, я согласен с тем, что дружба проверяется в экстремальных ситуациях. В опасных для жизни обстоятельствах. Таких обстоятельств в жизни возникает совсем немного. Война, какие-то крупные потрясения, политические или социальные... Друзья, которые прошли с тобой сквозь горнило испытаний, особенно ценны.

Зависимость. Независимость

Зависимость — щемящее ощущение того, что, вопреки твоему желанию и твоим чувствам, ты обязан выполнять требования других людей. Неприятное состояние, в котором периодически находятся все люди мира.

Мы, безусловно, зависим от внешних обстоятельств. Это очевидно. Поскольку мы живем все вместе. Но тут важна именно степень зависимости. Если ты, как марионетка, полностью в плену внешних факторов, тебе можно только посочувствовать.

Мое собственное состояние продиктовано стремлением к независимости. Я сам для себя принимаю решения, естественно, оглядываясь на обстоятельства, которые есть вокруг. Состояние зависимости всегда приводит к угнетенности, подавленности, замкнутости и совершенно не соответствует моему мироощущению.

В то же время для многих людей зависимость удобна. Естественна и комфортна. Можно

расслабиться и получать удовольствие от жизни, зная, что и ошибки, и успехи будут определяться не тобой, а другими людьми. И пусть другие люди за все и отвечают.

Зависимые люди, как правило, видны невооруженным глазом. Часто среди них много таких, кто льстит и заискивает.

Кстати, для многих женщин позиция зависимой вполне естественна. И даже воспринимается как необходимый элемент женственности.

Животные

Животные — это моя кошка. Очень даже блудливая. Постоянно приносит котят. В принципе, она довольно милое и неглупое существо.

У меня всегда были в доме коты и кошки. Раньше, когда я был маленьким, это было для меня совершенно естественным. Теперь Жанка очень любит кошку.

Вообще в доме должна быть кошка. Это создает ощущение очага, тепла домашнего. Кошка не столь сильно обременяет хозяев, как собака: кошку, уезжая в отпуск, можно без особых проблем оставить соседям.

В детстве была у меня мечта завести собаку. И даже однажды собака появилась в доме. Дворняжка, по-моему. Но потом теснота в квартире и невозможность за собакой нормально ухаживать привели к тому, что она ушла к другим хозяевам.

Никакого пристрастия к экзотическим животным у меня нет. И змей я тоже не люблю.

Вещи

Есть у меня привязанность к некоторым вещам. С трудом надеваю новую одежду, но уж

если надел, буду носить ее не снимая. Именно поэтому жене кажется, что на мне все горит. Конечно, если носишь один и тот же костюм каждый день, то через некоторое весьма непродолжительное время он просто изнашивается.

Сейчас, поскольку необходимо соблюдать определенные правила этикета, приходится носить вещи, которые в нормальном состоянии я никогда бы не носил.

Например, смокинг.

Впрочем, смокинг я надевал один раз в жизни. Когда мы с Ельциным были на приеме у Клинтона, в Белом доме, в Вашингтоне. Борис Николаевич сказал, что нужно быть в смокинге. Я пришел в ужас, потому что такой одежды у меня, конечно, не было. Пришлось взять смокинг напрокат в магазине на Пенсильвания-авеню.

Вид у меня был душераздирающий.

Естественные для меня вещи, в которых мне всегда приятно, это джинсы и свободная майка. Когда есть возможность появляться в таком виде на работе, например в субботу, я всегда этой возможностью пользуюсь.

Галстук, строгий костюм, наглаженные брюки и так далее — суровая необходимость. Раньше это меня сильно обременяло. Сейчас я уже привык, но кайфа от подобной ежедневной одежды не испытываю.

Есть другие вещи. Те, с которыми, как правило, связано ощущение дома. Сувениры, картины. У меня в доме есть несколько уникальных картин. Одна написана Ириной Емилиной, совершенно фантастическая вещь, я ее называю скульптурой на холсте. Она очень радует глаз. Отдыхаешь, когда на нее смотришь.

Есть картина Натальи Панковой, оптимистическая и жизнерадостная, — «Букет роз».

Отдельная тема — собственная чашка. Моя чашка огромная, вмещает пол-литра. Периодически ее разбивают, как правило, дети, которые появляются в доме. Для меня это — крайнее неудобство и дискомфорт, особенно с утра, в самое тяжелое время суток. И потому нужна быстрая замена. Иначе... Ну, состояние, как у всех мужиков.

Еще я люблю, когда тарелки очень большие. Плоские и большие. Можно не задумываться, куда что положить.

Очень сильной привязанности к каким-то вещам у меня нет. Но привычка видеть ту или иную вещь, конечно, присутствует.

Раньше, когда занимался наукой, я очень привыкал к ручкам. Однажды потерял ручку в лесу. Искал ее три дня: настолько к ней привык, что просто не мог ничего делать без нее. Самое смешное, что я ее нашел. Потом ее, кстати, стащили.

Завтрак. Обед

Долгие годы на завтрак был чай с лимоном и каша. Либо яичница. Либо творог со сметаной.

Сейчас все это осталось, но вместо чая с утра пью кофе «Нестле». Потом, в течение дня, пью чай.

На завтрак ем мало.

За обедом практически никогда не ем супа. Лучший обед для меня — овощи и кусок мяса. Обедаю практически всегда на работе, когда очень мало времени и без конца отвлекают. Спокойного состояния, как у многих людей во время обеда, у меня давно уже не было, если не считать выходных дней.

Ирония. Юмор

То, без чего скучно жить.

Люди, не способные относиться к себе иронически, вызывают жалость и смех. Одновременно. Необходимо преодолеть чувство влюбленности в самого себя — тут помогает только самоирония.

А что касается юмора, то юмор и интеллект очень сильно взаимосвязаны. Большая редкость — полный дурак с чувством юмора. Как правило, люди с чувством юмора обладают острым умом, и при этом они достаточно образованны. Хотя иногда это результат определенной выучки.

Многие профессиональные сатирики на поверку оказываются скучными и неинтересными людьми. Как ни странно. Когда юмор — способ зарабатывания денег.

Вид юмора зависит от компании. Если собрались одни мужики, юмор вполне может быть и «солдатским», ничего страшного.

Восхождение

В прямом смысле восхождение ассоциируется с фильмом «Вертикаль».

В переносном — чисто карьерное движение людей. Оно бывает иногда романтическим, иногда — очень прозаическим. Бывает — по трупам. Бывает под воздействием случайных обстоятельств или чьей-то воли и поддержки.

Но бывает и заработанное своим собственным трудом и способностями.

Независимо от способа твоего личного восхождения надо помнить: если есть дорога вверх, то всегда найдется дорога вниз. Даже не дорога, а отвесная скала.

Это необходимо помнить прежде всего тем,

кто стремится к восхождению любой ценой. Те, кто быстро и незаслуженно взлетел, особенно болезненно воспринимают падение. И наоборот, те, кому восхождение давалось с трудом, все жизненные неудачи, перипетии и подножки воспринимают как естественные, привычные атрибуты. И философски относятся к тому, что можно рухнуть.

Страх

Страх двигает человечеством. Собственно, он порожден одним из основных инстинктов — инстинктом самосохранения.

У меня, конечно, есть страх. Страх смерти, например. Не верю тем, кто говорит, что не боится смерти. Страх потерять близких людей. Страх полностью потерять здоровье и стать беспомощным и обременительным для людей.

Есть гораздо менее значительные вещи, которых я боюсь. Например, когда берут кровь из вены. Когда дают общий наркоз, особенно вначале. Или когда лечу зубы.

Все это нормально.

Боюсь людей, глаза которых налиты кровью и которые демонстрируют полную неадекватность своих действий. В политической борьбе к таким людям относятся экстремисты: фашисты, оголтелые большевики. Они вызывают не то чтобы мой личный страх. Это страх за будущее общества. За страну, в которой живешь.

И в этом смысле очень плохо, когда общество демонстрирует бесстрашие. Наибольший страх испытывают люди, которым есть что терять. Такие люди в обыденной жизни могут быть бесстрашными. Но стихия общественных перемен — сильная, могучая, обладающая бесконечной энергией. И люди, которым есть что терять, бессильны против нее.

Лучшее состояние общества — то, когда оно не находится в перманентном страхе перед экстремизмом, социальными революциями либо геноцидом. Ядром такого общества является средний класс.

Что утрачено?

Быстро утрачиваются буйные кудри. Десять лет тому назад с моей прической ни одна расческа не справлялась. Теперь этих проблем нет. Утрачиваются физические силы.

Утрачивается бесконечная энергия, которую некуда было девать. Все воспринимается спокойнее. «Я теперь скупее стал в желаньях», по Есенину. Все это связано с возрастом, конечно.

Глава вторая

ПРОВИНЦИАЛ В МОСКВЕ

Как меня позвали в Москву

В марте 1997 года Ельцин обнародовал свое очередное Послание, выразив в нем крайнее недовольство правительством. Фактически правительство было распущено. И тогда Черномырдину и Чубайсу предложили срочно сформировать новое.

Буквально с начала марта меня стали атаковать. Попеременно то Юмашев (он был тогда главой Администрации президента), то Чубайс. Предлагали перебраться в Москву.

Честно говоря, никакого энтузиазма у меня эта идея не вызывала. Во-первых, меня не так давно избрали губернатором Нижегородской области и я обещал работать до конца срока. Во-вторых, я прекрасно понимал, что радикально изменить что-либо в стране в одиночку, без команды, очень трудно.

Поэтому я отказывался.

Но в субботу 15 марта в Нижний прилетел на своем самолете Березовский, чем неслышанно меня удивил. Долго разговаривал со мной на предмет того, что надо работать в Москве, потому что положение в стране критическое — а оно действительно было критическим. На 26 марта была назначена всероссийская акция протеста, людям подолгу не платили зарплату, пенсионеры не получали пенсии, экономика по всей стране шла под откос... Одним словом, жизнь была несладкая.

Проговорив со мной несколько часов и не добившись ответа, Березовский через запас-

ной выход, который был в моем губернаторском кабинете, спешно ретировался. Спешно потому, что услышал о приезде из Москвы Татьяны Борисовны Дьяченко, дочери президента.

Мы с Татьяной Борисовной долго, весь вечер и почти всю ночь, говорили. Было это в гостинице «Сергиевская» — есть в Нижнем такая маленькая уютная частная гостиница. Никаких политических аргументов Татьяна не приводила. Она привела довод чисто человеческий. Житейский. «Отец тебе помогал, когда был в силе и здравии (что было правдой: и в 1991-м, и в 1993-м Ельцин мне помогал), а сейчас он больной и слабый, и пришло время ему помочь».

После этих слов отказываться было нельзя.

Я понял, что должен принять решение. Чисто по-человечески, без какого-либо политического расчета. В политическом смысле мне было гораздо лучше, эффективнее, спокойнее продолжать свою работу в Нижнем. В качестве всенародно избранного губернатора. Тем не менее человеческое взяло верх, и я принял решение.

Правда, сказал Татьяне, что помимо встречи с ней мне необходимо поговорить с президентом. Потому что в стране выстроен такой уродец под названием бандитский капитализм и без политической воли президента изменить что-либо к лучшему будет вряд ли возможно.

Мы договорились, что я встречу с президентом и после этого будут поставлены окончательно все точки над *i*.

Как я согласился

В понедельник 17 марта в 11 часов утра я встретился с президентом. В его кабинете в

Кремле. Кстати, в этом кабинете я раньше уже был. По весьма существенному поводу, за который меня потом ругали все кому не лень. В тот раз я принес миллион подписей против войны в Чечне...

Проговорили мы около часа. Смысл этого разговора сейчас уже можно передать. Я сказал Борису Николаевичу, что, к сожалению, в стране построен бандитский капитализм (слово «олигархический» я тогда еще не употреблял, оно возникло в конце 1997 года). Экономическая власть сосредоточена в руках немногих граждан. На фоне глобальной нищеты ничтожная кучка людей живет в роскоши. Из страны вывозятся капиталы. Многие начальники ведут себя как оккупанты на своих собственных предприятиях. Нужны жесткие меры по наведению рыночного порядка. Какие?

Первая: отделение государственных денег от частных банков.

Вторая: публичное распределение этих денег через конкурсы, тендеры и аукционы.

Третья: создание компактного, но хорошо оплачиваемого госаппарата.

Четвертая: общественный контроль за монополиями, в том числе за «Газпромом».

Пятая: жесткое регулирование тарифов.

Шестая: открытые подконтрольные правила экспорта, в том числе экспорта нефти.

Седьмая: переход России от «собеса», при котором сто миллионов человек имеют формальные льготы, к адресной социальной поддержке.

Восьмая: банкротство финансовых империй, которые не платят налоги, и их новое акционирование.

Этот план я изложил Ельцину.

Он слушал, не проронив ни слова. Потом сказал: «Я вам гарантирую поддержку. Какие

есть еще вопросы?» Я ответил: «Мне, чтобы осуществить эту программу, потребуется два года».

Президент пообещал мне эти два года работы на посту первого вице-премьера и потом многократно повторял это по телевидению.

Президент и его слово

Однажды в эфире радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов, один из самых талантливых российских журналистов, предложил мне пари, что президент не сдержит слова. (Это было в конце 1997 года, когда разгорелся «книжный скандал».)

Я принял вызов, и мы поспорили на две мои месячные зарплаты. В то время моя зарплата была 7300. В рублях. То есть по тому курсу примерно 1200 долларов. Приличная сумма.

Я проспорил.

Мы договорились, что эти деньги он отдаст в школу. Дело в том, что Венедиктов не только журналист, но и учитель истории. Преподает в школе на Юго-Западе Москвы. А сейчас есть такая идея: чтобы люди вспомнили школу, где они учились, создали попечительские советы и помогали школе — я скажу об этом в свое время и в нужном месте.

А здесь — только о том, как иногда некоторые слова и обещания получают стоимость, выраженную в рублях. Или долларах — как угодно.

В тот же день в Нижнем

В тот же день, 17 марта, я вернулся в Нижний. Сразу после встречи с Ельциным.

Я прилетел в Нижний на самолете. Возле трапа обнаружил целый табун иностранных

автомобилей. Их было много, они преградили дорогу и очень мешали пройти.

Я понял, что встречаются меня, — хотя у меня в Нижнем всегда была «Волга». Кругом суетилась толпа журналистов, на которых я не обратил особого внимания, и сказал с досадой: что же это вы все на иномарках, неужели не понятно, что пора ездить на наших машинах! И об этом — дальше.

А сейчас — про тот особенный день, 17 марта. В тот день я не только был назначен первым вице-премьером, но еще и должен был выступать в суде как свидетель по делу Климентьева. Оно стало знаменитым под названием «дело о навашинских миллионах».

История эта обросла довольно большим числом слухов и домыслов. Я сейчас ее кратко изложу.

«Дело о навашинских миллионах»

В 1993 году правительство России выдвинуло идею поддержки судостроительной отрасли. Программа называлась «Возрождение торгового флота России».

В рамках этой программы многие судостроительные предприятия могли получить кредиты на развитие производства. Подчеркиваю: государственные предприятия. Такие, как судостроительный завод «Ока» в Навашине, Нижегородской области.

В 1994 году «Оке» уже начали выдавать этот кредит на сумму 30 миллионов долларов. Хотя реально выдали всего 18.

Потом прошла приватизация этого завода. И его за бесценок купил Климентьев. Как он сам хвастался — за цену комплекта «цептеровской» посуды.

С Климентьевым я знаком давно, со студенческих лет. Человек он, безусловно, способный. С очень завышенной самооценкой. Жадный. Хотя у некоторых нижегородцев могло сложиться иное мнение: Климентьев часто устраивал аттракцион раздачи пряников. Имея при этом цели отнюдь не благотворительные.

Ну и поскольку он купил завод, постольку установил контроль за кредитными деньгами. Ведь кредитное соглашение уже было подписано и действовало независимо от формы собственности.

Дальше произошло следующее. Климентьев приватизировал эти деньги, перевел их на свои счета в Норвегии и уже с норвежских счетов вложил в увеселительные и торговые заведения в Нижнем. Ночной клуб, супермаркеты и так далее.

В январе 1995-го я его вызвал. Сказал, что деньги используются не по назначению. Мягко говоря. Что наступает срок платежа. Срок — две недели. Если через две недели вернешь деньги — оставляем этот очень неприятный эпизод между нами. Не вернешь — пеняй на себя.

Разговор был один на один.

Он ухмыльнулся, сказал, что деньги возвращать не собирается и что у меня нет никаких шансов довести дело до конца просто потому, что я давал гарантию по этому кредиту.

На самом деле я давал гарантию еще по сотне подобных кредитов. Дело в том, что в Нижнем сосредоточено около ста предприятий военно-промышленного комплекса. Каждое из них получало конверсионный кредит. И для меня давать гарантию по кредитам означало просто поддерживать эти нижегородские предприятия.

Я сказал ему: «Знаешь, дорогой, так не получится. Быть соучастником воровства я не собираюсь. Репутация дороже. Даже возможный скандал меня не остановит».

Началась свистопляска с адвокатами, журналистами, судьями — процесс был открытым. Я, кстати, сразу был за открытый процесс. Чтобы люди все знали.

А дальше... Люди у нас очень любят обиженных. Традиция такая. «Вор должен сидеть в тюрьме» — все согласны. Абстрактно. Но вот когда появляется конкретный вор, которого конкретно сажают в тюрьму, то его очень многим становится жалко.

Вот эти очень многие избрали обиженного Климентьева мэром.

Кстати, когда прошли выборы мэра Нижнего в 1998 году, моя позиция была такой: избрали — пусть работает мэром. Если суд докажет вину, пусть мэра прямо в его мэрском кабинете берут под стражу.

Ни в коем случае нельзя было отменять итоги выборов! Это была большая глупость: из вора сделали героя. Которым он и остается по сегодняшний день.

Вот, собственно, вся история.

Я выступаю в суде

В тот день, 17 марта, я давал показания по делу Климентьева. Как свидетель. Не могу сказать, что это была приятная процедура. И все же я счел своим долгом выступить на процессе. Потому что фарс, в который было превращено это судебное разбирательство, не знал никаких границ. Просто никаких. Благодаря этому фарисейскому судейству (когда очевидно, что украл, но оч-чень хочется оправдать!) система нижегородского правосудия была дискредити-

рована окончательно. Суд был превращен в фарс.

Норвежские коллеги предоставили все документы, из которых явствовало однозначно: Климентьев украл. И невзирая на это, судья пытался «геройски» защищать и выгораживать «обиженного бизнесмена».

Мне говорили многие: ты ведь как губернатор мог повлиять на ситуацию. Но я никогда, ни одного раза, ни одному судье не звонил. Никогда.

Конечно, мне не следовало общаться с Климентьевым. Но ведь тоже было бы непонятно, не правда ли? Общались, общались, а стал губернатором — «я с ним не знаком». По-человечески это выглядело бы странно.

Другой урок

Но главный урок из этой истории — совсем другой. Он состоит в том, что люди поверили мошеннику и верят ему по сей день. Беззаветно. Верят тому, кто их презирает.

Кстати, люди из нижегородского бизнеса, которых я уважаю, придерживаются иного мнения. Они Климентьева хорошо знают. А вот люди, которые видели его только с экранов телевизоров, продолжают ему верить.

Как я прощался с родным городом

После суда я вышел на улицу. Пошел по Большой Покровке к кремлю. За мной шло очень много людей, настоящая толпа. Погода была по-весеннему теплая и сырая. И состояние мое было, я бы сказал, хмельное — оттого, что начинались грандиозные перемены. Ощущение тревоги пришло сразу. Даже более сильное ощущение — ощущение камикадзе.

Хотя большой прозорливости и не требовалось. Достаточно просто оглянуться и увидеть: никто не выходил из Белого дома под аплодисменты. Никто. Никто, находясь в эпицентре жесткой политической борьбы в Белом доме и в Кремле, не выходил из этой борьбы победителем. Даже движимый самыми благородными целями не мог их осуществить без стопроцентной поддержки и без своей команды.

Что я понял «задним умом»

На самом деле я совершил еще одну ошибку. В тот же день. Но осознал это только сейчас, после отставки.

Мне не надо было идти работать первым вице-премьером. Мне надо было соглашаться работать только премьер-министром. Нужно было сказать: либо — премьер, либо — остаюсь в Нижнем губернатором.

Слишком много сил я тратил на борьбу с ветряными мельницами, работая в правительстве и будучи во всем зависимым от ЧВСа. Виктор Степанович человек неплохой, но он постоянно путает «Газпром» с Россией. Я ему говорю, что монополии должны служить стране, а не государство и народ — «Газпрому». А у него в голове — часто наоборот. И все же мы заставили олигархов, и в том числе «Газпром», уплатить налоги и именно потому смогли выплатить пенсии и зарплаты учителям, врачам и военным к концу 1997 года. Слишком много сил было потрачено на объяснение очевидного. На то, что монополии должны быть под контролем общества. На то, что залоговые аукционы — это позор. Бюрократию надо отделить от бизнеса. Собственность бесплатно никто не получит.

Уровень доверия ко мне был тогда предельно высоким, процентов 50—60. Выше, чем у Зюганова, в три раза. И я действительно мог сделать больше. Гораздо больше.

Не удалось. Теперь я знаю почему.

Но человек силен задним умом, это известно.

Мой первый день в правительстве

Я начал работать.

Надо сказать, что в моем кабинете прежде работал Потанин. В тот день, когда я вышел на работу и пришел в кабинет, Потанина не было. Вообще никого не было. Даже секретаря. И все телефоны были отключены.

Входить в кабинет мне было неловко, потому что предыдущий хозяин еще не забрал отсюда свои личные вещи. Поэтому я сидел в приемной.

Через пару часов пришел Потанин. Я ему, кстати, очень благодарен: он был первым из бывших начальников, кто рассказал мне, что к чему.

Со мной из Нижнего приехали мои помощники Татьяна Гришина и Саша Котюсов. Вечером они оба были в истерике. Они сказали, что работать в Москве не будут, что это гадюшник, что здесь абсолютно коррумпированный, бестолковый и алчный аппарат и что они поняли наконец, почему в России все так плохо. И что ничего сделать нельзя. И что они немедленно уезжают в Нижний.

Чего потребовали и от меня.

Было бы полным безумием соглашаться с ними. После разговора с президентом, после того как был обнародован указ о моем назначении. Честно говоря, я тогда воспринял их истерику как ну не предательство, а, скажем так, малодушие.

Они оба действительно уехали. И у меня не осталось ни одного помощника. Я начинал с нуля. Причем во враждебной среде.

Тем не менее уже в ближайшие дни удалось принять важнейшее (как потом выяснилось) решение о конкурсном распределении бюджетных средств для закупки продовольствия и многого другого для армии.

Дело в том, что до этого момента армию снабжали некие хитрые фирмы, приближенные к генералам, которые проталкивали продукты и амуницию, втридорога завышая цены. Никто не знал, почему именно эти фирмы. И никто не знал, почему именно по такой цене. Было бы странно, если бы при этом армия была одета, обута и сыта.

Это удалось сделать уже 8 апреля. А до этого дня произошло еще одно событие, датированное первым апреля. Уже одно это очень смешно.

История с автомобилями

Потом стало ясно, почему именно первого апреля Ельцин подписал указ о том, что все российские чиновники должны ездить на отечественных автомобилях.

У меня было четыре аргумента, почему чиновники должны это делать. Во-первых, ни один чиновник никогда не станет заниматься российскими дорогами, пока он путешествует на «Мерседесе». Потому что в «Мерседесе» даже проселочная дорога кажется автобаном. Чиновник должен своей задницей ощущать всю прелесть российских дорог.

Во-вторых, ни один чиновник никогда не озаботится качеством российской автомобилестроительной продукции, пока сам не поедит на «Москвиче», «Жигулях» или «Волге». Их

ведь надо периодически отдавать в ремонт, заменять детали и так далее. Наоборот, «Мерседес», как кажется чиновнику, это вечная игрушка, которая не ломается никогда.

В-третьих, я полагал, что если чиновник тратит бюджетные деньги, деньги налогоплательщиков, то почему эти деньги должны идти на поддержку западной автомобильной промышленности?

И в-четвертых. Минэкономки представило расчет, что, несмотря на все издержки по ремонту и обслуживанию, с учетом всех расходов российский автомобиль оказывался дешевле, чем «Ауди» и «Мерседес».

Я был наивным человеком. Прежде всего, я не обратил внимания, на чем ездит сам президент. Президент ездил на «Мерседесе». И только уже в феврале 1998 года он пересел на «ЗИЛ». Но ненадолго.

Кстати, огромное количество чиновников по всей стране подчинилось указу. 75 процентов российского чиновничества мгновенно продали свои иномарки и пересели на отечественные машины. Даже Лужков это сделал. Почему? Отчасти из боязни. Отчасти потому, что это было правильно.

Но я по своей наивности не понял, какую ненависть к себе вызвал этим указом во всех кабинетах! Сколько прошло совещаний за Кремлевской стеной, сколько заказных статей, инициированных управляющим делами президентской Администрации Павлом Бородиным, появилось в прессе!

Я только уже потом понял, что дело не только в комфорте для чиновников, но и в контрактах, заключенных с западными компаниями на поставку автомобилей. Эти контракты очень трудно проверить, и многие люди, работающие «за стеной», просто зарабатывали

на них деньги, пользуясь безусловной поддержкой самого высшего начальства.

Поразительной была реакция Пугина, президента ГАЗа. Пугин сказал: «Борис, зачем ты это сделал? Теперь все чиновники на меня набросятся, и мне придется с утра до ночи заниматься их проблемами...»

Многие московские газеты тогда писали, что Немцов лоббирует интересы ГАЗа. Абсолютная ерунда! ГАЗ выпускает 130 тысяч легковых автомобилей в год. Заказ Администрации президента составил бы примерно 600 автомобилей в год. Это годовой объем продаж очень средненькой дилерской фирмы, а не крупнейшего автомобильного производства страны.

Но на самом деле мне казалось, что это пусть и малая, но реальная поддержка отечественной автомобильной промышленности. Тем не менее чиновниками в Кремле была организована и проплачена мощная кампания по дискредитации этой идеи. Но вслед за ней возникло другое движение — «Покупайте российское!».

«Покупайте российское!»

Многие руководители российских предприятий посчитали историю с автомобилями просто замечательной. И тогда в Москве на фабрике «Свобода» возникла идея создания ассоциации «Покупайте российское!». Это было началом промышленно-патриотического движения, суть которого в том, чтобы объединить продвинутые предприятия и пропагандировать российские товары на российском же рынке.

У нас в России, между прочим, 25 процентов компаний блестяще работают без всякой помощи государства. Их главный лозунг — «Не

мешайте! Мы все сами сделаем». Эти компании платят налоги, платят зарплату, инвестируют в свою отрасль, покупают замечательное оборудование, нанимают западных менеджеров. Каждое четвертое российское предприятие — такое. Не так уж мало, кстати сказать. То есть эффективность приватизации Чубайса — 25 процентов.

Далее. Сорок процентов предприятий — банкроты.

Остальные — ни шатко ни валко.

Такова структура российской экономики.

И «Покупайте российское!» означает: покупайте продукцию первых 25 процентов компаний. Чем она хуже западной? Например, пиво «Балтика» или шоколад московских, самарской, нижегородской фабрик. Ничем не хуже.

У ассоциации «Покупайте российское!» пять целей. Первая: продвижение российских товаров на рекламный рынок (и, к чести наших телевизионщиков, они с пониманием к этому относятся). Вторая: контроль за монополиями, которые душат их повышенными тарифами. Третья: борьба с антидемпинговыми расследованиями за границей. Например, завод «Северсталь» в Череповце страдает от того, что на его продукцию то квоты вводят, то таможенные пошлины увеличивают. Надо бороться за открытый рынок. Россия теряет на этих расследованиях ежегодно полтора миллиарда долларов. Это большие деньги. Четвертая цель ассоциации — подготовка кадров. Очень важная цель. И наконец, пятая — борьба за честные налоги.

Никаких денег из бюджета на всю эту деятельность не требуется.

Эта ассоциация живет и по сей день. Так что нет худа без добра.

Свобода выбора

Хочу подчеркнуть: я за свободу выбора. Никакого диктата! Народ может покупать что хочет. Ездить на чем хочет. Хоть на «Роллс-Ройсе», «Кадиллаке» и «Понтиаке». Личное дело каждого.

Но у чиновников должны быть ограничения.

Когда они все устроили истерику по поводу машин, я специально поднял всю информацию о том, как обстоит с этим дело в других странах.

Так вот: в странах «свободного выбора» чиновникам категорически запрещено ездить на иностранных машинах. В Соединенных Штатах Америки, во Франции, Италии... Можно сказать, конечно, что у них свои машины хороши, потому и нет соблазна ездить на иностранных. Но возьмите, к примеру, Индию! Там местные машины — уровня нашего «Москвича-401». И однако весь госаппарат ездит только на них.

И только у нас в России — далеко не самой богатой стране, между прочим, — чиновники себе ни в чем не отказывают.

Почему провалилась правильная идея

Ответ: Президент ездил на «Мерседесе». Продолжает ездить. Президент не пересел на «ЗИЛ».

Президент не выполнил свой собственный указ.

Что было важнее

История с автомобилями — не самое важное из моих московских дел. Отнюдь не самое

важное. Гораздо важнее Указ о декларировании доходов и собственности чиновниками, Указ о конкурсном распределении бюджетных денег, Указ о запрете уполномоченных банков, введение конкурсной системы обслуживания госпрограмм, запуск программы подготовки молодых российских менеджеров за рубежом, программа жилья для военных (к сожалению, дискредитированная уже Примаковым)... Восстановление нефтепровода Баку — Новороссийск, начало интенсивной разработки сахалинских месторождений... Все это, конечно, было для меня гораздо важнее.

Камикадзе-2

В принципе, все реформаторы — камикадзе. Александр II — убит, Столыпин — убит... Горбачев морально раздавлен. Тэтчер ненавистна англичанам.

Это во всем мире так. Реформаторы всюду — люди, с одной стороны, рискованные, с другой — непризнанные. По крайней мере при жизни.

В этом смысле я — типичный камикадзе. Потому что задача стояла — провести глубокую модернизацию российской системы власти, отношений во власти, отношений власти и капитала. Это не приватизация, это гораздо более серьезный процесс. На одной чаше весов — интересы сложившегося, в том числе и криминального, российского капитала. На другой — политическая воля. Да и то не всех. Может быть, наша воля: моя и Чубайса. А вот воля многих кремлевских обитателей, включая Ельцина, часто сменялась безволием. Хотя порой мы встречали жесткое сопротивление.

С другой стороны, не могу сказать, что сделан максимум того, чего хотелось достичь.

Мой кабинет в Белом доме

После расстрела Белого дома в 1993 году здесь произвели страшно дорогостоящий ремонт. Грандиозный просто. Как я узнал потом, ремонт моего кабинета обошелся в миллион долларов! Его, как говорили, делали итальянцы.

Конечно, это была не моя зона ответственности. Но убежден, что если бы фирма отбиралась на конкурсной основе, то этот безумный ремонт обошелся бы в десять раз дешевле. Или в двадцать.

Но поскольку тогда не проводились ни открытые конкурсы, ни тендеры, то кое-кто из чиновников много заработал, размещая заказы на ремонт Белого дома, а государственная казна лишилась внушительной суммы денег.

Сам по себе кабинет довольно интересный. Там сидели Шохин, Каданников, Потанин, Маслюков. И еще очень много народу будет сидеть.

Нормальный такой кабинет.

Не могу сказать, что для меня это вообще имеет важное значение — какой кабинет. В Нижнем, когда я стал губернатором и занял кабинет бывшего первого секретаря обкома КПСС, я там вообще ничего не менял.

Олигархи

Всем кажется, что олигархи — это Березовский, Гусинский, Смоленский, Ходорковский, Потанин, Алекперов и иже с ними.

На самом деле олигархи — это Вяхирев с его «Газпромом» и другие монополисты.

А вышеперечисленные — просто влиятельные люди. Причем их влиятельность обусловле-

на не экономическим положением, а личными отношениями с власти предержажими.

И в этом смысле их судьба незавидна. С уходом Ельцина они все могут в одночасье исчезнуть, если не сумеют распространить свое влияние на нового обитателя Кремля.

А вот главные олигархи, нетленные, так сказать, — Вяхирев и монополисты. Не обязательно могущественные и всероссийские. Монополии могут быть и региональными. Директор котельной, например. Начальник теплосети, или облгаза, или телефонного узла.

Вот это — «нетленка».

Именно они подчинили себе судьбу страны.

Именно они нагло и беспардонно не платят налоги.

Именно их слушается любой начальник, опасаясь с ними поссориться.

Именно им фактически служит гигантская государственная машина в Кремле и Белом доме.

У нас в стране — олигархическая экономика. Попробуй тронь монополиста! Останешься без тепла. Или останешься без телефона. Без света.

Вот это страшно. Вот что надо менять. Должна быть конкурентная среда.

Мы восхищаемся уровнем жизни в Америке. Низкими ценами в Америке. Действительно, низкие цены! Как это могло случиться?

Да просто каждый бизнес конкурирует с десятками себе подобных. Отсюда и научно-технический прогресс, отсюда и снижение цен, и повышение качества.

У нас был такой Борис Надеждин в правительстве. Он даже подготовил проект закона «Об основах олигархической деятельности в Российской Федерации». Там давались определения. «Олигарх федерального значения»,

«олигарх регионального значения», «сельский олигарх».

Шутка.

Но ведь это на самом деле так.

Что с ними делать?

Сажать олигархов не надо. Ссылать в концентрационные лагеря тоже не надо. Просто надо поставить их в равные условия с остальными. В равные условия по бизнесу, по доступу к начальству, по налогам.

А что у нас получается? «Газпром», самая богатая компания страны, дающая 40 процентов валютной выручки, имеет договор с правительством о неуплате налогов. Личный договор Вяхирева с бывшим начальником налоговой инспекции.

Есть закон. По этому закону они должны платить 400 миллионов долларов в месяц. А по секретному соглашению платят от 100 до 160 миллионов.

Так создается криминальная основа государства. Почему для них есть исключение? Куда смотрит парламент?

И вот тут — еще один парадокс российской истории. Дело в том, что парламент 1995—1999 годов состоит из коммунистов. То есть ярых защитников монополий.

Когда мы в 1997-м требовали от «Газпрома» уплаты налогов, кто грудью встал на его защиту, истерично заявляя: молодые реформаторы хотят разрушить «Газпром»? Правильно, Зюганов.

Защищая монополии, он защищает богатых. Хотя и ходит с лозунгами о защите бедных.

Нужны одинаковые для всех правила. Общественный контроль за их работой. Регулирование тарифов. Создание конкурентных условий.

Борьба с коррупцией внутри монополий.

Важнейшая тема! Хотя об этом не говорят. Займитесь коррупцией в «Газпроме» — узнаете массу интересного.

Все эти взаимозачеты, векселя, скидки для одного и повышение тарифов для другого — это все источники коррупции в монополиях. Это все — раковая опухоль в экономике, которая со страшной силой генерирует пораженные клетки.

Никто об этом не говорит. Никто об этом ничего не знает. Это «черный ящик»!

Слишком много вопросов

Сколько у «Газпрома» офшорных компаний? Сколько валютных счетов в западных банках? Сколько собственности находится за рубежом? Сколько — в России?

Почему одному разрешают взаимозачет, второму — нет? Почему скидка третьему, а четвертому — наценка?

Все это очень серьезные вопросы. Особенно если учесть многомиллиардные обороты компании. Большие, чем бюджет России!

В 1998 году все государственные инвестиции составили 14 миллиардов рублей. Инвестиции одного «Газпрома» — 28—30 миллиардов. Плюс железная дорога, плюс РАО «ЕЭС» и так далее.

Эти компании ворочают большими средствами, чем весь бюджет страны. А раз так, то и возможностей для воровства там больше.

И если о том, что происходит в правительстве, что-то пишут газеты, то кто слышал хоть что-нибудь о том, что происходит внутри монополий?

Я считаю, что уровень коррупции в монополиях запредельно высокий. Беспрецедентно высокий.

Кому это выгодно

Коммунистам.

Они хотят управлять. Но управлять сложной экономикой, где миллион субъектов, невозможно. А монополиями — легко.

И второе: у монополий можно брать деньги. Деньги на выборы, деньги на собственное «житье-бытье»... Легко поменять «главного олигарха» и поставить на его место своего человека...

Это модель очень примитивной экономики, очень пагубной для народа и очень удобной в управлении.

Почему не платят налоги

Нет привычки.

В советское время никто налогов не платил, все доходы отбирало государство. А потом Госплан эти деньги делил.

В царской России налоги были. Они были очень примитивные, что правильно. Каждый десятый рубль с оборота отдавался в казну. Купцы это знали.

Чтобы приучить людей к европейской налоговой системе (а именно эта система сейчас внедряется в России), нужно начать с простого. С элементарного. Налоги должны быть примитивными. Лучше всего — один налог.

Дальше. Декларация о налогах — на одной странице. Получил доход 100 тысяч, отдаю в казну 15 процентов — и до свидания. Отстаньте от меня. Я не должен вам нести никаких справок. Если вы не верите, что мой доход именно таков, если думаете, что я заработал больше, — доказывайте! Это ваша проблема. А у меня вместо проблемы — презумпция невиновности.

Простые принципы.

И мы уже начали их осуществлять.

В 1998 году мы с Ириной Хакамадой провели в Думе Закон о едином налоге с малого предпринимательства. Отменили все налоги, что были раньше, и вместо них ввели плату за патент. (Идея родилась в Нижнем в 1995 году.)

Этот закон можно распространить на любой уровень бизнеса. Хотя идея выглядит несколько экстравагантно.

Мы не можем установить в Москве плату за патент с каждого ларька. Это должны делать местные власти. А местные власти ведут себя странно. Те из них, кто понимает важность частного предпринимательства, устанавливают нормальные, неудушающие налоги. А там, где у власти коммунисты или те, кто ничего не понимает, — там вводятся беспредельно высокие налоги. И люди закрывают свой бизнес, и работники оказываются на улице.

Здесь очень важна грамотная местная власть, которая использует налоги для развития бизнеса, а не для его удушения.

Бюджет реальный и нереальный

В России реального бюджета не было никогда. Почему? Хотели жить как в богатом государстве, а возможности были как у бедного. Постоянно выдавали желаемое за действительное.

Это вообще отличительная черта многих депутатов — жить в нереальном мире. Например, они никак не хотят сократить свои расходы. У них гигантские привилегии: бесплатные санатории и гостиницы, мобильные телефоны и пейджеры... То же касается, кстати, и президента. У Управления делами президента запре-

дельное количество недвижимости. На несколько миллиардов долларов.

Зачем это? В бедной-то стране? Что за Византия?

Огромные расходы приводят к дефициту бюджета.

Другая причина — крайне неэффективная экономика. Экономика воровства. Виртуальная экономика, когда вместо денег фигурируют какие-то суррогаты, товар обменивается на товар, минуя деньги... Феодалного типа экономика. Она не может генерировать производство. И значит, не может давать деньги в бюджет.

Наконец, третья причина — отсутствие воли. Чем власть отличается от общественной организации? Скажем, в исторически отдаленные времена? Кто собирает дань, тот и власть.

У нас дань собирают бандиты, пожарники и санэпиднадзор. У нас только государство не собирает дани.

В стране произошло самое страшное: приватизация власти. Властью стал кто угодно, от преступника до мелкого чинуши. А государство, обязанное содержать армию, науку, образование, здравоохранение и так далее, властью быть перестало. Потому что не способно собирать налоги.

Не платить налоги — тяжкое преступление. Хуже, чем разбой. Потому что тот, кто не платит налоги, занимается разбоем по отношению к самым бедным.

Все это — вопрос воли, образования и мировоззрения.

Государство стало импотентным. Власть собирает сейчас ежемесячно миллиард долларов. Мы собирали четыре миллиарда. Четыре! Говорят: стали платить зарплату. Какую? В четыре раза меньше, чем это было год назад.

Даже «Газпром» не могут заставить платить. Почему? Сделка. Вследствие которой «Газпром» сидит и помалкивает. За двести миллионов долларов в месяц не только «Газпром», но и кто угодно будет молчать в тряпочку.

Инфляция

Это когда ты постоянно держишь руку в кармане на своем кошельке, а денежки из него все равно уходят.

Это когда ты получил зарплату и должен бегом бежать в магазин, чтобы затариться на месяц. Иначе через неделю тебе денег не хватит.

Это мощный насос перекачки денег от бедных к богатым, механизм обогащения. Деньги на зарплату врачам, учителям и военным поступают в банк. Банк задерживает выплаты на неделю. Деньги конвертирует в доллары.

Проходит неделя. Банк конвертирует доллары в рубли и получает маржу.

И выплачивает врачам, учителям и военным их зарплату. Но деньги уже другие, врачи и учителя обеднели, а банк обогатился.

Инфляция — это грабеж простого народа. Кроме того, высокая инфляция — это уничтожение производства. Потому что кредиты очень дорогие. Или их вообще никто не дает.

Инфляция — это уничтожение любого бизнеса. Поэтому тот, кто ратует за пустое печатание денег, — враг России.

Наша цель: чтобы российский гражданин с рублями в кармане чувствовал себя столь же спокойно и гордо где угодно, как американец со своими долларами чувствует себя одинаково, хоть в Европе, хоть в Азии.

Наша цель: прекратить обнищание страны. Чем выше инфляция, тем больше нищих.

В Грузии была высокая инфляция, и пенсии там равнялись двум-трем долларам. В Белоруссии, которой так восхищаются коммунисты, сегодня высокая инфляция, и зарплата там вдвое ниже, чем в России. Пенсия от Лукашенко составляет всего 9 долларов.

Чтобы остановить инфляцию, надо иметь волю.

Остановить инфляцию без стимулирования реального производства невозможно. То есть это сложно, не механистический процесс. Нужно проводить преобразования на самих предприятиях, менять руководителей, которые не платят зарплату, и так далее. Дело долгое. Если экономика не предрасположена к развитию, она даже при низкой инфляции развивается медленно. Что бы ни заявляли монетаристы.

Бандитский капитализм

Бандитский капитализм — это то, что построено в России. Это высокий уровень коррупции, переплетенные интересы бюрократии и олигархического капитала, господство монополий, произвол чиновничества...

Россия была предрасположена к бандитскому капитализму. Советская система очень подходила ко всему тому, о чем я сейчас сказал. Если не считать отношений собственности, конечно. В советской системе не было бизнеса, но зато там были отраслевые министры, которые вели себя совершенно так же, как нынешние олигархи. Могли повернуть реки. Могли устроить экологическую катастрофу. Могли загадить Байкал. Могли допустить в Челябинской области или в Екатеринбурге радиоактивное заражение и потом скрыть это. Могли ради интересов своих ведомств пренеб-

речь здоровьем миллионов людей. И им ничего за все это не было. Просто сейчас все об этом забыли.

В самом деле предрасположенность к бандитскому капитализму в России была. Я не говорю о том, что крупные компании не могут работать в конкурентной экономике. Могут! В Америке их сколько угодно, и они дерутся между собой. Там на одной площади работают бензоколонки пяти (!) компаний. Как только появляется одна, так тут же появляется другая. И никто не может запретить ей это сделать.

У нас же если есть вертикально интегрированная компания, то она контролирует целые регионы страны. Нет открытой конкуренции.

Она все равно будет, рано или поздно.

Кого я лоббировал

Я лоббировал двенадцать миллионов российских предпринимателей, над которыми издевались налоговая инспекция и налоговая полиция. Для защиты предпринимателей мы ввели закон о вмененном налоге. То, что его зачастую извращают на местах, другая проблема.

Это — первое.

Второе. Я лоббировал бабушек и дедушек, когда мы вытряхивали у «Газпрома» долги по бюджету. Это удалось сделать, и пенсии заплатили.

Далее. Я лоббировал интересы российских промышленников, когда подготовил решение президента о стимулировании инвестиций в машиностроение, в автомобильную отрасль.

Я лоббировал интересы Нижегородской области, если это не противоречило интересам государства. Часто помогал ГАЗу, химическому комплексу.

Я лоббировал интересы России за рубежом. Когда американцы требовали, чтобы «Газпром» прекратил разработку месторождений в Иране, сказал — нет, этого не будет. Это бизнес, и мы будем поддерживать «Газпром». Мы лоббировали «Газпром» и когда речь шла о контрактах с Италией, и когда речь шла о проектах с Китаем.

Интересы наших нефтяных компаний за границей, в том числе в Ираке, мы также лоббировали.

Мы очень сильно лоббировали интересы России, когда речь шла о нефтепроводе Баку — Новороссийск. Я предложил провести нефтепровод вокруг Чечни. В том числе и для того, чтобы было экологически безопасно транспортировать нефть. И из политических соображений тоже.

К сожалению, это не было сделано.

Короче говоря, за границей мы всегда лоббировали интересы российского бизнеса. А внутри страны — интересы людей, которых могут задушить власти предрержащие.

Шахтеры

Уже при Кириенко я был назначен председателем комиссии по углю. Была такая «расстрельная» должность. Это произошло в тот момент, когда начались забастовки и перекрытие железных дорог. И когда шахтеры пришли на Горбатый мост к Белому дому.

Кто бастовал? Как правило, бастовали шахтеры убыточных шахт либо тех шахт, где директора воровали.

Я постоянно занимался этой проблемой. Дважды выезжал в шахтерские регионы. Особенно мне запомнился Ростов.

В Ростове я был в июне 1998 года. Тогда

шахтеры перегородили магистраль. Их было, по-моему, от семи до десяти тысяч.

Их действия фактически приводили к развалу страны. Южные порты, Туапсе и Новороссийск, жители всего Юга оказались отрезанными от всей страны...

Требования шахтеров были справедливыми. Они действительно не получали зарплату, в то время как их директор находился под следствием. За кражи. В то же время их действия были разрушительными.

Все эти забастовки использовали коммунисты. Когда я туда приехал, перед шахтерами выступал Анпилов. Он им сказал: «Надо взять Немцова в заложники. И тогда Ельцин за него заплатит любые деньги».

Мне идея понравилась. Если такова была цена разблокирования железных дорог, то я был готов стать заложником.

Но сметливые шахтеры посчитали, что Анпилов — провокатор. И его прогнали. Точно так же они прогнали ныне покойного Рохлина, который тоже выступал на рельсах.

Тем не менее несколько бессонных ночей — и решение проблемы было найдено. Мы потом хорошенько потрянули тех посредников, которые брали деньги. Заплатили шахтерам, и они ушли.

Потом я был в Ростове уже после 17 августа — на следующий день. Мы тогда начали программу создания новых рабочих мест. Не дали ее закончить... Программа очень неплохая. Смысл ее в том, что каждый шахтер на закрывающейся шахте открывал свой счет, на который зачислялись деньги. Из бюджета, напрямую. Шахтер мог использовать эти деньги для покупки, например, скота, если он хотел заняться сельским хозяйством. Или автомобиля, если он хотел заняться перевозками. Или трак-

тора. Чего угодно, одним словом. Сами решали, на что потратить деньги и каким образом зарабатывать их впоследствии.

Вот эту программу мы начали 18 августа.

Проблема шахтеров следующая: в стране примерно 150 шахт. Из них 90 — убыточные. Разрезы, то есть добыча открытым способом, прибыльны. Остальные — убыточны, и шахты надо закрывать. А людей трудоустраивать. Поэтому программу надо делать. И другую программу — по переселению людей из неперспективных бассейнов — тоже надо делать.

Сколько ни консервируй эту проблему, все равно она рано или поздно всплывет. И нас еще ждут большие шахтерские потрясения. Я в этом убежден.

Коррупция

Я думаю, что самая большая коррупция не в верхних эшелонах власти, а на среднем уровне. И в монополиях: в «Газпроме», РАО «ЕЭС», на железных дорогах...

Но об этом никто не думает.

У народа такое мнение, что чем выше начальники, тем сильнее коррупция. Там она, конечно, есть. Но поскольку за высшими начальниками следят со всех сторон, то там все труднее сделать.

Как борются с коррупцией

Существуют у нас в России такие «весенне-осенние» методы борьбы с коррупцией. Сезонно-депутатские способы. На самом деле это никакая не борьба, а сплошной фарс. Если мы хотим реальной борьбы, то надо делать следующее:

— Должна быть свободная пресса. Чтобы чиновник боялся, что о нем напишут как о взяточнике.

— Должны быть свободные выборы. Чтобы во время предвыборной кампании все самые тайные дела становились явными.

— Чиновник должен получать нормальную зарплату. Иначе он будет воровать.

— Должны быть одинаковые для всех правила. У чиновника не должно быть возможности давать кому-то поблажки.

— И последнее: должно работать правосудие. Если кто-то своровал — он должен сидеть. А не становиться национальным героем.

Что об этом думают американцы

Был мозговой штурм — «Как помочь России». Наивные американские чиновники из МВФ говорили о сокращении дефицита бюджета, о том, что нужны какие-то правила, нужен контроль за расходованием бюджетных средств, нужна отмена взаимозачетов... Все это правильно — и одновременно абсолютная ерунда. Коммунисты, которые имеют власть у нас в парламенте, никогда на это не пойдут.

С коммунистами договориться невозможно. Это аксиома. Запомните ее, убеждал я американцев.

На самом деле можно сказать, что взаимозачеты — это коррупция. Привилегии «Газпрому» — это тоже коррупция.

А борьба с коррупцией — это настоящая демократия.

Если бы «помощники России» предложили программу «Чистые руки», толку было бы гораздо больше. И для нас, и для них.

Эти люди из МВФ — обыкновенные чиновники. Международные чиновники. Квали-

фицированные, честные. Они боятся потерять свое место. Беспокоятся о своей репутации, о своем продвижении по службе. О своих деньгах, которыми они рискуют. А не о наших с вами проблемах.

Им ведь что Россия, что Малайзия, Бразилия, Индонезия — одно и то же. Они не знают жизни страны, которой взялись помогать.

Когда я работал в правительстве, я с ними общался примерно так: «Господа! Мы делаем НАШУ программу. Она вам нравится — вы нам помогаете. Она вам не нравится — вы нам не помогаете».

Россия не может жить по программам МВФ. Потому что... «никто нам не поможет, кроме нас самих». Аксиома.

Аукционы

Стало банальностью во всем обвинять Чубайса. В том смысле, что его приватизация привела страну к промышленной деградации. Деиндустриализации.

На самом деле это миф.

Пример: в Белоруссии не было приватизации, а зарплаты там вдвое ниже российских, заводы стоят. На Украине приватизации тоже практически не было. Все разворовали, уровень жизни в два-три раза ниже российского. В Казахстане, наоборот, прошла приватизация, и доходы там выше, чем в России.

Так что «во всем виноват Чубайс» — просто прическазка, и не более того.

Тем не менее приватизация проводилась плохо. Ее можно было провести лучше.

Ваучерная приватизация — и это правда — прошла под гигантским давлением «красных» директоров. Под беспрецедентным давлением. «Красные» директора хотели, чтобы им дали

право стать собственниками и чтобы это было дешево.

В итоге всем раздали бумажки, директор повесил объявление «Все бумажки продать мне, иначе — уволю» и стал хозяином. Хозяином неэффективным. Часто — оккупантом на собственном предприятии.

Мало того, что старый директорский корпус — в основном алчный, вороватый и неумелый — сохранил свои позиции в результате такой приватизации. Она еще и денег никаких предприятиям не принесла. Потому что все было за бумажки. Не появилось ни нового оборудования, ни новых линий, ни новых технологий. Ничего.

Повторяю: ваучерная приватизация была плохая. Она решила одну-единственную задачу: государственную собственность превратила в частную. С вороватыми менеджерами.

Но еще хуже была залоговая приватизация. Она началась в 1994—1995 годах.

У правительства, как всегда, не было денег. И тогда богатые сказали: хорошо, мы поможем правительству, дадим денег, но в качестве залога пусть нам дадут акции российских компаний.

Так оно и случилось. Например, акции «Сибнефти» (а это крупнейшая из российских нефтяных компаний) перешли к частным владельцам.

То же самое произошло с «Норильским никелем». Потанин дал не такие уж большие деньги — сто с чем-то миллионов долларов, а потом, когда правительство не сумело расплатиться, «Норильский никель» перешел в собственность Потанина.

По оценкам разных специалистов, Россия на залоговых аукционах потеряла от 30 до 50 миллиардов долларов. При этом самые жирные

куски государственной собственности были отданы за бесценок.

Так появились российские олигархи.

В нашем правительстве решили: залоговых аукционов больше не будет.

И действительно — ни одного не было.

«Связьинвест»

В 1997 году правительство приняло решение: этих инсайдовских аукционов, то есть из-под полы, с заранее известным победителем и заранее известной ценой, больше не будет.

А тогда как раз на аукцион выставлялся «Связьинвест». Эта компания владеет акциями региональных компаний вроде «Нижегород-связьинформ» или «Московская телефонная сеть». Очень мощная компания.

Вместе с Чубайсом решили: победит тот, кто заплатит больше денег. Коротко и ясно. Но для некоторых такие условия казались нечестными.

Я не участвовал ни в каких дебатах на эту тему. Больше всех заплатил Потанин. Вместе с Соросом. Они и выиграли.

Вот тогда-то и началась банковская война против Чубайса и Немцова. «Банкиры» были беспощадны, бились «до последней капли крови», и сейчас мы имеем то, чего они добились: угроза реванша, угроза собственности, угроза безопасности людей. И так далее.

Но то, что аукционы в стране стали проводиться честно, считаю большой нашей заслугой.

«Лужки»

Я в Москве — новичок. Естественно, работая шесть дней в неделю по пятнадцать часов,

улавливал страшно. И уезжал на воскресенье в «Лужки». «Лужки» — это дом отдыха. Очень хороший, современный, с разными спортивными сооружениями. Можно плавать в бассейне, играть в футбол.

Там довольно-таки состоятельные люди собираются.

Когда недруги Немцова и Чубайса об этом узнали, они решили сострять фантастический репортаж. Известный телевизионный киллер Сергей Доренко рассказал всей стране про то, как Немцов развлекался с девушками. И у него якобы есть такая видеозапись. Грозился показать.

А потом мы с ним встретились в прямом эфире. И я попросил его: пожалуйста, покажите ту пленку! Он был настолько удивлен моей просьбе, что даже ничего не ответил.

Мы увиделись с Доренко еще раз, позже, уже после моей и его отставки. Я сказал:

— Сергей, так где пленочка-то?

Он ответил:

— А не было пленочки. Просто был заказ. Тебя заказали.

Нефть-1

Мне помнятся две нефти.

Первая — каспийская.

Была ожесточенная борьба за транспортировку нефти из Баку до Новороссийска.

Сначала мы боролись с чеченцами, которые не хотели прокачивать нефть по своей территории. Но с ними мы договорились.

Потом началась история с товарищем Алиевым. Алиев создал миф о том, что Каспийское море — это второй Персидский залив. Миф абсолютный! После месторождения Чирак, которое действительно было разведано и на от-

крытии которого я присутствовал (первый раз в жизни умылся нефтью — такой ритуал), пробурили еще несколько скважин. Они оказались сухими.

Там мало нефти. Тем не менее Алиев умело использует Каспий для решения своих политических вопросов.

Первый — бóльшая интеграция с Турцией. Второй — сближение с американцами.

Именно поэтому в Баку постоянно находятся американцы. Именно поэтому ставится вопрос: а нужны ли альтернативные маршруты?

Сейчас действительно есть два маршрута: Баку — Новороссийск и Баку — Супса. Хотели еще делать маршрут Баку — Джейхан. Но его никогда не сделают. Потому что нефти нет.

Моя позиция такая: Баку — Новороссийск более выгодный маршрут в отношении транспортировки. Нефтяные компании не должны заниматься политиканством. Они должны прокачивать нефть там, где это дешевле.

У меня была идея построить нефтепровод вокруг Чечни. Экономически эта идея здравая, потому что позволяет избежать взрывов нефтепровода. И политически она правильная. Потому что дает России рычаг для решения чеченских проблем и позволяет избежать зависимости от Чечни.

Тем не менее после нашей отставки эта идея сошла на нет. Обидно.

Нефть-2

Вторая нефтяная история — сахалинская.

На Сахалине огромное месторождение. На шельфе. Много лет инвесторы хотели вкладывать сюда деньги, но не могли этого сделать — не было четких таможенных правил. Потому

что один таможенный чиновник не подписал нужные разрешения.

Я занимался этой проблемой.

И очень рад, что сахалинское месторождение уже начало функционировать.

Вообще у России бескрайние возможности для освоения нефтяных месторождений. Что мешало реализовать эти возможности? Отсутствие законодательной базы. Ленин, когда искал деньги, разрешил концессии. Мы же предлагаем не концессию, а гораздо более мягкую форму: принять соглашение о разделе продукции. Суть соглашения в том, что с инвестором договариваются, какой процент нефти он оставляет себе для продажи, а какой отдает государству.

Долго мы объясняли Государственной Думе, что эти законы принесут стране миллиардные прибыли, гигантские налоговые поступления.

Долго и безуспешно.

Коммунисты цинично и нагло отвергали наши предложения.

К чести Примакова надо сказать, что в декабре 1998 года он все-таки пробил кое-какие поправки. Однако в соглашении так много коммунистических оговорок, что сказать: «Путь открыт!» — нельзя.

Не нужны коммунистам миллиарды долларов.

И потому ясно: дальнейшее их пребывание у власти погубит страну. Им надо памятник поставить из колючей проволоки, потому что их власть — смертельна.

На них лежит такой тяжкий грех, что они не имеют никакого морального права участвовать в политике. А они не просто участвуют, но и очень сильно вредят.

Труба

Некоторые люди смотрят на мир сквозь газовую трубу.

Я — нет.

Труба во многом определяет судьбу России. Когда на мировом рынке падают цены на нефть или газ, это больно ударяет по всем гражданам России. Одна из причин кризиса 17 августа состоит в том, что содержимое трубы резко подешевело. Вследствие чего приток валюты в страну замедлился.

Кстати. Я смотрю на трубу не только как на благо России, но и как на потенциальное зло. Например, до нашего прихода во власть не было правил экспорта нефти через трубу. Поэтому за право экспорта людей убивали.

Существовали разнообразные программы со звучными названиями. Типа «Дети России», «Детское питание» и так далее. На самом деле это были, как правило, воровские программы, которые давали возможность обогащаться людям, приближенным к чиновникам. За счет прокачки нефти по трубе. Теряли на этом нефтяники.

Мы эти так называемые программы закрыли. И установили правила пользования трубой. Как нефтяной, так и газовой. Чем и горжусь.

Лампочка Ильича

Слышал анекдот: сидят двое за компьютером, принимают электронную почту. Один говорит:

— Слышь, Вася, а все-таки башковитый мужик был Владимир Ильич Ленин!

— С чего это ты? — удивляется второй.

— Если бы не он, сидели бы сейчас, в полной тьме e-mail'ы отправляли!

Шутка. Лампочка Ильича сегодня — то же, что «лампочка Чубайса». РАО «ЕЭС России». Гигантская компания, которая работает... скажем, не очень хорошо. Несмотря на героические усилия Чубайса. Но если ее привести в порядок, может стать локомотивом российской экономики.

«Пирамида» — закон природы?

Нет, «пирамида» — это расплата за алчность, тупость, чванливость, безумие и ма-разм.

«Пирамида» возникла как результат беспредельной алчности как депутатов, так и правительства. Нечего тут скрывать.

«Пирамида» возникла как результат полукриминальной виртуальной экономики, которая не платила налоги.

«Пирамида» возникла как результат отсутствия политической воли к наведению порядка в своей собственной стране.

«Пирамида» разрослась до таких немисли-мых размеров, что хрупкое тело Кириенко вместе с не таким уж хрупким телом Немцова остановить ее разрушающее воздействие на страну уже не могли. «Тела» были подмяты «пирамидой».

Это было предопределено.

Об истории в сослагательном наклонении говорить бессмысленно. И все же. Если бы премьером назначили Иисуса Христа, «пирамида» все равно бы рухнула.

Можно ли было избежать «пирамиды»?

Да, можно.

Надо было всего лишь жить по средствам.

Мавзолей

Я понимаю, что нужно уважать чувства верующих. В роли которых в данном случае выступают коммунисты. Я понимаю и то, что это язычество — издевательство над традициями.

Я отчетливо понимаю: пока варварство и язычество правят бал в России, мы будем иметь много проблем.

Поэтому я убежден: Ленина надо похоронить. Чем быстрее, тем лучше.

Не надо устраивать из этого никаких политических истерик. Просто надо поступить по православной традиции.

Банкротство как спасение

В народе бытует мнение, что банкротство — это страшная трагедия для рабочего, крестьянина и инженера.

На самом деле это избавление от ярма для работника и от бесчестья — для директора. Работники предприятия получают шанс избавиться от опостылевшего директора, от неумелого собственника. Директора и собственника надо гнать поганой метлой, если они не платят зарплату и налоги. И хорошо, что на этот случай существует механизм банкротства.

Когда Примаков сказал, что слово «банкротство» запрещено в Белом доме, я понял, что Россию ждет второй застой. Не знаю, сознательно или бессознательно, Евгений Максимович попытался продлить агонию бестолковых начальников и алчных собственников.

Пиночет. Вариант Чили

Пиночет — уникальный генерал.

В чем его уникальность?

Первое: он разбирался в экономике.

Второе: он отстаивал свои политические и экономические позиции.

Мне запомнилась одна фраза, которую он произнес, когда стал президентом. Пиночет сказал: «Я не буду обсуждать с народом три вопроса. Первый — роль армии. Второй — роль частной собственности. Третий — роль Католической церкви».

Уважаю его за то, что он защищал своих «чикагских мальчиков» от нападков. И они выстроили замечательную экономическую систему. Высокоэффективную, без олигархов и без льготников. С самым низким в Латинской Америке уровнем коррупции.

И еще чем уникален Пиночет: он сам отказался от власти. По его инициативе была принята конституция, и он ушел.

У нас в России много политиков-генералов. Лебедь, Руцкой, Николаев, Громов. Еще, наверное, другие появятся. Не думаю, что среди них нашелся бы хоть один, способный на «феномен Пиночета»: в экономике они малограмотны, а в смысле жажды власти — беспредельны.

Поэтому повторить опыт Пиночета в России никому не удастся.

Похороны российского императора

Трагическая история. Очень затянувшаяся история.

В 1993 году правительство создало комиссию по идентификации останков Николая II, его семьи, близких. Останки были обнаружены там, где их закопали большевики. Чтобы скрыть следы своего преступления.

Комиссия работала, но дело не двигалось. Когда я пришел в правительство, то согласил-

ся возглавить эту комиссию. Потому что считал исторически несправедливым и позорным хранить останки последнего русского царя, как собачьи кости, в судмедэкспертизе Екатеринбургa.

Начали интенсивно работать.

Официальным представителем Церкви в комиссии был митрополит Ювеналий, были там и Никита Михалков, и Илья Глазунов, и Эдвард Радзинский... И много других известных людей. Замечательные наши патологоанатомы, историки...

Я поставил себе задачу провести тщательное исследование останков, с тем чтобы к 80-летию кровавого злодеяния похоронить царя.

Еще до начала нашей активной работы я встретился с патриархом Всея Руси Алексием II. Он сказал, что Церковь готова поддержать действия правительства и что он считает правильным захоронить останки именно 17 июля 1998 года. Но только после того, как мы ответим на десять (!) вопросов Церкви.

Эти десять вопросов были сформулированы.

Разные были вопросы. Например, куда делся царевич Алексей. Или почему не был идентифицирован зуб. Или проблема с костной мозолью Николая II, которую он приобрел во время русско-японской войны. Были и очень специальные вопросы. Например, о ритуальном характере убийства. Некоторые черносотенцы считали, что царя убили не большевики, а евреи. На это могу сказать следующее: среди банды большевиков — убийц царской семьи был один еврей, Юровский.

Для идентификации останков была куплена очень дорогая аппаратура. Определили, что это останки именно Николая II и его семьи, с величайшей степенью точности. Вероятность ошибки была одна десятиллиардная! Населе-

ние Земли составляет несколько миллиардов человек. Таким образом, найти еще одного человека с теми же характеристиками невозможно.

Я доложил об этом патриарху.

Осталось решить, где хоронить останки.

Было три варианта: Екатеринбург (губернатор Россель очень настаивал: во-первых, в этой земле они уже были однажды похоронены, а во-вторых, этим можно было привлекать туристов). Москва (Лужков очень активно включился). И наконец, Санкт-Петербург, где находится фамильная усыпальница Романовых.

Обсуждение этого вопроса происходило у Черномырдина, бывшего тогда председателем правительства. Это был тот редкий случай, когда каждый член правительства высказывал свое мнение о том, в каком городе хоронить царские останки.

подавляющим большинством решили: в Санкт-Петербурге.

А дальше события развивались как в детективе. Митрополит Ювеналий выступил на правительстве. Выступил достаточно осторожно. Сказал, что патриарх принял наши ответы на десять вопросов Церкви. Но в июне, когда был съезд Русской Православной церкви, она приняла весьма двусмысленное решение — из политических соображений, что, на мой взгляд, не делает чести патриархии.

Решение такое: останки должны быть погребены. Это — с одной стороны. С другой — это должны быть останки... неизвестных убиенных.

Никакие аргументы ученых не имели воздействия.

Я считаю, что Церковь поддалась каким-то политическим интригам и соблазну поучаствовать в общественной жизни.

Тем не менее мы начали готовиться к похоро-

ронам. Отремонтировали Петропавловскую крепость (губернатор Яковлев много сделал). Привели в божеский вид Петропавловский собор. Весь ремонт, в том числе и мостовой, и вообще окружающей территории, стоил денег. Не так уж много — два миллиона долларов. И тут настал драматический момент. За три-четыре дня до погребения обнаружилось, что в бюджете страны нет денег. Россия на грани дефолта.

Я позвонил министру финансов Задорнову, сказал:

— Миша, дай два миллиона долларов на похороны царя. Немедленно! Иначе — мировой позор.

Он ответил:

— Я все понимаю. Но денег нет ни копейки. Позвони Дубинину. Может, Центральный банк даст?

Звоню Дубинину. Тот говорит:

— Ты понимаешь, что Центральному банку категорически запрещено финансировать бюджет. Но я как русский человек и патриот нарушу запрет и, конечно, дам деньги.

Именно тогда я понял, что страна на грани полного финансового краха!

И еще один момент. Я постоянно информировал Ельцина о ходе всех работ, об отношении Церкви. Он очень живо интересовался этим вопросом. Но близкие ему люди постоянно отговаривали его участвовать в церемонии погребения. Аргумент у них был один: Церковь не хочет.

Накануне похорон, 16 июля, Ельцин мне позвонил:

— Ну как, все готово?

— Все готово, — отвечаю.

— Хорошо. Я принял решение ехать. Хотя меня некоторые отговаривают.

Это было правильное решение.

Потом, уже на похоронах, я общался со Славой Ростроповичем, с академиком Лихачевым и узнал, что они очень сильно ругали Ельцина за его нежелание ехать.

Ельцин, человек большой интуиции, поступил правильно.

На похороны приехали пятьдесят пять Романовых. Отовсюду: от Новой Зеландии до Уругвая и Северной Америки. Жизнь разбросала потомков царской фамилии по всему миру. Многие стали католиками и в православном храме крестились по-католически. Детишки малые, прапраправнуки, многие по-русски не говорят.

Александр Лебедь стоял вместе с Романовыми. Почему — не знаю. Мне это было удивительно.

Ельцин очень устал и сел — не мог стоять. Но тем не менее не покинул церемонии и произнес одну из лучших своих речей. Упоминания об Ипатьевском доме в этой речи не было. Он мне потом сказал, что во времена работы его первым секретарем обкома в Свердловске ЦК КПСС сильно настаивал на сносе дома. Он дважды отказывался, а на третий раз сдался.

Все было очень возвышенно. Никакой безумной роскоши. Строго и не пошло.

Я считаю, что это очень важное событие. В нравственном отношении.

А что касается восстановления монархии в России — это невозможно. История не повторяется.

Я знал, что меня «кинут»

Догадывался с первого дня.

Хотя первое ощущение, что это произойдет, возникло в мае 1997 года, через полтора месяца после назначения.

Я тогда внес предложение, чтобы все чиновники заполняли декларации о своем имуществе. И о своих доходах. Кстати говоря, довел это дело до конца. Теперь каждый год сотни тысяч чиновников заполняют такие декларации.

Сначала думали, что это пройдет. Рассосется. Однако не проходит. И все, что было тайным, рано или поздно станет явным.

Впервые за тысячелетнюю историю России чиновники должны отчитаться за свои дачи, квартиры, машины и так далее.

Когда я это готовил, по Белому дому ходил слух, что проект указа у Черномырдина дома читала вслух вся семья. Читали его и в семье Ельцина.

Отказаться от этого указа было невозможно.

Но то, что я этой затеей стал всем костью в глотке, — очевидно.

Окончательно я понял, что меня «кинут», летом 1997 года. Когда мы продали «Связьинвест». Именно тогда я осознал, что интересы Кремля и интересы государства расходятся.

Может, я был наивным. Но считал, что надо заканчивать с олигархами.

А «кремлевские» люди, как более циничные (а может, более практичные), считали, что олигархи — это опора России.

Единственный, кто тогда меня защищал, был Ельцин. И то, видимо, только в силу данного им обещания.

Россия слишком похожа на Византию. С подковерными интригами, ненаписанными, но действующими правилами. И то, что тебя «кинут», надо иметь в виду.

Кстати, многие российские губернаторы очень внимательно наблюдали за моей судьбой. И теперь не многие хотят ее повторить.

Так что я помог им избежать ошибок.

Я обещал три вещи

Могу повторить. Я обещал не врать, не воровать и не брать взятки.

Все обещания выполнены.

Если бы это было не так, уверен: по всем трем позициям последовали бы громогласные разоблачения. Слишком многим людям я просто мешал жить. Желание отомстить осталось у многих до сих пор.

Что не удалось

Первая ошибка — мы недооценили роль парламента.

Многие считают, что парламент — это то место, где Жириновский плещет в лицо минеральной водой своему коллеге-депутату. Или где обсуждают интимные подробности жизни Юрия Скуратова.

На самом деле Государственная Дума определяет экономическую политику страны. Она принимает или не принимает законы о налогах, принимает или не принимает честный или нечестный бюджет, — а от этого зависит судьба тысяч предприятий и миллионов людей. Дума принимает решения об уровне пенсий и зарплат, о распоряжении собственностью, о контроле за бизнесом со стороны бюрократии. Своими решениями может создать крайне коррупционную среду или наоборот.

Мы Думу недооценили. И во все время нашей работы (кроме 1997 года, когда депутаты были в нокауте и просто боялись с нами связываться) она постоянно вставляла нам палки в колеса. Именно она торпедировала наш налоговый кодекс, кстати, очень правильный и либеральный, с небольшим количеством налогов. Она, уже в 1998 году, похоронила антикризис-

ную программу Кириенко. Она же постоянно принимала лживые бюджеты, из которых выросла зловещая пирамида ГКО.

Вторая неудача — нам не удалось обуздать олигархов.

Сначала они напугались. «Газпром» заплатил 13 миллиардов долларов долгов. Вслед за ним остальные тоже начали платить налоги. Нам удалось провести честную приватизацию «Связьинвеста».

Потом олигархи оклемались и дали нам последний и решительный бой.

Когда-то Рузвельт сломал шею Моргану, известному американскому олигарху. И с этого начался современный капитализм в Соединенных Штатах.

Так надо поступить и российскому правительству. Не так тупо, как попытались это сделать с Березовским, бросив клич посадить его в тюрьму! Надо просто разделить обязанности: «они» должны заниматься бизнесом, а «мы» должны создать одинаковые для всех правила и никому не давать привилегий. Нельзя, чтобы бизнес и власть переплетались. Это приводит к коррупции, роскоши одних и дикой нищете других.

Между прочим, многие из олигархов это хорошо понимают. И я уверен: в этом деле можно навести порядок.

Третье. Российская экономика была предрасположена к монополизму. Этот способ управления главенствовал в советское время и подготовил почву для появления олигархов. Их породили министерства, тресты и главки. Приватизация не привела к эффективной конкуренции. Даже в нефтяной отрасли (хотя там более десяти компаний).

Поэтому в отношении неэффективных компаний предстоит провести приватизацию заново.

во. Без политики и административных решений, а через банкротства и судебную процедуру.

Наша глобальная идея состояла в том, чтобы провести открытую и честную приватизацию. За деньги. А не за ваучеры и не в форме залоговых аукционов.

Это нам тоже не удалось. Просто времени не хватило.

Не хватило

Но по большому счету не хватило другого. Не хватило политической воли одного человека — Ельцина.

В силу болезни, интриг, возраста он был уже не в состоянии делать все то, что было необходимо делать.

В принципе, при здоровом, грамотном и честном президенте все то, о чем я сказал, можно было сделать.

Что нам удалось

1997 год войдет в историю России, как вошел в нее 1913-й. Впервые после Горбачева был отмечен рост производства — на 2,5 процента. Впервые стали возвращаться вывезенные из страны капиталы. Выросли реальные доходы людей. Уменьшалось число бедных. Снижалась преступность. Не росли цены. А доллар стоил шесть рублей.

Кроме того, в 1997 году мы учредили честные правила приватизации.

То есть когда нам не мешали (а нам тогда не мешали: коммунисты просто испугались нашей популярности!), мы могли сделать очень много.

Где мы жили в Москве

Когда мы приехали в Москву, жилья у нас не было. Сначала я был один, без семьи, и несколько дней прожил у Коха. Потом мне дали дачу в Архангельском.

Кстати, после нас в нее въехал Маслюков. А до меня жил Лифшиц. Такая вот дача...

Через несколько месяцев Управление делами президента предоставило мне квартиру на Садовой-Кудринской улице.

Квартира замечательная, четырехкомнатная. Это единственное материальное приобретение нашей семьи, которое осталось от моей правительственной эпопеи. Квартиру я очень люблю и по-настоящему в ней отдыхаю.

Как Лужков меня прописывал

История этой квартиры такая: на самом деле решение о ее предоставлении принял президент. А дальше началось смешное: оказалось, что в Москве по-прежнему действует институт прописки.

Мэр Москвы Лужков совершенно беспардонно игнорирует решение Конституционного суда об отмене прописки и по-прежнему продолжает прописывать граждан. За деньги. Или по решению чиновников, которые для кого-то делают исключение. Интересно, как он собирается во время президентских выборов объяснить россиянам, почему весь народ разделен на московский и остальной.

Поскольку я был первым вице-премьером, то Лужков должен был прописать меня по своему личному решению. А он его, решение то есть, не принимал. И довел дело до абсурда.

Должен сказать, что я этим не занимался. Занимались этим делом моя жена и... президент. Президент регулярно меня спрашивал, прописал меня Лужков или нет.

Я отвечал правду — нет.

Однажды он сказал:

— Это со стороны Лужкова слишком мелко.

Это стало известно Лужкову. На следующий день я был прописан.

Квартира на Садовом кольце

Да, в самом центре, и место историческое. Очень популярное. Это видно из окна: сюда девушки съезжаются со всей страны. Пытаются заработать. И по традиции занимаются этим на Тверской и в районе Садового кольца.

Так что под окнами у меня — живая жизнь. Судя по впечатлению, которое они производят при взгляде из окна, — не самые роскошные барышни.

Как я увез в Москву своих нижегородских соратников

Я пригласил Кириенко на должность замминистра топлива и энергетики. Тут, кстати, интересно было. Черномырдин, когда я в апреле 1997 года предложил ему Кириенко, вызвал его. Беседовал с ним целый час. Потом сказал:

— Кириенко не дорос.

Я был тогда настырный. Пришел к Черномырдину в мае, спустя месяц. Опять стал гово-

ритель про Кириенко. Черномырдин согласился. Так Кириенко стал моим заместителем.

Приехали со мной Павел Чичагов, Андрей Сморгонский, Борис Бревнов, Игорь Маскаев и еще несколько человек.

Мои заработки

Летом 1997 года вышла моя книжка «Провинциал». Она принесла мне приличный доход. Я получил «чистыми» около 50 тысяч долларов.

Дальше. Моя зарплата первого вице-премьера была 7200 рублей. По тогдашнему курсу — 1200 долларов. И сейчас это приличные деньги.

Когда я ушел в отставку, я не знал, где я буду работать: никаких запасных аэродромов у меня не было.

И тогда само собой получилось, что мне предложили читать лекции. Я и раньше их читал. Изредка и бесплатно. А тут — я безработный, почему я должен читать бесплатно? Но об этом ниже.

Мои накопления

Счетов в зарубежных банках у меня нет.

Есть счет в Сбергательном банке. На этом счете лежит 10 тысяч долларов.

Мой телефон прослушивался

Об этом знает вся страна. Газеты опубликовали мой разговор с Лисовским.

В принципе, ничего особенного в этой беседе не было. Если не считать нескольких «мужских» слов.

Но сам по себе факт возмутительный.

Я пошел к Черномырдину, он был тогда премьер-министром, и сказал:

— Виктор Степанович, как же так? Вот — газета. Вот опубликована беседа...

Он говорит:

— Твоя беседа?

— Моя, — отвечаю. — Дайте мне какой-нибудь кабинет, где телефоны не прослушивались бы.

Он засмеялся:

— Ты что, сумасшедший? Ты хочешь сказать что-то в Доме правительства? Выйди во двор, напиши записку, выйди в коридор, наконец, шепотом скажи. На ухо! Неужели тебе это не понятно?

Меня это потрясло.

Дальше он дал команду тогдашнему министру внутренних дел Куликову: проверить, кто прослушивает Немцова.

Я был потрясен еще раз, когда Куликов вечером того же дня позвонил мне и сказал: МВД не прослушивает. Я был, пожалуй, даже восхищен. Во-первых, оперативностью, а во-вторых, законченностью вывода.

До сих пор лежит уголовное дело. Никаких движений.

Женщины. Что обо мне болтают

Мне не раз передавали, что существует «всенародное мнение»: если кто-нибудь захочет нарвать на Немцова компромат, то, хоть всю землю перерой, ничего, кроме «баб», найти не удастся. Но баб найти — можно.

Мне льстит такое мнение.

Как я отношусь к скандальным видеозаписям

Я убежден, что власть не имеет права лезть в постель к народу.

Я убежден также, что народ не имеет права залезать в постель к начальству.

Я считаю, что личная жизнь каждого — это его личное дело и право. И то, что в этом смысле происходит иногда на экранах российского телевидения, — дело мерзкое.

Убежден также, что для людей некоторых профессий должны быть ограничения. Пример: генеральный прокурор не должен спать с проститутками. Не должен — и все.

Почему?

Первое — он давал клятву вести нравственный образ жизни.

Второе — он, общаясь с этими девушками, тем самым общается с правонарушителями. Ведь проститутки никаких налогов не платят. А это — тяжкое уголовное преступление.

Наконец, последнее. Прокурор, общаясь с проститутками, тем самым общается с преступным миром. Дело в том, что все притоны и все проститутки пользуются криминальной «крышей».

Поэтому прокурору не следует общаться с проститутками.

Виндсерфинг

Люблю.

И кроме того, доска — очень серьезное испытание. Ветром, водой и солнцем.

Уверен: мало начальников, которые могли бы справиться с доской. Так что для меня виндсерфинг — предмет гордости.

Теннис

Теннисный корт — то место, где я отдыхаю душой и телом. Не так уж редко, кстати говоря: два раза в неделю.

Партнер не меняется. С Павлом Чичаговым мы играем в теннис уже 15 лет.

Мои новые вещи

Одежду покупаю себе сам, иногда жена покупает.

Раньше существовала такая концепция: купил костюм, износил его до дыр, выбросил. Купил новый.

Теперь другая концепция: одновременно служат несколько костюмов. Надеваю по очереди. Все равно изнашиваются быстро.

Предпочитаю покупать костюмы в Нижнем Новгороде. Там все знакомое, привычное. А вещи высокого класса не только в столицах продаются. Свои костюмы от Хьюго Босса я купил в Нижнем.

Кстати, мебель в московскую квартиру тоже купили в Нижнем, в мебельном салоне «Камя».

Еще у нас дома появились литографии Шемякина. Шемякин приходил ко мне в гости и подарил четыре работы.

Есть еще картины нижегородских художников Сидорова и Наташи Панковой, а также Элины Баранской из Сочи.

Выпиваю

Умеренно. По случаю могу выпить что угодно: вино, коньяк, водку. Просто большая выпивка мне удовольствия не доставляет.

Могу пить — могу не пить.

Если, скажем, есть много разных водок и нужно выбрать одну — выберу кристалловскую водку «Юрий Долгорукий».

Если такая же ситуация с коньяком — выбираю «Наири». Душистый, ароматный, испаряющийся... Классный коньяк.

Та же ситуация с сухими винами. Вообще-то я в них мало разбираюсь, но один мой приятель приучил меня пить итальянское вино «Баролло». Очень насыщенное красное вино.

История с белыми штанами

История с белыми штанами прозаична.

Летом 1997 года приезжал с официальным визитом Гейдар Алиев. Еду на работу. Жарко. Поскольку жарко, одет в светлые штаны: никакого официоза не предполагалось.

Звонок в машину. Черномырдин. И далее — такой разговор:

— Поезжай встречать Алиева, Гейдара Алиевича.

— Я говорю: очередь Чубайса.

— Нет, Чубайс не может.

— Виктор Степанович, я одет не по форме.

— Что, в трусах?

— Нет, не в трусах. Но вы ахнете, когда увидите.

— Меня это не касается. Поезжай в чем есть.

Я поехал, встретил Алиева. Который, кстати, очень долго смеялся. И сказал: правильно! Нечего в жару в драповых костюмах ходить.

Он, кстати, был единственным, кто меня поддержал тогда. А Татьяна Борисовна устроила совещание на тему соблюдения протокола.

И уж потом, когда начались поиски компромата на Немцова, история с белыми штанами стала одним из элементов искомого.

Глава третья

ЧТО ДАЛЬШЕ?

17 августа 1998 года

В общественном сознании есть твердое убеждение, что правительство ушло в отставку 17 августа. На самом деле после 17 августа было 18-е, и продолжало работать правительство прежнее, то есть наше. И кстати, очень интересно, никакой паники не было, курс доллара был 18-го, как сейчас помню, 6 рублей 40 копеек. Не лопались банки. Не было роста цен, не было очередей в магазинах. После 18-го было 19-е, курс доллара тоже был на уровне где-то шесть пятьдесят. И так до конца недели.

Ошибка Ельцина

Однако в воскресенье 23 августа Ельцин отправил в отставку Кириенко. Остальных членов правительства он в отставку не отправлял. Я считаю, что Ельцин совершил большую ошибку. И если бы он этого не сделал, то тяжесть финансового кризиса не так больно ударила бы по карманам практически всех людей. Не было бы такой грандиозной девальвации, не было бы такого роста цен и такого обнищания людей.

Почему я так считаю? Потому что у нас был четкий план действий, состоящий буквально из нескольких пунктов. Первое — это немедленная либеральная налоговая реформа, то есть резкое снижение налогов, их количества и величины. Второе — это банкротство

олигархических империй, отстранение от собственности и управления тех, кто вел себя как оккупант на своем собственном предприятии, высасывая из него последние деньги и перекачивая их в зарубежные банки. У нас был план отстранения от управления тех собственников и менеджеров, которые обманули вкладчиков многочисленных коммерческих банков страны. У нас был план укрепления правоохранительной системы. И создания равных конкурентных условий для всех без всяких исключений, включая «Газпром» и другие монополии.

Но Ельцин решил по-другому.

Кто испугался

Я думаю, что Ельцин деталей нашей программы не знал. А те, кто нас в отставку отправил, — они ее знали и испугались. И поскольку так называемые олигархи имели большое влияние на Кремль, им удалось своего добиться. Я приведу один характерный пример. «Газпром» в июле 1998 года заплатил 400 миллионов долларов. В августе, когда мы в отставку ушли, он не заплатил ни одной копейки. За 400 миллионов долларов можно многое сделать даже в Кремле. Кстати, сейчас «Газпром» платит где-то 150 миллионов в месяц, несмотря на то что его выручка не уменьшилась, а 250 миллионов по нелегальному договору остается в руках управленцев компании.

Значит, есть закон о налогах и есть секретное соглашение между правительством и «Газпромом». И это секретное соглашение разрешает «Газпрому» не платить 250 миллионов долларов в месяц. Могу для понимания ситуации сказать, что 250 миллионов долларов — это годовой бюджет таких областей, как Саратовская, Волгоградская, и чуть-чуть меньше,

чем бюджет Нижегородской области. То есть каждый месяц за лояльность «Газпрому» пенсионеры, учителя и врачи расплачиваются неполученными зарплатами и пенсиями либо полученными в существенно меньшем объеме.

Исходя из этого правительство в угоду так называемой политической стабильности просто забыло об интересах людей, которые живут исключительно на зарплату.

Кириенко уходит

Так вот, 23 августа, это было воскресенье, Ельцин отправляет Кириенко в отставку...

Насколько я знаю, перед Кириенко у президента обязательств не было. Хотя это выглядело странно, потому что он так долго бился за Кириенко — все помнят эту эпопею марта и апреля 1998 года. Трижды кандидатура Кириенко вносилась в Госдуму, трижды президент настаивал на том, чтобы его утвердили. А прошло всего несколько месяцев — и отправил в отставку.

И тогда мы пошли к шахтерам

23 августа, после того как Ельцин подписал указ, мы пошли к шахтерам — легендарная почти встреча. Дело в том, что практически все время работы нашего правительства на Горбатовом мосту высказывали свой протест шахтеры со всей страны. Либо шахтеры, либо те, кто к ним примазался... И поскольку они фактически стали нашими соседями, мы по русской традиции решили с соседями выпить, поэтому и пошли туда. Хотя до выпивки дело так и не дошло. Бутылка «Столичной», которую я с собой взял, куда-то исчезла во время нашего полурасового разговора с шахтерами.

Я подал в отставку

Тогда же, 23-го, я для себя принял решение, что работать не буду. Президент назначил исполняющим обязанности Черномырдина... И в понедельник 24 августа я подал Ельцину заявление об отставке. Поблагодарив его за восемь лет совместной работы, я написал, что привык работать только тогда, когда можно что-то делать. А в условиях резкой смены курса содержательной работы у меня не получится, и значит, мое дальнейшее пребывание в составе кабинета бессмысленно. Я принял это решение как-то сразу, еще в воскресенье.

Я это прошение отправил. И тогда он мне позвонил и сказал: «Мы договаривались, что ты будешь работать два года, и я не хочу нарушать своих собственных обязательств. Было бы разумно тебе остаться, тем более что я тебя в отставку не отправлял. Отправлял только Кириенко».

Я ему ответил, что вряд ли смогу сделать что-то в новом кабинете и не вижу для себя дальнейшего смысла работы.

Он сказал, что... он меня понимает.

Но тем не менее несколько дней не подписывал указ об отставке, подписал его только в конце августа.

У меня была очень хорошая команда, дружная, мы никогда не ругались, не было никаких подковерных интриг, игр, и мы довольно тепло расстались. Я занимался трудоустройством ребят, с которыми работал. Фактически всех трудоустроил. Считаю, что это правильно. Ни в коем случае нельзя людей, с которыми работал, бросать на произвол судьбы. Некоторые остались работать в правительстве, некоторые нашли работу в институтах, некоторые ушли в частный бизнес. Короче говоря, никто без работы не остался. Чем я очень доволен.

А на память свинтил табличку перед своим кабинетом, она у меня сейчас дома.

И сразу же уехал к себе на родину, в Сочи.

Частное лицо на рынке и на пляже

Удивительно то, что меня в Сочи встречали, как будто я — действующий вице-премьер. Начальство, мэр и так далее... На рынке сочинском, когда я был уже совершенно свободным человеком и вел себя как частное лицо, многие подходили, жаловались на различные проблемы — у кого нет жилья, у кого зарплаты, у кого работы... Я терпеливо объяснял, что уже не являюсь должностным лицом и членом правительства. Но сочинцы и многие отдыхающие как-то не очень в это верили.

Это ощущение, что я до сих пор в правительстве, у многих людей проскальзывает. Где бы я ни был, ко мне подходят люди, говорят о своих проблемах... Ясно, что эти проблемы должно решать правительство, а не частное лицо, общественный деятель, как в данном случае. Но тем не менее это есть.

Я читаю лекции

Я довольно хорошо отдохнул, отоспался. Спортом занимался активно. У меня не было никаких запасных аэродромов, я не знал, куда идти работать. Но по возвращении меня пригласили прочитать несколько лекций в Соединенных Штатах. Я сказал, что я безработный и бесплатно читать не буду. И тогда в первый раз удалось за последние восемь лет — если не считать книги «Провинциал» — заработать деньги чтением лекций. Это был мой фактически первый заработок после отставки — в

октябре 1998-го. Довольно-таки приличные деньги, 10 тысяч долларов. И потом я стал зарабатывать таким образом.

Пожалуй, я один из немногих граждан России, кто привозит твердую валюту в страну, а не увозит ее. При этом я все время настаиваю на том, чтобы налоги платить у себя на родине, поскольку я считаю, что это и есть истинное проявление патриотизма.

После этого меня стали еще приглашать. Я потом читал лекции в Копенгагене, в Германии — в Нюрнбергском университете, в двух берлинских университетах. Потом — в Гарвардском и Колумбийском университетах в Америке, в десятках колледжей в Соединенных Штатах. Потом были Прага, Париж... Это источник существования. Могу сказать, что мое материальное положение после отставки существенно упрочилось. Резко. И я довольно крупный налогоплательщик: заплатил за 1998 год налогов на общую сумму 150 тысяч рублей. Это значительные деньги. Фактически это фонд заработной платы небольшой сельской школы. Я этим горжусь и чувствую себя свободным.

Моя формула счастья

Восемь лет я был во власти. И первые месяц-полтора довольно необычным, непривычным и странным было то, что не надо утром идти на работу. Что никто не требует от тебя решения шахтерских проблем, контроля за крупными компаниями, наведения порядка в экспорте нефти, проведения социальных программ в стране и так далее. А месяца через полтора, проснувшись как-то утром в московской квартире, я вдруг вывел для себя новую формулу. Формулу счастья. Счастье — это здоровье, свобода и деньги. Такая простая форму-

ла как-то в голову не приходила, поскольку все восемь лет я был во власти и что такое свобода — не понимал. И что такое деньги, откровенно говоря, тоже. Они мне особо не нужны были...

Это формула счастья любого простого человека. Люди во власти никогда в жизни этого не поймут. Кстати, меня спрашивают: а как же насчет любви? Почему ее нет вот в этом перечне? На самом деле, если у тебя есть здоровье, свобода и деньги, у тебя точно будет любовь. Если только ты сам не будешь сопротивляться этому.

Вольный сын эфира

Состояние свободы и принадлежности самому себе и семье не очень долго длилось. Дело в том, что у меня был свой сайт — и сейчас есть — в Интернете (<http://www.nemtsov.ru>), и я после отставки написал письмо ко всем, кто потерял работу после 17 августа. То есть моим товарищам по беде, или, я не знаю, по ситуации. И получил тысячу откликов от людей молодых и не очень, от состоявшихся и тех, кто еще ищет себя в жизни. И в этих откликах сохранилась одна главная мысль. Что если ты хочешь действительно чего-то достичь, если ты хочешь, чтобы страну не лихорадило и люди были уверены в своем будущем, — за свою страну и за свое будущее надо бороться. И эта главная мысль преобразовалась в предложение о создании движения «Россия молодая».

Сейчас это реально существующее политическое движение, зарегистрированное в Минюсте, имеющее право принимать участие в выборах. Оно обладает рядом особенностей.

Во-первых, в это движение входят достаточно честолюбивые люди. «Россия моло-

дая» — это не молодежная организация, ограничения по возрасту отсутствуют: просто в «Россию молодую» входят люди, молодые духом. Это состоявшиеся бизнесмены, которым просто надоело бороться с ветряными мельницами: с бюрократией, со взятками, коррупцией и так далее. Это студенты, аспиранты и преподаватели, которые действительно составляют интеллектуальную элиту страны. Но... они еще не достигли тех высот, к которым стремятся, то есть это честолюбивые люди. Это даже пенсионеры, которые тоже хотят, чтобы страна была свободной и процветающей.

Между прочим, впервые в мире!

«Россия молодая» уникальна тем, что создавалась сначала в Интернете — пожалуй, это первая партия в мире, которая была создана в Интернете. А еще она уникальна тем, что среди активистов «России молодой» нет тусовщиков из ранее существовавших партий и движений. То есть это организация, в которую пришли новые люди. Организация эта — антифашистская, не коммунистическая. Цели и задачи ее на сайте изложены, я не буду их сейчас излагать. Скажу только, что мы убеждены: без смены политической элиты на федеральном, на региональном, на муниципальном уровне, без прихода к власти тех людей, которые учились при Горбачеве и стали работать при Ельцине, без такой мирной кадровой революции поступательного движения вперед у России не будет. А будет постоянное метание из стороны в сторону.

«Отцы» и «дети»

Вообще кадровая проблема в России сейчас стоит очень остро. Дело в том, что ключе-

вые посты в государстве занимают люди, имеющие исключительно советское прошлое. И они по-прежнему претендуют на власть — даже в XXI веке. Не имея свободного и широкого мироощущения, они постоянно будут тянуть нас назад. Этот конфликт поколений, который, может быть, так явно не ощущается, гораздо более жесткий, чем тот, что описан у Тургенева. Потому что «отцы» в обобщенном смысле имеют советское представление о жизни, а «дети» воспитаны уже в свободной стране и не понимают, о чем говорят «взрослые». Конечно, это очень упрощенно и всегда есть исключения. Но в целом этот конфликт явно существует. Именно отсюда крайне неустойчивое социальное положение у многих людей, отсюда крайне неустойчивая ситуация в экономике в целом и на предприятиях в частности.

О некоторых преимуществах «детей»

Сейчас, побывав практически во всех — крупных и не очень — городах России, я убедился: там, где новые люди, образованные, грамотные, честные, честолюбивые, приходят к управлению, будь то маленькое предприятие или большой комбинат, там, где действительно произошла мирная кадровая революция, — там, как правило, успех. Так вот, расцвет всей страны наступит тогда, когда придет новая, образованная элита. Во-первых, она более честная, потому что ее не воспитывали в двуличной манере, когда на кухне говорили одно, а на собраниях другое. Во-вторых, несмотря ни на что, возникают некие этические нормы рынка. Если ты один раз вел себя недостойно, то потом тебя в бизнес не пустят. В-третьих,

это люди, которые знают, что репутация дороже денег. Короче говоря, мы являемся свидетелями появления нового поколения российских граждан. И дай Бог, чтобы это поколение само осознало свою роль и не было бы таким пассивным, каким оно до сих пор было, — лишь три процента молодых людей ходят на выборы.

Бог дал, Бог взял

У меня многие спрашивают: а вы обиделись на Ельцина, что он такое решение принял? Отвечаю: на президентов не обижаются. И потом, надо знать, что к словам Ельцина не следует относиться... абсолютно буквально.

«Сынком» меня президент никогда не называл

Это правда.

Хотя существовала версия, что у президента была нереализованная мечта воспитывать сына: поскольку у него две дочери, то ему всегда казалось, что это большое упущение в семье. Но мне кажется, что это слишком романтический диагноз президентских переживаний.

На самом деле такой близости между нами, о какой иногда писали, не было. Хотя отношения были в общем-то достаточно хорошими долгие годы. Сейчас никаких нет. И я считаю, что Ельцин глубоко одинокий и несчастный человек. Одиночество он создал себе своими собственными руками, отстранив от власти четырех премьер-министров и пятьдесят вице-премьеров. И сто шестьдесят министров. Я уже не говорю про охранников, про внутреннюю кухню Кремля и Администрации. То есть людей, с которыми Ельцин начинал, вокруг него практически не осталось.

Кто остался с Ельциным

Дочь. Дочь уволить нельзя.

Мистическое совпадение

Думаю, что это действительно мистическое совпадение. Дело в том, что где-то через месяц после отставки, 22 сентября, я ехал на машине, и вдруг позвонили по мобильному телефону. Сказали: с вами будет говорить президент. А телефон держал мой водитель. Он спросил, какой президент. «Народ»... обиделся, тот, который сидел на телефоне спецкоммутатора. И сказал, что у нас один президент. Водитель, как это часто с ними бывает, испугался, остановил автомобиль и вышел, оставив меня в машине. И Ельцин довольно-таки бодрым голосом спросил: «Что ты делаешь?» — «Да вот в машине сижу». — «Ну, поезжай в Кремль».

Я поехал в Кремль, мы с ним довольно долго говорили, довольно хорошо. Потом он меня пригласил к себе домой, мы поехали в Горки-9 и были там часа четыре.

Главная мысль президента состояла в том, что, несмотря на отставку, нужно все равно поддерживать отношения, нужно быть вместе. И он мне фактически предложил вернуться. Я сказал, что нет, бюрократом я больше не стану, возвращаться не собираюсь, но на общественных началах — не становясь чиновником в моем понимании — готов заниматься проблемами местного самоуправления. Тем более что я в этом достаточно неплохо разбираюсь. Много лет губернаторства, во-первых, и, во-вторых, работа в правительстве.

Он предлагал устроить меня на работу, я сказал: «Не надо. Даже если вы меня не назначите, я все равно буду этим заниматься». Ель-

цин подписал указ, беспрецедентный, где фигурировало: назначить Немцова на общественных началах.

И после этого назначения тогдашний глава Администрации Юмашев предложил мне кабинет.

Я вообще к кабинетам отношусь весьма спокойно, но, когда я туда пришел, комендант здания сказал мне, что это исторический кабинет. Просторный такой, в советском стиле, ситцевые занавесочки, унылые стены, покрашенные масляной краской, столы и стулья времен позднего Брежнева — обстановка явно не эстетствующего владельца.

Комендант сказал, что в этот кабинет был сослан Ельцин, когда попал в опалу к Горбачеву.

Я, кстати, ничего не поменял в нем специально, хотя многие люди не могут понять, как новый обитатель кабинета сочетается с таким «совковым» интерьером.

Кто забыл, как меня зовут, наутро после отставки

У меня не было такого опыта. То ли потому, что по большому счету ко мне все относились неплохо, по крайней мере те, кто был в аппарате. То ли потому, что это считается сейчас дурным тоном. То ли потому, что многие чиновники уверены: рано или поздно я опять вернусь. По непонятным совершенно причинам никто не забыл, как меня зовут.

Почему рухнул Черномырдин

Я могу сказать, в чем дело. Ельцин очень не любит и не любил тех, кто претендует на «трон». У него абсолютное ощущение власти,

и, пожалуй, кроме этого ощущения, у него какие-либо еще ощущения отсутствуют. Когда Черномырдин поехал в США и неосторожно сказал там, что они с Гором будут определять судьбу наших великих стран в XXI веке, это переполнило чашу терпения Ельцина.

Но на самом деле Черномырдин на себе крест поставил не тогда. Он поставил на себе крест в декабре 1997-го, когда лишил Чубайса и меня полномочий. Дело не в том, что мы такие великие, а в том, что молодые, энергичные, работающие. И когда он нас лишил полномочий, правительство просто перестало работать. Премьер-министр вообще фигура сугубо политическая, поэтому очень многое зависит от заместителей. Ведь мы тогда, в конце 1997-го, вовремя заплатили пенсии, заработную плату военным, учителям и врачам, но в начале 1998-го все пошло вразнос. Просто потому, что ни Чубайс, ни я уже не могли работать.

А почему он нас лишил полномочий — это типичная аппаратная интрига в стиле «Газпрома». Ему каждый день шептали на ухо, что мы слишком много взяли на себя власти и что по-настоящему Чубайс с Немцовым и есть правительство, а Виктор Степанович — это ширма. Конечно, если начальнику жужжать такие вещи с утра до вечера, то рано или поздно он начинает в это верить. В общем у нас с ним были неплохие отношения.

Мне кажется, что он совершил ошибку.

Ельцин, кстати, очень возмутился этим решением, потому что понимал, что правительство резко ослабляется. Мы тогда летали к нему на Валдай, зимой, на вертолете, когда пришлось совершить экстренную посадку. Он очень сильно возмутился тем, что сделал Черномырдин, но это, конечно, был не повод для

отставки. А поводом стала эта поездка Черно-мырдина в США.

Почему Ельцин так бился за Кириенко

Тогда же, с января где-то или с февраля, в Администрации президента стали думать о том, кто мог бы возглавить правительство. Какие требования предъявлялись к будущему премьеру? Первое — что он не претендует на президентское кресло. Второе — не связан ни с какими олигархическими группировками. Третье — достаточный опыт работы, в том числе на федеральном уровне. Хозяйственный опыт. Четвертое — без шлейфа криминала, уголовщины и так далее. Это очевидно. И, естественно, достаточно лояльный к Кремлю. Перебирали разные кандидатуры. Предлагали Рыбкина, предлагали министра путей сообщения Аксененко. И Кириенко. Я сказал, что из того списка, который был предложен, Кириенко удовлетворяет всем пяти пунктам, можно его назначить.

Дальше Кремль устроил встречу Ельцина с Кириенко. Дело в том, что он с Кириенко встречался, но мельком. Один раз в Самаре, один раз в Нижнем — совсем мельком: Ельцин был проездом в Нижнем и мог даже не запомнить его. В марте 1998 года он пригласил Кириенко к себе на смотрины. И с ним беседовал. Вот и все.

Я думаю, он Ельцину понравился. Но, насколько я знаю, тогда, 23 марта, утром Ельцин хотел вызвать Андрея Николаева. И только какие-то странные, уже чисто дворцовые интриги привели к тому, что был вызван не Андрей Николаев, а Кириенко.

Ельцину что импонировало? Что молодой, энергичный, что будет его слушать, что его политический вес несомненно ничтожен, что он ему как дедушка или как папа. Вот он пришел, посадил его в кресло... Трудно представить, что такое можно сделать с Черномырдиным или, допустим, с Чубайсом. Он только одного недооценил. Поскольку сам он физически уже не в состоянии работать по-настоящему, в жестком многочасовом режиме, политически слабый премьер — это на самом деле перевод всех стрелок на Кремль. Вот этого он недооценил. И его ближайшие советники этого тоже недооценили.

Часто спрашивают, почему Кириенко мне неблагодарен. Могу сказать: не надо ждать ни от кого благодарности. Это не общая философия, это опыт. Я знаю, что очень многие люди обижаются, когда те, кому они сделали добро, быстро об этом забывают. Поскольку со мной это случалось многократно, я настолько к этому привык, что не считаю это даже предметом для дискуссии. Я многократно видел это в Нижнем Новгороде. Видел и в Москве.

Что сказали по поводу отставки мой жена и дочь

«Давным-давно надо было это сделать», — сказала дочь. «И слава богу», — сказала жена. У моей дочери есть почти крылатая фраза. Кто-то из журналистов ее спрашивал: что должен делать твой отец? Я тогда еще был губернатором. Он должен подавать в отставку, отвечала она. Для дочери это не какая-то бравада, а внутреннее убеждение, что такая сверхинтенсивная работа, по всей видимости, не очень-то комфортна для семьи.

Закон маятника

Первый секретарь Нижегородского обкома коммунистической партии товарищ Ходырев, который потом стал работать в правительстве и к которому я, кстати, относился неплохо и даже после его позорного бегства из коммунистического обкома трудоустроил — он тогда сахаром торговал, — после моей отставки приехал в Нижний и сказал: мы Немцову сломали хребет. Имеется в виду, что мы — это Коммунистическая партия. Геннадий Максимович продемонстрировал незнание закона маятника. Когда Геннадия Максимовича уволили (это было при Степашине), я промолчал.

Что я понял про власть, пока там был

Разное понимание власти в Нижнем и в Москве. В Нижнем она все-таки более понятна, более открыта, я бы так сказал, менее двулична, менее подла. В Москве — более сложна, более непредсказуема, более коррумпирована и более заскорузла.

Я понял главное: без команды ничего нельзя сделать, причем команды и в Кремле, и в Белом доме, и в Думе, и в губернии. И без общественной поддержки ничего нельзя сделать. Я вообще-то далек был от идеи создавать свою общественную организацию. И вступать в коалицию. Но я понял, что, если твои единомышленники не будут тебя поддерживать, если ты их не будешь поддерживать, — сделать ничего нельзя.

Это понимание пришло в Москве, а не в Нижнем. В Нижнем мне казалось, что все это излишне. Я там всегда сторонился каких-либо партий, движений, никогда особо не высказы-

вал свою точку зрения по всем этим вопросам, считая, что партии должны быть, но не они определяют жизнь. Есть программа губернатора, есть депутаты, есть, в конце концов, деловые люди — и договоренностей с ними вполне достаточно, чтобы куда-то двигаться. Теперь понимаю, что ошибался. В масштабах страны без организаций, в том числе и неправительственных, общественных, сделать ничего нельзя.

К сожалению, это понимание пришло поздно, и теперь приходится заниматься созданием организации. Но лучше поздно, чем никогда.

Привилегии чиновников

Могу сказать как на духу про все свои привилегии. Была машина «Волга». Черная. Сейчас тоже машина «Волга». Белая. И кроме того, я езжу на машине своего друга, у него «БМВ». Значит, первое — персональный автомобиль. Второе — государственная дача. После меня там жил Маслюков. Кто будет жить, когда книжка будет издана, я уж и не знаю. Дача в Архангельском, по Калужскому шоссе, ее снимали в «Герое дня без галстука», половина двухэтажного дома. Была охрана, но потом я от нее отказался, после Чечни: когда мы восстанавливали чеченский нефтепровод, там действительно была нужна охрана, а после — даже в статусе вице-премьера у меня не было охраны. Что еще? Ну, естественно — я уже это говорил, — получил квартиру в Москве — хорошую. С другой стороны, было бы странно, если б я ее не получил: жить-то где-то надо. Да, еще я мог ездить — и ездил один раз — на госдачу в Сочи. Бесплатных пайков не было, бесплатной одежды не было.

Вначале был служебный самолет. У первых вице-премьеров было такое право первые полгода, потом его отменили, стали летать рейсовыми самолетами. Считаю, это правильно.

Вообще все эти излишества, которые есть в правительстве, самолеты персональные, авиакомпания «Россия» для президента — там 70 самолетов, а они фактически простаивают, бесчисленные дачи... Надо, конечно, со всем этим заканчивать. Я не вижу никакой катастрофы, если у членов правительства не будет государственной дачи. Ну, не будет и не будет, пусть дома живут. Уж про президента и депутатов я молчу. Я абсолютно не чувствую себя ни ущемленным, ни ущербным от того, что у меня этого нет.

Чиновник как враг народа

Без чиновничества, как я уже сказал, жизнь невозможна. В стране есть правила — закон, Уголовный кодекс и так далее. Должны быть люди, которые за этими правилами следят. В России, к сожалению, контрольные и регулирующие функции чиновничества слишком гипертрофированы, а сами правила убоги. Дают почву для гигантского произвола.

Особенно такую почву дают льготы. Будь то налоговые льготы, или социальные, или привилегии для конкретных компаний, или льготы по доступу к бюджетным деньгам. Вот это все — в чистом виде коррупция, она создает невыносимую бюрократическую среду в стране.

Поэтому в государстве нашем слово «чиновник» и слово «враг» — синонимы. Хотя по большому счету чиновник может быть очень даже полезен обществу. Я надеюсь, что рано или поздно так оно и случится.

Злоупотребления власть имущих

Существует всего пять способов борьбы с коррупцией. Первое — чиновник должен бояться. Он должен бояться, что завтра в газетах о нем напишут, если он какую-нибудь гадость сделал. То есть первый способ борьбы с коррупцией — свобода прессы. Второе — чиновник боится оппозиции. То есть тех, кто не во власти, но к ней стремится. И в этом смысле в стране должна быть многопартийная система — как бы противны мне ни были те или иные политические деятели, само их существование в целом очищает от скверны взяточничества. Третье — выборы очень важны. В процессе выборов всплывает такое, что в страшном сне не приснится. Это третье необходимое условие для борьбы с коррупцией. Четвертое — чиновник должен нормально зарабатывать. Иначе даже страх, что его завтра разоблачат, не остановит от того, чтобы своровать. Наконец, пятое — не должно быть льгот. Вообще. Чтобы чиновники не принимали в кабинетах никаких решений. Как только есть льгота, всегда есть тот, кто эту льготу дает. В этом смысле установление одинаковых для всех правил, будь то в экономике или в социальной жизни, где угодно — это абсолютно необходимо, если мы хотим спасти страну от коррупции. Вот пять таких пунктов.

Самый яркий пример — Чили. Кто ругает Пиночета, кто его хвалит... Он, безусловно, диктатор и убил много людей в Чили. Он не может быть символом большого и светлого. Но в одном, я считаю, он преуспел: Чили — наименее коррумпированная страна в Латинской Америке и наиболее экономически развитая. Почему? Пиночет установил для всех одинаковые налоги, для всех одинаковые тарифы и

запретил своему правительству встречаться с руководителями корпораций. Как диктатора не слушаешься? А почему запретил? Не потому, что считал это ненужным, а потому, что боялся: как только чиновник соприкасается с бизнесом, так тут же он начинает воровать.

Вот мое правило: когда я работал и губернатором, и в правительстве, всегда смотрел на проекты указов, законов, постановлений через призму того, можно украсть или нет. Если можно было, сразу же говорил, что это не годится. Например, решение о том, что деньги должны открыто и гласно распределяться на тендерах, отсюда возникло. Решение о том, что доступ к нефтяной транспортной трубе должен быть пропорционален добыче нефти. Решение о запрете государственных программ. Борьба за наблюдательные советы в монополиях. Кажется, что главная коррупция во власти. Чушь! Главная коррупция — в монополиях: взаимозачеты, вексельные схемы, скидки по тарифам. Все это плюс гигантские денежные обороты — в «Газпроме», на железных дорогах и так далее, несравненно большие, чем бюджет страны. Добавьте к этому отсутствие доступа свободной прессы, выборности... Все это приводит к гигантской коррупции.

По поводу борьбы с коррупцией. Первые три пункта — свободная пресса, выборы и оппозиция — это и есть демократия. Но когда с людьми общаешься и говоришь, что для того, чтобы не было коррупции, в стране должна быть демократия, тебе никто не верит. Когда вот так говоришь — все верят, а когда одним словом — демократия, — никто. Парадокс российского сознания.

Коррупция больше развита не среди высших чиновников, я считаю, а среди средних и мелких. Почему? Во-первых, они неинтересны

для общества, про них не пишут журналисты. Во-вторых, именно они готовят решения для начальства. В-третьих, они меньше денег получают и в этом смысле больше заинтересованы в том, чтобы своровать. И еще один момент, связанный с коррупцией. Я считаю, что в первую очередь будут брать те, кто уверен, что не найдет себе работу после отставки. Власть должна быть умной. Если власть умная и если чиновник считает, что найдет себе работу после того, как уйдет, он все равно меньше будет предрасположен к воровству. Поэтому тест на интеллект — это в какой-то мере и тест на честность.

МВФ бесконечно далек от нас

Сегодня много говорят о Международном валютном фонде. Считаю, что МВФ должен оказывать помощь России не тогда, когда будет принята программа бездефицитного бюджета, когда налоги начнут собирать, а когда будет принята программа борьбы с коррупцией. Я считаю, что если эта идея была бы одобрена МВФ, то, во-первых, отношение к МВФ изменилось бы, во-вторых, мы могли бы навести порядок и во власти, и в экономике.

Они отказались. Они согласны, что в стране полукриминальный капитализм, что олигархи жиреют, а народ нищает, они согласны, что творится беспредел. Но когда им говоришь: давайте эту программу сделаем приоритетной — почему-то реакции нет. Это говорит о том, что они бесконечно далеки от России. И нам самим придется все это делать, без помощи МВФ.

Будем честными, но позже

Это лозунг олигархов. Лозунг этот возник, когда мы продавали «Связьинвест». Даже не

лозунг, а тезис. Было это летом 1997 года, тогда правительство решило, что больше бесплатной раздачи собственности не будет, а приватизация будет проходить открыто и гласно и выиграет тот, кто заплатит больше денег. Такая вот банальная, примитивная формула, которая тем не менее до 1997 года не применялась. А применялись совсем иные.

В 1997 году мы сказали: все, хватит. У нас и так бандитский капитализм, нужно устанавливать честные правила, если мы хотим, чтобы в страну пришли деньги и были возвращены те деньги, которые вывезены за рубеж.

Тогда была встреча с Березовским, и он изложил свое видение проблемы. Буквально следующим образом: был социализм и государственная собственность. Для того чтобы рынок заработал, собственность надо было поделить, и не имеет значения — как. А потом рынок все расставит на свои места, и общество постепенно через определенный промежуток времени придет к пониманию, что должны быть правила честные. То есть, говоря простым языком, на время накопления капитала требовать честности как от государства, так и от бизнеса не нужно.

Вот, собственно, такая позиция Бориса Абрамовича.

Кое-кто — за ежовы рукавицы

Когда собственность делят и происходит накопление капитала, возникает сильная социальная поляризация, и следствие этого, по теории одного из олигархов, — страна не может перейти к демократии без авторитарного режима.

То есть режима, который будет держать общество в ежовых рукавицах.

Поэтому эта «невинная» теория о том, что собственность должна быть распределена как угодно, лишь бы распределена, предполагает авторитарный период правления. Об этом не говорится, но подразумевается.

Может быть, я действительно был слишком романтически настроен, но мне вся эта теория была глубоко противна. Просто глубоко омерзительна. Поэтому я — и Чубайс тоже, кстати сказать, — с этим не согласились. После чего авторы теории стали нас уничтожать словно главных врагов народа. И, надо сказать, они в этом преуспели. Поскольку они контролировали электронное пространство — я имею в виду телевидение, — им многое удалось.

Я думаю, что сейчас Борис Абрамович жалеет об этом. Потому что он расчистил дорогу коммунистам.

Вряд ли он рассчитывает, что они его сохранят как раритет. Все-таки он неглупый человек.

Компромисс

Как говорил Ульянов-Ленин, бывают компромиссы — и компромиссы. Впрямую имеет к нам отношение.

Одна из наших ошибок, я считаю, серьезная, состояла в том, что мы все время пытались найти компромисс с «красной» Думой. За исключением 1997 года, когда мы на нее не обращали внимания и страна шла в гору. Вот один раз мы не искали с ней компромисса, и тогда платили пенсии вовремя, был промышленный рост, преступность падала.

Уже в 1998 году пошли на компромиссы, бюджет приняли нереалистичный, антикризисную программу они нам заблокировали, зная, что будет финансовый крах. Кириенко в

июне ходил к Зюганову, сказал, что нас ждет катастрофа, надо принять антикризисную программу. Тот сказал: принимать не будем, поскольку не хотим разделить ответственность. И тогда Дума, просто издеваясь над нами, вместо антикризисной программы приняла закон о пчеловодстве. Славные ребята.

Так вот, компромисс с ними невозможен. Поскольку, вынужден цитировать Петра Аркадьевича Столыпина, им нужны потрясения, а нам — великая Россия. И здесь компромисса найти нельзя. И дело вовсе не в том, что мы такие агрессивные, а в том, что есть вещи, с которыми нельзя соглашаться.

Например, если постоянное голосование за дефицитный бюджет приводит к пирамиде ГКО и потом финансовому краху, то лучше уходить в отставку, чем идти на компромисс. Если непринятие антикризисной программы или принятие ее в усеченном виде явно приводит к финансовому краху, то лучше уходить в отставку. И так далее. Там, где цена компромисса, — обнищание миллионов людей, там компромисс невозможен.

Есть идея — перенести столицу

Как ослабить бюрократию? Одна из экстравагантных идей — перенести столицу. Почему страны, где столица перенесена, довольно быстро выбираются из кризиса? Потому что новая столица, как правило, в необжитом месте, и туда проворовавшиеся, гнилые дворовые и чиновники просто ехать не хотят. Так было в Бразилии сделано, в Турции. И везде с переносом столицы начинался экономический подъем, жизнь людей улучшалась.

Сколько лет действует эффект новой столицы? Лет двадцать. Пока новая бюрократия не

окрепнет и не осядет. А двадцать лет — достаточный срок, чтобы Россия ушла далеко вперед. Но это из области... политической фантастики.

Куда перенести столицу? Я считаю, что в Петербург. Во-первых, потому что это все-таки исторически оправданно, а во-вторых, потому что это наименее болезненно для страны и очень символично, так как демонстрирует, куда пойдет Россия: Петербург все-таки западная столица. То есть для России европейский путь более приемлем. Петр недаром там строил город, для него «прорубить окно в Европу» не было пустой фразой.

Не такая уж утопия!

Когда я в 1987 году говорил, что стране нужен избранный народом президент, что нужно отменить шестую статью Конституции, когда говорил о том, что нужна свобода прессы, надо отменить цензуру политорганов и КГБ, — в тогдашних нижегородских газетах были статьи о том, что Немцов предлагает государственный переворот. И кое-кто даже хотел подать на меня в суд за это.

Сейчас это кажется настолько банальным, что даже смешно повторять очевидные вещи.

То же самое и со столицей. В России Москва — это административная столица, финансовая столица, культурная столица, столица моды... Место, где живут иностранцы, где основные иностранные инвестиции, и место, где сосредоточены все капиталы. Очень опасная ситуация. Фактически Москва — это отдельное государство, такой центр вселенной, а регионы — колонии. Такое положение Москвы очень опасно для единства страны. Уже хотя бы это должно многих людей заставить задуматься над пока еще экзотической идеей.

Двор и придворные

В каком-то смысле Россия — это Византия. Традиции подковерных интриг настолько сильны, настолько они в плоти и крови у власти предержавших, что нецивилизованные методы решения проблем, в том числе и крупных государственных, будут жить ровно столько, сколько будет жить находящаяся у власти советская бюрократия. Двор при Лужкове, может быть, будет более зловещим, гораздо более серьезным, чем, например, при Ельцине. Двор при Примакове будет другим, но все равно таким же непредсказуемым, таким же угрюмым. Может быть, люди нового поколения и утвердившаяся демократическая традиция сделают двор менее всесильным, менее значимым. Демократическая традиция — вещь правильная. При демократии подковерные интриги не смогут перевернуть Конституцию. Но и тогда двор будет. И дворовые. Но возможностей у них будет существенно меньше.

ПЕРСОНЫ-2

Ельцин

Существуют три Ельцина, сильно не похожие друг на друга: Ельцин-бунтарь, Ельцин — тень Коржакова и Ельцин-дедушка.

Ельцин-бунтарь

Ельцин — настоящий русский царь. С бесшабашностью, с загулами, с решительностью и отвагой, иногда с робостью — хотя и редко. В отличие от «злых» русских царей Ельцин — «добрый». И незлопамятный. Комплекция играет роль: такой огромный уральский мужик.

Конечно, вокруг него всякие интриги плетутся, и очень многие люди пытаются использовать его, использовать свою приближенность, чтобы на этом заработать. Но сам он — бескорыстный человек, я в этом уверен.

Барин, конечно. Но не такой, который любит в роскоши купаться. Думаю, роскошь его вообще мало интересует. Он чувствует прежде всего свою ответственность за то, что происходит. Сильно переживает, хотя и очень по-своему, все, что происходит со страной.

Впервые мы с Ельциным встречались еще весной 1990 года. Он тогда был таким худым, поджарым, очень энергичным... Все его уже знали — он ведь был тогда опальным. Но что меня удивило, так это то, что он за два с половиной часа беседы проронил лишь несколько слов. А все остальное время — молча слушал. Иногда что-то записывал.

Потом, когда были выборы в Верховный Совет, мы с ним много общались. Он вел себя очень целеустремленно и направленно. Даже жестко. Тогда была наивная идея, что, провозгласив государственный суверенитет, можно будет избавиться от нерешительного Горбачева и его политики, сохранив при этом Советский Союз. Думаю, это и двигало Ельциным в тот момент.

На самом деле вместе с водой выплеснули и ребенка.

Борьба с Горбачевым закончилась развалом СССР.

Для Ельцина это, безусловно, была личная трагедия. Я в этом уверен. Мы с ним довольно плотно общались во время путча. В Белом доме, в августе 1991-го. Тут он вел себя как настоящий русский мужик, крепкий и отважный. Наверное, так вели себя командиры, когда отбивали атаки во время войны. Он отдавал какие-то команды, порой непродуманные, потом впадал в меланхолию, потом опять приходил в себя и начинал руководить обороной.

Вел себя очень симпатично и по-человечески. Залез на танк, все ему честь отдают, у всех мурашки по телу — вот какой президент, ничего не боится... Он вызывал симпатии миллионов и миллионов людей. Если бы тогда сделать социологический опрос, он показал бы, я думаю, что не менее 85 процентов доверяли Ельцину. Может, и больше.

Сейчас об этом все забыли. Кажется, это какая-то фантастика...

Потом мы с ним встречались уже в момент моего назначения. Мои впечатления о нем ни в какой степени не менялись за эти месяцы. Он был настоящим партсекретарем. Особо не разбирался в ситуации в Нижегородской области, просто сказал: «Ты — парень молодой, по всей

видимости, ни черта не понимаешь в управлении. Поэтому — вот тебе испытательный срок. Я тебя давно знаю, ты меня никогда не подводил и, думаю, сумеешь справиться. А может, не сумеешь. Не справишься — сниму тебя через пару месяцев».

Приехал в Нижний Ельцин 9 января 1992 года. Очень интересно встретились. Мы с мэром Бедняковым пытались подготовить город к встрече, как-то приукрасить. Ничего не вышло: шел дождь, слякоть, грязь — это девятого января. Ельцин на Мытном рынке попал в яму, просто провалился, с большим неудовольствием посмотрел на меня и на Беднякова, мы с Дмитрием Ивановичем были в полном трансе. Потом Ельцин послал подальше директора автомобильного завода Видяева, заявив: то, что он увидел в столовой, сплошная показуха, а на самом деле рабочие едят котлеты с мухами. Мол, я все про вас знаю!

Он выгнал с работы директора молокоторга за высокие цены на масло. Хотя цены уже никто не устанавливал, они были отпущены.

Все это очень напоминало действия царя, который наводит порядок, посещая свою вотчину.

Весной того же года мы встретились снова: Ельцин был в Арзамасе-16. Это была очень интересная и содержательная поездка. Тогда ВНИИЭФ был преобразован в Федеральный ядерный центр. В ту встречу я впервые обнаружил, что Ельцин довольно хорошо знает Россию и российскую экономику. В том числе и всякие закрытые вещи. Военно-промышленный комплекс он знал неплохо. Судя по его вопросам, можно было понять, что он ориентируется в этом деле, не дилетант.

Потом мы еще много раз встречались. Например, в Чебоксарах: он приезжал туда в

конце 1992 года. На Съезде народных депутатов, где вечно пытались продемонстрировать ему недоверие. Потом встречались перед референдумом в 1993 году.

А потом был у нас очень тяжелый разговор. 22 сентября 1993 года. Разговор по поводу его указа №1400. Я ему сказал: у меня есть убеждение, что этот указ закончится кровью. (Так оно и получилось.) Он ответил, что у него нет другого выхода и что он будет идти до конца. Был настроен очень твердо и требовал, чтобы все его поддерживали.

Потом наступил довольно длительный перерыв — мало общались. И только 13 августа 1994 года Ельцин приехал в Нижний.

Я считаю, что это было радостное событие. И для него, и для всех нас. Кстати, люди к нему в Нижнем очень хорошо относились. Прибыл он на пароходе, с семьей. И это был уже другой Ельцин.

Мне показалось, что он тогда уже очень сильно заматерел и стал лениться.

Картинка была такая: плывет по Волге президентская семья, а за ней — Жириновский. С интервалом в два часа.

Ельцина сопровождало огромное количество охранников из «Альфы», они постоянно были рядом, в том числе и на корте, где мы играли в теннис. Потом мы были вместе с ним и его семьей на пароходе, пароход назывался «Россия». Мне очень понравилась его семья и отношения в ней. Там были обе дочери, Наина Иосифовна, внучки и внук Борис. Глеб тогда еще не родился.

Обстановка была искренняя и трогательная. Явно не наигранная. Было понятно, что Борис Николаевич — любимец своей семьи, но при этом атмосфера в семье достаточно вольная. Все над ним подтрунивали — и дочери, и вну-

ки. Конечно, все они очень почтительно к нему относились, но никакого особого патриархата в семье я не заметил.

Мне очень понравилась его жена, которую в те времена он тщательно скрывал от публики.

Именно тогда, в эту встречу, он предложил мне стать следующим президентом России. Шутка, конечно. Но тем не менее эта шутка получила очень большой резонанс.

Потом наши отношения стали... ну, не то чтобы дружескими, но гораздо более близкими, чем прежде. Мы стали лучше понимать друг друга. Я был вместе с ним в Берлине, когда выводили войска. Там он вел себя ужасно. Об этом все знают. Мы с ним беседовали очень жестко, Ельцину не понравилось, что я позволяю себе делать ему замечания, но тем не менее он обиды не затаил. И через месяц мы с ним вместе были в Соединенных Штатах с официальным визитом, там тоже много общались.

Ельцин — тень Коржакова

Я видел, что Ельцин изменился. Он стал менее доступным. И хотя его характер вроде бы остался прежним, но тем не менее вокруг него образовался некий толстый слой из «допущенных к телу», сквозь который нельзя было пробиться и внутри которого главными чувствами были ревность, подозрительность и даже ненависть.

Причем эти чувства, естественно, были обращены только к тем, кто находился вне круга. А к тому, кто внутри (а внутри был только один человек!), были обращены совершенно другие чувства. Так было устроено это кольцо.

На самом деле ситуация, возникшая вокруг Ельцина, вполне обычная. Любой правитель, и особенно в России, — человек несчастный и одинокий. Его постоянно обдувает ледяной «ветер власти». В спокойные времена этот «ветер власти» приносит ощущение целесообразности. В сложные и кризисные времена — чувство безысходности. Это и делает человека власти одиноким. Несмотря на публичный образ жизни, властитель вынужден очень осторожно относиться к окружающим его людям.

Конечно, тут многое зависит и от характера, и от воспитания, и от генетических особенностей человека. Есть такие, кто, несмотря на то, что обречены на одиночество, смотрят на это трезво и пытаются оттянуть во времени, отдалить наступление этого периода. Есть и другие. Те, которые смирились. Они свыкаются с неизбежностью и просто плывут по течению.

Может быть, в Ельцине произошел какой-то надлом. Может быть, он начал слишком доверять людям, находившимся в непосредственной близости от него, и, сам того не осознавая, создал вокруг себя то самое кольцо.

А потом возникла привычка.

Коржаков, который был рядом с Ельциным постоянно, не был начальником охраны. Он был «образом жизни». Я думаю, что Ельцин начинал чувствовать недомогание, лишь только узнавал, что Коржакова нет рядом. Это так же, как в семьях, где отпраздновали золотую свадьбу. Там может уже не быть никакой любви: болезни, старость, что угодно еще, — но если одного из супругов нет рядом, второй ощущает дискомфорт.

Однако Ельцин по натуре бунтарь. От него можно ожидать чего угодно. Он способен разорвать любые отношения и послать кого угод-

но куда подальше. Что и произошло с «ближним кругом».

Это дорого ему стоило. Это стоило огромного количества энергии, выплеснутой на то, чтобы разорвать круг. Это очень тяжело, тем более для такого уже немолодого человека, как Ельцин.

И, кстати, бывает так, что отношения Ельцина с кем-то портятся, а позднее возвращаются к нормальным и даже доброжелательным. И со мной так было: не очень-то дружелюбно он со мной беседовал, когда я ему принес миллион подписей нижегородцев против войны в Чечне в 1996 году. Потом сказал: «Ну что же, я — президент России, может быть всякое...»

Ельцин-дедушка

Берет свое начало после выборов 1996 года. Ельцин очень тяжело заболел после выборов. Точнее, он заболел между первым и вторым турами, говорили, что у него были инфаркты, я точно не знаю. Но после выборов он окончательно отошел от дел, дал возможность Черномырдину сформировать правительство. Это было, наверное, самое слабое правительство за все годы работы Ельцина. Потом он его, правда, отправил в отставку, в марте 1997-го, и нас пригласил.

Я с ним очень активно общался где-то с марта по ноябрь 1997 года, несмотря на то что его состояние было не очень хорошее, хотя и улучшилось после операции. Он сильно меня поддерживал, хоть и чувствовалось, что для него это составляет массу таких... физических страданий. Ему было очень тяжело. Я постоянно видел его в сильном дискомфорте, у него болело сердце... или ему казалось, что сердце,

может, просто рана, я не знаю. Состояние его было иногда очень плохим. Так было в Стокгольме, когда мы с ним были там в декабре 1997-го, где он перепутал все на свете, говоря, что Германия, Япония и еще какие-то страны — ядерные державы. Люди пытались это списать на алкогольное опьянение. Я могу сказать, что нет, он уже не пил, и если немножко выпивал, то просто бокал красного вина.

То, что он очень много времени проводит в больнице, конечно, сказывается на стране. Когда пытаются на него свалить все социально-экономические проблемы страны, то это выглядит смешно. Конечно же Ельцин эти процессы вообще не контролирует, и вся ответственность лежит на правительстве, Государственной Думе и губернаторах. Я думаю, что для людей незашоренных это очевидно. С другой стороны, свято место пусто не бывает, и больной Ельцин — это сильный двор. И могущественный аппарат.

К сожалению, это сослужило плохую службу и самому Ельцину, и России. Потому что интриги и могущество кремлевских людей, в том числе не самых близких Ельцину, шли во вред. Многие кремлевские представители, например, искренне верили в то, что олигархический капитализм — это то, что нужно стране. На этом этапе. И Ельцин противостоять этой тенденции не мог в силу того, что у него просто не было сил. Бесконечные кадровые перестановки, чехарда — это тоже не в последнюю очередь связано с невозможностью по-настоящему работать с утра до вечера.

Тем не менее даже в состоянии Ельцин-дедушка, Ельцин-больной он играл и играет довольно серьезную роль в защите свобод. И в первую очередь свободы слова. По-моему, у

Ельцина в крови защита независимой прессы. Не знаю, откуда это взялось, он же был партийным боссом. И тем не менее, несмотря на то что пресса над ним издевалась и издевается до сих пор, все-таки это одно из своих достижений он пытается защищать до конца.

Думаю, что Ельцин-дедушка — это еще и ослабление в целом силовой составляющей государства. Дрязги, связанные с управляющим делами Кремля Бородиным, с историями о коррупции, отнюдь не мифическими... Всего этого могло не быть, если бы состояние президента было другим.

Ельцин после выборов — это в чистом виде «осень патриарха» и закат эпохи Ельцина. Конечно, Ельцин, как человек властолюбивый, не хочет мириться с тем, что его время уходит. А его время действительно уходит, и многие его пытаются из Кремля выжить.

Но я думаю, что досрочное исчезновение Ельцина из Кремля к успокоению не приведет, а приведет к еще большей конфронтации. Поэтому моя позиция такая: пусть он доработает свой срок, дальше уходит на пенсию, дай Бог ему здоровья, а следующим президентом будет тот, кого изберет народ, и не иначе.

То, что Ельцин-дедушка сильно не похож на Ельцина, которого я знал в 1990 году, — видно всем. Если тогда Ельцин был похож на Сильвестра Сталлоне или Арнольда Шварценеггера, когда стоял на танке в августе 1991-го, то сейчас он сильно напоминает члена политбюро брежневского созыва. Это и грустно, и, с другой стороны, это правда.

Я никаких претензий к Ельцину не имею. Нисколько на него не обижен. И считаю его глубоко одиноким и несчастным человеком. И хотя одиночество — удел всех русских и не-

русских царей, хотя несчастные руководители стран — это не какая-то редкость, тем не менее он сам приложил руку к этому своему состоянию. Уже хотя бы потому, что уволил тех людей, которые с ним многие годы работали вместе.

Березовский

Березовский — человек умный, по-своему талантливый, не всегда прозорливый и достаточно агрессивный. Иногда его захлестывают эмоции, которые потом ему же вредят.

Образ его, безусловно, демонизирован. Сильно, как у нас на Руси часто бывает. В свое время считали, что во всех смертных грехах виноват Чубайс. Было время, когда во всех кадровых перестановках и назначениях видели «руку Березовского». Он не бизнесмен. Он политик. Но политик необычный. Он теневой политик. Его конечно же интересует судьба верховной власти страны, и он пытается влиять на ее формирование. Но я думаю, что его звезда закатывается.

Хотя есть один рычаг, которым он будет пользоваться долго. Я имею в виду ОРТ.

На ОРТ Березовский является крупнейшим после государства акционером, хотя формально контрольный пакет акций принадлежит государству. Неформальные отношения с журналистами и с руководством ОРТ дают ему возможность сильно влиять на информационную политику. Особенно сильно было его влияние, когда работало наше правительство.

Фактически по его команде велась настоящая травля, что на самом деле сыграло с ним злую шутку. Он, как я уже говорил, приложил все усилия к тому, чтобы нас уволили, и тем самым расчистил путь коммунистам. Как раз

это и доказывает, что он все-таки не очень дальновидный человек.

Я не верю в его сверхбогатство. Я думаю, что он человек не бедный, но когда в «Форбсе» печатали список самых богатых людей в мире и вписывали туда Березовского, я думаю, что это было очень и очень большим преувеличением.

Ему принадлежит несколько, если можно так выразиться, экономических открытий. Одно из них связано с приватизацией. Открытие состоит в том, что не важно, кто владеет акциями, а важно, кто владеет управленцами. Компания может быть государственной, а фактически принадлежать Березовскому, если финансовый директор и президент компании кормятся из его рук.

Это «открытие» как раз и объясняет большое влияние Березовского на бизнес.

Влияние, я бы сказал, не в рамках закона об акционерных обществах, это влияние подкованное. Когда мне начинают доказывать преимущества государственной собственности, я всегда имею в виду «приватизацию по Березовскому». Собственность может быть формально государственной, но фактически ею всегда кто-то управляет. Как правило, государство при этом оказывается абсолютно ни при чем.

Во время скандала со Скуратовым было возбуждено уголовное дело против Березовского. По статье, связанной с финансовыми операциями, в частности, с фирмой «Андава», которая в свое время концентрировала на своих счетах доходы зарубежных представительств «Аэрофлота». История эта давно известна, была описана в прессе еще в 1997 году. Однако прокуратура почему-то посчитала необходимым возбудить дело за один день до выступления Скуратова в Госдуме. Все это гово-

рит о том, что прокуратура скорее исполняет политические функции, а не стоит на страже закона.

Я считаю, что Березовский правильно сделал, что вернулся в Россию, а не остался трусливо за границей. Я также считаю крайне важным то, что такая мера пресечения, как «взятие под стражу», не была применена. Дело в том, что если человек не является социально опасным, если он не убивал людей, то ограничение его свободы абсолютно ни к чему и имеет исключительно политические основания. Так что это неплохой симптом для российского бизнеса. Я все-таки надеюсь, что и следствие и суд будут достаточно объективными. Если Березовский преступления не совершал, то он должен быть на свободе. Даже если он не нравится Лужкову и коммунистам. Или еще кому-то.

У Бориса Абрамовича есть несколько удивительных особенностей. Он легко может находить контакт с людьми. И именно поэтому очень многие руководители республик, входящих в СНГ, имели с ним неплохие отношения. Он, на мой взгляд, был достаточно полезен на посту секретаря исполкома, потому что исключительно благодаря личным контактам мог влиять на сохранение СНГ как некоего единства. Особенно позитивна его роль в освобождении заложников. Здесь Березовскому нет равных. Говорить с полевыми командирами, в том числе и с террористами, считается не очень приличным в России. Да не только в России, а везде в мире. Березовский мог спокойно это делать, и это, конечно, отличает его практически от всех общественных деятелей, которых я знаю.

Тем не менее он совершил ряд ошибок. Главная — он боролся с наиболее квалифици-

рованным правительством и расчистил дорогу силам прошлого. Вторая его ошибка — он слишком пытался монополизировать свое влияние в Кремле, чем раздражал всех окружающих. И третья его ошибка состояла в том, что он постоянно пытался сочетать политику и бизнес. На самом деле это сочетание хотя и объяснимо, но абсолютно противоестественно.

Либо ты политик, либо ты бизнесмен. А если ты и то и другое, то это криминал. Рано или поздно.

Лужков

Жизнерадостный, непьющий человек. Осторожный политический деятель, который все время делает вид, что он — хозяйственник, главный строитель и чистильщик Москвы. Этот его образ, очень нужный для России, делает Лужкова выдающимся политиком на фоне многих других.

У Лужкова, на мой взгляд, бешеная энергия и работоспособность и незаурядный организаторский талант, позволяющий ему невероятно быстро решать массу московских проблем.

Политическое чутье у Лужкова тоже есть. Например, история со строительством храма Христа Спасителя очень показательна. Лужков решил строить храм, несмотря на всевозможные рогатки со стороны правительства и даже президента. Я тогда видел Лужкова как фанатично преданного этой идее человека. Это был человек, который за идею пройдет сквозь стены, сквозь огонь, воду и медные трубы. Пройдет — но сделает. На самом деле это была гигантская политическая идея. Потому что с возрождением храма Христа Спасителя, с его строительством будет ассоциироваться эпоха.

Я в этом уверен. Могут говорить и вспоминать о чем угодно плохом, но храм Христа Спасителя будет стоять вечно. И это — памятник Лужкову. Он это отлично знает. Причем это не такой памятник, как, скажем, Калининский проспект, который построил Хрущев. Или Дворец съездов. Этот памятник — настоящий.

Лужков, правда, на мой взгляд, сильно переоценивает административную роль в управлении городом. Хотя Москва — не город, а целая страна.

И вот почему. В Москву вкладывается огромное количество денег. Частных денег со всего мира. И Москва преобразуется, конечно, не только за счет мэрии. В гораздо большей, в несравненно большей степени — за счет частных вложений. Когда денег такое огромное количество, то они в конце концов начинают работать в созидательном направлении. В Москве 75 процентов всех денег России. Эти громадные деньги, которые сконцентрированы в Москве, совсем не обязательно находятся под контролем Лужкова. Они просто там находятся. И создают иллюзию, что ничего менять в управлении не надо. В этом смысле Лужкову, по большому счету, реформы не нужны. Реформы начинаются тогда, когда заканчиваются деньги. А у Лужкова деньги не заканчиваются. Поэтому вроде бы делать ничего не надо, и все будет прекрасно развиваться.

В этом смысле Лужков, конечно, находится в исключительном положении. Но думаю, что дополнительная его роль, в частности в строительстве дешевого жилья, огромна. И в благоустройстве Москвы в целом. И в создании у москвичей такого ощущения, которое было у них в эпоху застоя: ощущения, что везде вок-

руг плохо, а у них, в Москве, хорошо. Это тоже заслуга Лужкова.

Лужков неприятно меня поразило, когда я приехал в Москву. Во-первых, своей какой-то крайней мелочностью. История с моей пропиской очень показательна. Юрий Михайлович меня не любил, ему сильно не нравилось, что уровень доверия граждан ко мне был тогда процентов где-то пятьдесят. Он очень ревностно относится к любым успехам. В этом смысле он чистый политик. Но политики бывают мелочные, а бывают — нет. Например, Ельцин — не мелочный.

Второе, чем он меня поразило, это своим ожесточением по поводу коммунальной реформы. Он тогда так торжественно провозгласил, что в Москве тарифы на коммунальные услуги повышаться не будут. Так вот я как новоиспеченный москвич докладываю, что ровно через год после того, как он это провозгласил, тарифы увеличились в два раза. Чтоб мало не казалось. То есть чистое политиканство, отсутствие хозяйского отношения к городу. Имидж всезнающего хозяйственника оказался на поверку... имиджем, и не более того.

Когда я говорил, что надо следить за тарифами монополий в коммунальном хозяйстве и за тем, чтобы у каждой коммунальной службы не было своей пресс-службы и своего «Мерседеса», он пропускал это мимо ушей. А потом под воздействием монополий стал просто перекладывать на граждан всю тяжесть коммунальных расходов, увеличивая тарифы. Причем он делает это быстрее всех в стране. Но делает это тихо, не публично, просто присылает квитанции, где уже пересчитана плата за горячую воду, тепло и свет.

Третий момент — запредельная власть чиновничества Москвы. Запредельная! Могу ска-

зять, что мои родственники, которые бизнесом занимаются (не хочу их подводить, потому фамилии не называю), пытались сделать доброе дело для Москвы — гараж подземный построить. Но после бесчисленных походов по чиновникам и раздачи всяких подарков и взяток они сказали, что нет, они от этой идеи отказываются.

И это не единичный случай, это повсеместно.

В чем проблема? Лужков гордится, что у него все под контролем. Но это под контролем не у Лужкова, а у чиновничества. Конечно, оно кормится с этой собственности, будь то сдача в аренду магазинов или каких-то земельных участков. Конечно, это все создает благодатную почву для злоупотреблений.

Поразительно вот что: говорят о коррупции везде, кроме Москвы. Кто поверит, что в Москве нет коррупции? Никто. А почему нет дел о коррупции? Потому что здесь под пятой вся правоохранительная система. Вся. И суды зачастую тоже. Поэтому о коррупции при Лужкове мы узнаем только тогда, когда Лужкова не будет.

Дальше. Он сейчас создал свою партию в расчете на президентские выборы. В принципе, это партия власти, и она будет существовать ровно столько, сколько находится у власти Лужков. Демагогия о политическом центризме на самом деле отражает суть проблемы. Дело в том, что у партии власти нет идеологии. У нее есть интерес — остаться у власти. Она готова принять любую идеологию.

Именно поэтому Лужков пытался дружить с коммунистами, с Явлинским, хоть с чертом... Главная задача — сохранить власть. Оттого что это партия московской бюрократии и московского капитала, приближенного к Лужкову, ее

победа означает сохранение того же олигархического режима, только со сменой олигархов. Смена физиономии, больше ничего. Вместо Березовского и других придут новые. В этом смысле победа Лужкова в стране — продолжение курса Ельцина. Даже не Ельцина — у Ельцина нет курса, — а Черномырдина.

Что вызывает опасения, так это искренняя вера Лужкова во всемогущество, могущество и эффективность бюрократии. Особенно показательны его упражнения с двумя автомобильными заводами, ЗИЛом и АЗЛК. Они оба впадают в жалкое существование, спад производства по сравнению с 1990 годом — 90 (!) процентов. На ЗИЛе 250 тысяч машин производили тогда, сейчас производят, может быть, тысячу пятнадцать. То же самое АЗЛК. А зилковские «бычки» он приказывает муниципальным службам покупать насильно, дает деньги из бюджета.

Дело не в том, что он мало разбирается в экономике, это уж его проблема, но это идеологический абсурд. В мире нет муниципальных автозаводов. Потому что мировая практика показывает: чиновник, даже если он великий мэр, не способен управлять частным производством. Не может «бычок» быть конкурентным, если у него двигатель от трактора «Беларусь», если до девальвации его цена была 20 тысяч долларов. Не может автомобильный завод быть рентабельным, если на каждом «бычке» он теряет деньги и каждый дотируется из бюджета. Планово убыточных предприятий в рыночной экономике не существует, это прописная истина. Для Юрия Михайловича все это — открытие.

Конечно, его экономическая грамотность оставляет желать лучшего. Но есть еще одна проблема, это тоже для меня неприятное от-

крытие. Эта проблема состоит в том, что он не терпит сильных людей рядом с собой. Сейчас возле него я назову Ястржембского, он действительно человек, я считаю, талантливый и способный, хотя экономикой напрямую не занимается. Остальные все смотрят ему в рот, поддакивают, заискивают, лицемерят. Это очень плохо. Кстати, у Ельцина такой черты нет. Ельцин мог терпеть сильных людей рядом с собой, другое дело, он их потом увольнял. У Лужкова, правда, есть другой плюс: он держит слабых, но он их не сдает. Этим он отличается в лучшую сторону от многих.

Если Лужков окажется на вершине власти, у России возникнут проблемы. Он же привык править в условиях относительного финансового благополучия. Хотя у него ситуация, может быть, не самая безоблачная, тем не менее бюджетная обеспеченность, то есть количество денег на одного жителя, в четыре раза выше, чем по стране. Как говорит нынешний губернатор Нижегородской области, с деньгами любой дурак сможет, а ты попробуй без денег. Управление Россией и управление Москвой — это просто небо и земля. И отсутствие навыков управления в условиях денежного дефицита — это большая опасность для страны.

Лукашенко

Лукашенко — человек талантливый, достаточно экзальтированный. Некоторые даже считают, что у него в связи с этим не все в порядке со здоровьем. Циничный и неискренний. Хотя на экранах телевизоров выглядит искренним и обаятельным человеком. Это как раз и свидетельствует о таланте. Не верю в его искренность, когда он говорит о братстве славянских народов. Не верю в его искренность,

когда он говорит об экономической интеграции. Убежден, что самая главная мысль, которая его гложет и днем и ночью: как стать царем всея Руси. И для него эксплуатация в общем-то очень близкого двум нашим народам тезиса об объединении — это просто возможность занять Кремль. Я думаю, что ему это не удастся, главными его оппонентами, как ни странно, будут коммунисты. И Лужков. Потому что он — их конкурент.

Татьяна Дьяченко

Татьяна Дьяченко — это Ельцин в юбке.

На вид она довольно мягкий, обходительный человек, но для нее политическая целесообразность важнее человеческих отношений.

У нее нет каких-то запредельных политических амбиций, я в это не верю, не верю в то, что она хочет стать самостоятельной политической фигурой. Она, по-моему, хочет, чтобы время правления Ельцина не осталось в истории как мрачное время. То есть она руководствуется какими-то, я считаю, позитивными побуждениями. Но ведет себя как очень прагматичный политик, пусть и не публичный. И для нее личностные отношения особого значения не имеют.

Как женщина она безусловно внушаема, и существовали даже специально разработанные некоторыми олигархами проекты психологического на нее воздействия. Некоторым людям она верит безгранично, некоторым — с определенными оговорками. А некоторым — в том числе и достойным — не верит вообще. И вот это разделение на самых приближенных, приближенных с оговорками и совсем не приближенных активно использовалось людьми, в том числе и алчными.

Про нее пишется масса статей насчет ее коррумпированности, насчет того, что у нее собственность, и так далее, и тому подобное. Я просто не знаю об этом. И никогда, честно говоря, не пытался узнать, потому что меня это мало интересовало. Я могу сказать только одно по этому поводу: было бы безусловным идиотизмом — даже не глупостью, а идиотизмом, — если бы она такие вещи делала. Потому что это не просто бросает тень на ее отца, а делает невозможным наведение порядка в стране. Поведение дочери президента должно быть кристально безупречным.

Если выяснится когда-нибудь, что дочь коррумпированна, то требовать наведения порядка в стране — просто глупость. Потому что если власть и приближенные к ней люди на самом верху что-то себе позволяют, то это стопроцентная гарантия гнилости всего общества.

Явлинский

Познакомились мы с ним при довольно интересных обстоятельствах. В 1990 году, летом, когда еще не было Верховного Совета России, когда еще только готовилась никому не известная программа «500 дней», — вот тогда мы с ним совершенно случайно встретились в Архангельском. Обсуждали земельную реформу. Было много и других вещей, связанных с деталями программы «500 дней», со стратегией приватизации, демонополизации рынка, отпуска цен, создания открытой экономики и так далее. Люди быстро все забывают! Сейчас все эти вещи кажутся привычными, а в 1990 году они казались новыми, революционными и общественно непризнанными.

Мы тогда очень долго говорили, несколько

часов. Потом я познакомился и с членами его команды — с Таней Ярыгиной, Мишей Задорновым, с другими. Потом, когда было сформировано правительство России, он довольно непродолжительное время работал в качестве вице-преьера, и мы с ним общались редко. Но все-таки встречи бывали. Общались, в частности, и по поводу осуществления программы «500 дней». Программа, кстати, формально была принята российским Верховным Советом. Но тогдашнее правительство Силаева не хотело и не могло ее осуществить, а Горбачев просто от нее отказался.

Мы с ним даже однажды кадровый вопрос обсуждали. В частности — назначение министра сельского хозяйства, поскольку я в комитете по законодательству занимался проблемами земельной реформы. И тогда был назначен Виктор Николаевич Хлыстун. Очень даже неплохой министр.

Потом Явлинский ушел в отставку. Это была первая отставка в постсоветской истории. И потом мы достаточно активно просто встречались, у него было свободное время. Были довольно драматические моменты. Например, в 1991 году, когда действовал Межреспубликанский экономический комитет. Тогда СССР еще формально существовал, но правительства уже не было: Павлов был за решеткой, весь кабинет был разогнан, Горбачев реальной власти не имел. Вот тогда, осенью 1991 года, непродолжительное время существовал этот Межреспубликанский экономический комитет, и тогда Явлинским было подготовлено соглашение об экономическом сотрудничестве.

То ли в Алма-Ате, то ли где-то еще, не помню, это соглашение было подписано главами десяти республик. Еще до развала СССР, еще до СНГ — об этом сейчас мало кто знает.

Явлинский был тогда абсолютно поглощен этой идеей — идеей создания банковского союза, единого платежного союза. Убеждал меня в том, что одобрение этого соглашения сохранит государство как единое целое. Мне же казалось, что эта идея неосуществима. Я обращался к нему как губернатор или как представитель президента, чтобы он помог нам в приобретении десяти автобусов, потому что тогда был парализован транспорт. Деятельность комитета тогда курировал Аркадий Иванович Вольский.

Автобусов нам не дали, потому что там не было никаких денег. Но тогда же, в конце 1991-го, мы договорились, что если реализуется деятельность комитета, то мы будем сотрудничать уже в рамках региональных программ.

И более плотно мы работали с Явлинским в 1992 году, когда он жил в Нижнем вместе с целой бригадой из 25 человек. Они жили здесь 100 дней.

Он первым заговорил о возможности проведения региональной политики в России. Сейчас кажется банальным тот факт, что Нижегородская область сильно отличается, скажем, от Кировской. Или от Ульяновской. А тогда заявление о том, что российские земли, или регионы, могут самостоятельно проводить экономическую политику, в рамках, естественно, российского государства и безграничного российского рынка, без всяких границ и прочих глупостей, — тогда сама эта идея казалась мыслью на грани нормального и ненормального. Синдром сверхцентрализованного государства, где все решения принимаются в одной точке, этот синдром генетически сидел в начальниках всех рангов. И самых больших, и самых маленьких. Все с интересом смотрели на самого главного начальни-

ка и ждали команды. Уже не желая эту команду выполнять. Но все равно ждали — по привычке.

Явлинский первым произнес фразу (и, кстати, в «Нижегородском прологе» она получила свое развитие) о том, что должны быть четко разделены полномочия между центром и субъектами федерации. О том, что можно достаточно самостоятельно на уровне региона проводить четкий и ясный экономический курс. Курс, который не может привести к процветанию, когда вокруг все плохо, но может облегчить тяготы перехода к новой экономике. Рыночной экономике.

Возможно, все эти идеи возникли у Явлинского как раз в связи с его работой у нас. У меня сложилось впечатление, что, когда он и его команда ехали к нам, у них не было четкого представления о том, чем они могут помочь Нижегородской области. То, что случилось, — плод непосредственной работы на месте. Не реализация каких-то тайных замыслов, которые были сформулированы еще в Москве, а решение чисто практических нижегородских задач. Явлинский мог здесь продемонстрировать, на что он способен.

Я не хочу идеализировать нижегородскую деятельность Явлинского или преувеличивать ее значение. Это была повседневная рутинная работа, и времени было немного, и, может быть, не так уж много удалось сделать. После отъезда команды Явлинского мы продолжали работать и придумали еще массу интересных и новых вещей. Но тем не менее то, что было сделано здесь Явлинским, потом получило распространение во всей России, и сегодня это — общеизвестные вещи. Например, региональные займы, которые теперь есть везде. У нас же появились новые варианты — жи-

лищные, телефонные, экологические, энергетические займы как естественное продолжение тех самых «немцовок», или «явлинок», 1992 года.

Кстати, особого стремления заниматься политикой я тогда у Явлинского не заметил. По-настоящему желание или, скорее, внимание к политике возникло у него, по-моему, в сентябре—октябре 1993 года. Во время штурма Верховного Совета. И, кстати говоря, уничтожения его офиса. Впрочем, это только мои догадки.

А политика обладает одним известным свойством. По расхожему мнению, политика — грязное дело. На самом деле политика такая, какой человек, который занимается политикой. Если это грязные люди — естественно, их политика тоже грязная. Но если политикой занимаются люди, генетически, изначально порядочные, если у них есть иммунитет ко всяким гадостям, то они могут заниматься вполне чистым делом. Не примешивая к нему свои какие-то корыстные интересы. Конечно, все политики — люди честолюбивые, и в этом ничего плохого нет. Главное, чтобы за их действиями не скрывалось какой-то страшной тайны, не было каких-то замыслов, от которых будут страдать люди.

Явлинского можно принимать или не принимать. Но я могу сказать точно, что никаких таких замыслов, страшных, тайных и корыстных, у него никогда не было, нет и не будет.

Политика затягивает. Затягивает довольно сильно, почти как наркотик. Особенно в России. Поскольку в России политика — дело опасное и азартное, то многие люди, как мужчины, так и женщины, начав этим заниматься, уже просто не могут оторваться. И тогда, если исходить из этого посыла, дальнейшие

действия Явлинского становятся более понятными. Его участие в следующих парламентских выборах, в президентских выборах или, допустим, понимание, что работа на региональном уровне — это уже пройденный этап, объясняет его поведение.

Хотя я, например, придерживаюсь другой точки зрения. Той, что действовать надо наверняка. Если заведомо знаешь, что партия проигрывает, лучше ее не начинать.

Могу сказать одно: если бы случилось чудо и Явлинский стал президентом или премьер-министром, для России это было бы неплохо. Несмотря на минусы, которые у него есть. Это было бы хорошо потому, что у руля появился бы экономически грамотный человек, который не может принять никакого безумного решения, влекущего за собой страдания миллионов россиян. Не может не из какого-то особого человеколюбия, а просто потому, что знает объективные законы экономики и никогда не пойдет против течения. Трагедии возникают тогда, когда люди идут против законов мироздания.

Но чуда не произошло.

Не очень понятно было, зачем он сам себя истязал на президентских выборах 1996 года. Дело в том, что если у человека очень долго не осуществляются его мечты или конкретные желания, то он становится непризнанным гением и симпатий у людей не вызывает. В России слабых не любят! Россия — жестокая страна, и Явлинский — один из немногих российских политиков, кто это ощущает в полной мере.

У Явлинского есть несколько проблем. Первая состоит в том, что он «недоговороспособный». Не может политика делаться без договоренностей. И невозможно что-нибудь сделать,

оставаясь в гордом одиночестве. Вторая его проблема в том, что он постоянно оппонирует власти и боится за что-либо отвечать. Единственная для него возможность уйти от этого образа (а этот образ складывается сейчас довольно активно) — все-таки согласиться занять какую-то должность. Может быть, даже должность премьер-министра. И заняться реальным делом. Если он этого не сделает, то... у людей возникает естественный вопрос: говорит-то он все хорошо, но каким он будет работником, мы не знаем. А почему мы должны ему на слово верить? Меня, честно говоря, не то чтобы удивило, а показалось странным вот что: когда я пришел работать в правительство, то буквально через два дня после переезда в Москву предложил ему идти работать со мной вместе со своей командой. Он отказался. Хотя ответственно могу заявить, что, если бы он тогда согласился, у него были бы очень большие возможности для конкретной реализации собственных программ.

Причем могла быть перспектива стать премьером. Что касается президентских амбиций, то, согласно законам политического жанра, он должен постоянно заявлять о том, что будет следующим президентом. Это консолидирует его движение и делает осязаемой цель. Но будет он президентом или нет, пожалуй, вопрос риторический. Шансов мало, он все время то третий, то четвертый.

Его альянс с Лужковым, о котором так много говорили, хотя политически и понятен, по сути недолговечен. Дело в том, что Явлинский, в отличие от Лужкова, человек либеральных взглядов. Поэтому даже если будет некий тандем Лужков-президент и Явлинский-премьер, то он продержится очень недолго. В силу того, что Григорий Алексеевич имеет сильно

отличные от Лужкова взгляды на Россию, взгляды на жизнь и другое воспитание. Поэтому с точки зрения каких-то кулуарных договоренностей это, может быть, и перспективно, но с точки зрения совместной работы это практически невозможно.

Чубайс

Чубайс — один из самых талантливых политиков России.

Я не собираюсь давать положительную или отрицательную оценку его деятельности и ее последствиям. Но то, что Чубайс в огромной стране, благодаря своему аппаратному таланту, сумел реализовать беспрецедентную программу приватизации, то, что он осуществил эту программу, несмотря на все нападки, — это, я думаю, шаг, не имеющий аналогов во всей российской истории последних лет.

Говорили о преобразованиях все кто угодно. Начинали преобразования очень многие. Но никто, кроме Чубайса, не может сказать, что начал и завершил это дело (пусть не в полном объеме, а лишь в той части, в которой обещал).

У приватизации, как у любого большого дела, есть и положительные, и отрицательные стороны. С отрицательными, особенно в крупной индустрии, мы уже столкнулись. И конечно, если бы была возможность растянуть этот процесс на длительное время, ни Чубайс, ни Гайдар и никто иной не стали бы пренебрегать качеством ради количества. По-моему, Чубайс понимает, что издержки приватизации достаточно велики. Единственное, что может его оправдать (не перед обществом, а перед самим собой), это то, что, как ему казалось, у него очень мало времени.

Чубайс уникален тем, что, занимаясь этой темой, он не оказался до конца проклятым. В этом его ум. Все реформаторы Восточной Европы, кто занимался приватизацией, — все они сейчас изгой. Все выброшены из списков политиков, общественных деятелей. А Чубайс остался.

Почему это ему удалось?

Потому, мне кажется, что он человек неподкупный.

Вообще я думаю, что коррумпированность во многом связана с серостью начальства. «Серый» начальник постоянно думает о том, как он будет жить «после того». И поэтому всеми силами (и средствами!) старается обеспечить себе будущее. А человек способный и талантливый гораздо меньше озабочен этим самым будущим, потому что уверен в себе и в своих возможностях заработать честные деньги.

Кстати, за недолгое время своей отставки Чубайс заработал много денег. Я не вижу в этом ничего страшного. Особенно приятно мне то, что он заплатил все налоги. Полностью. Его примеру, думаю, должны последовать все, начиная с чиновников и депутатов и заканчивая банкирами и частными предпринимателями. Такого страшного бюджетного кризиса, который случился сейчас с Россией, не произошло бы, если бы все поступали так же открыто, если бы платили налоги.

У него масса врагов. Его очень не любят. Однажды Ельцин мне сказал, что Чубайс — хороший человек, умный, способный, но во многих деревнях облезлых котов называют Чубайсами. И потому, продолжил Ельцин, он не может дольше сохранять Чубайса на этом посту.

Естественно, что козлом отпущения должен быть главный приватизатор страны. А кто же еще? Чубайс это тоже знал. Знал заранее. В этом смысле он похож на революционера, который знает, что погибнет, но занимается тем, во что очень верит.

Но сейчас я хотел бы сказать о другом. Чубайс был изгнан из правительства. И, как все предыдущие «изгнанники», мог бы очень сильно обидеться на президента и затаить на него злобу. Но, как человек незаурядный и немелочный, обиды на президента не держал, чему свидетельство — огромная роль Чубайса в предвыборной кампании 1996 года.

Еще одна его особенность, которую я заметил недавно, — умение ясно, прозрачно и публично добиваться своих целей. Он не боится говорить вслух то, что кому-то не нравится. Похоже, что он действительно — бесстрашный. Редкое качество. Я очень уважаю людей, которые могут противостоять большой, иногда темной силе. По-моему, Чубайс на это способен.

На Чубайса можно положиться. Он меня ни разу не подводил, когда я был в Москве. Ни разу не было с его стороны чего-то такого непорядочного, что могло бы меня переубедить в этом. Знаю, насколько непопулярна моя точка зрения, но я говорю сущую правду. Чубайс просто мой товарищ, и как бы негативно к нему ни относилось общество, я считаю для себя абсолютно невыносимым и подлым ради какой-то политической перспективы отказываться от дружбы с ним.

Ему так надоело быть козлом отпущения, так надоело за все отвечать, что он ушел в бизнес и занимается важнейшей для страны работой, а именно энергетикой. Думаю, что у одного из лучших администраторов страны это

может получиться. Если его не будут отвлекать на всякие политические игры. Если его не будут постоянно втягивать в политическую деятельность и кремлевские посиделки.

Солженицын

Я с ним довольно долго говорил — один раз. Хотя встречались больше. Мы обсуждали тему земельного вопроса в России и тему земства. Та и другая темы близки Александру Исаевичу. И мы нашли общий язык по многим проблемам. Меня поразило не это, меня поразило юношеский задор Солженицына. И его эмоциональность и восторженность. Вот это фантастика. По-моему, хоть у него и своя система ценностей, и свои представления, в том числе о современной России, он может слушать мнения, которые с его мнением не совпадают.

Мне было не по себе, когда он отказался от награды, которую ему давал Ельцин. В принципе, он имел право так сделать, но... Мне кажется, что здесь, пожалуй, больше было бравады, а не какого-то осознанного решения. Ему давали орден «За заслуги перед Отечеством», он отказался. Как-то не очень это выглядело... солидно. Может быть, просто тем самым он хотел выразить свой протест. Хотя, мне кажется, сейчас есть масса иных способов это сделать.

Самое смешное, что этот отказ происходил в Театре на Таганке, где был Любимов, но были и некоторые деятели, которые в свое время травили Солженицына. Они были в зале. И Солженицын вполне искренне отказывался, по крайней мере, говорил искренне. А те люди, которые его травили, стояли в зале и, наверное, про себя злорадствовали...

Кириенко

Кириенко — человек-компьютер. Просчитывающий, довольно неплохо, различные варианты развития событий. И потому он был неплохим бизнесменом.

Очень ориентирован на свое собственное место в истории.

Внутренне комфортный. Он почему интересуется, например, Японией — японской борьбой, вообще японским искусством? Потому что для него внутренний комфорт имеет какую-то самоценность. Не способен к громкогласному выяснению отношений, пытается все время найти золотую середину, отыгрывая то, что ему нужно, но как-то очень... исподволь.

Этим, кстати, он раздражает очень многих людей. Потому что для людей неглупых позиция прямая, пусть даже не сильная, лучше, чем такая... мягкая, но — с известным концом.

Есть люди, ему очень преданные. Их немного, тех, кто идет с ним по жизни. Но он — и в этом как раз его определение «человек-компьютер» содержится — не теряет времени на общение с людьми, которые ему сегодня не нужны. Это плохо, я считаю. Это на самом деле ему вредит, потому что в политике ценятся «теплые» люди. Люди, от которых исходят позитивные импульсы, а не только холодный расчет. Он идеологически безусловно правильный, с ним можно иметь дело, и я с ним имею дело, но вот этот холод, который идет от «компьютера», все равно для многих людей очень непонятен. Может быть, как раз это и есть то, что называется «самыми молодыми реформаторами»? И дело даже не в возрасте.

Я его знал как бизнесмена, он, безусловно, был одним из лучших в губернии. Как политик он, наверное... слишком гибкий. Я понимаю,

что есть политическая конъюнктура, что есть желание найти политический компромисс, но я как раз (может быть, я и ошибаюсь) ценю в людях четкую и ясную позицию. Когда позиция слишком гибкая, не знаешь, чего ждать от человека. Неясность, непредсказуемость — это, в общем, плохо для сотрудничества.

Идеологически, я думаю, наши с ним взгляды очень и очень близки. Но здесь проблема не идеологии, а чисто человеческая проблема.

Он политикой занялся по мере надобности. Коль скоро такая задача возникла, он ее стал решать. Но то, что я сказал про него — чрезмерная расчетливость и чрезмерная гибкость, — это свойство характера и вряд ли уже изменится.

Я знаю его, наверное, лучше, чем все в Москве. Тем не менее, несмотря на то, что есть вот такие особенности — я даже их недостатками не называю, просто особенности, — считаю, что с ним можно сотрудничать. Потому что те идеи, которые в социальной сфере и экономике им высказываются, принесут пользу стране, если будут реализованы.

Вяхирев

Рэм Вяхирев — главный олигарх страны. Хотя об этом, может быть, мало кто догадывается. Человек жесткий. Защищающий в первую очередь свои собственные интересы. Во вторую очередь — компании, которой он руководит. И защищает свои интересы всеми возможными средствами. Поскольку компания самая могущественная — не только у нас в стране, но и в мире, — человек, сильно влияющий на политические процессы в стране. Владеющий огромным количеством средств массовой ин-

формации, включая НТВ, сотнями газет... то есть абсолютно интегрированный в политический процесс. В чистом виде олигарх — владеет гигантской монополией, одновременно влияет на политику. Причем и на Кремль, и на Белый дом, и на Думу. Я многократно в этом убеждался.

Интересы «Газпрома» Вяхирев ставит выше интересов России. Но если ты владелец, например, киоска — ты можешь ставить интересы киоска выше интересов страны? Этого никто не заметит, скажут, что у тебя не все дома. А если ты фактически владелец «Газпрома» и ставишь свои интересы выше интересов страны, то этим наносишь ей гигантский вред. Считаю, что возрождение страны наступит тогда, когда на место Вяхирева придет человек, который думает прямо наоборот. Что сначала — Россия, а потом — «Газпром». Это, кстати, к вопросу о мирной кадровой революции — ее надо с «Газпрома» начинать.

Я на него не обижаюсь, считаю, что он стоит на страже своих собственных интересов и интересов компании, а государство должно стоять на защите интересов государства, и конфликт неизбежен. Другое дело, что, пока монополии будут руководить Россией, ничего хорошего от власти не жди.

У нас с ним было несколько конфликтов.

Первый эпизод — когда заставил его платить налоги в бюджет. Это была жестокая схватка, и он сдался. Просто испугался, что мы его уволим. Тогда у нас была сильная поддержка Ельцина, и Черномырдин не мог бы его защитить. Поэтому он сдался. Но — затаился. Человек маленький, злопамятный.

Вторая схватка была по поводу трастового договора. Смысл в том, что они еще в 1994 году вместе с Сосковцом, который был вице-

премьером, подписали трастовый договор, по которому Вяхиреву переходило 35 процентов акций — на то время это было 20 миллиардов долларов по номинальной цене. Он, как председатель правления, от имени «Газпрома» голосовал этими акциями. То есть фактически компания за бесценок отдавала собственность в 20 миллиардов долларов. По цене, в шесть тысяч раз ниже рыночной. Я подчеркиваю — в шесть тысяч раз ниже!

Когда я это обнаружил, то сказал, что это грабеж страны. Настоящий грабеж. Показал этот трастовый договор Ельцину — ездил к нему специально в Сочи в мае 1997-го. Ельцин написал тогда незабываемую резолюцию: «это грабеж, изменить». Изменили договор, они его девять месяцев не подписывали с Черномырдиным, препятствовали этому подписанию. Потом Вяхирев с Черномырдиным летали во Вьетнам, это было в декабре 1997 года, и там договорились Немцова уволить. Кстати, лишение меня полномочий произошло именно тогда. Потому что уволить Черномырдин меня не осмелился, испугался Ельцина. Но лишить полномочий мог. Что и сделал. Ельцин слабый был уже тогда, болел постоянно.

Но тем не менее все-таки удалось изменить трастовый договор. Мы спасли тогда «Газпром» от продажи за бесценок.

Было это в Стокгольме, во время официального визита Ельцина. Во Дворе короля Карла Густава IV была церемония встречи — по шведскому протоколу, которому 700 лет. Идут король с королевой Сильвией и принцессой Викторией, очень красивые, — и идут Ельцин с Наиной Иосифовной. Они шли и здоровались. А мы построились по росту — первым стоял я, последним — Вяхирев. Российская делегация. Ельцин, когда со мной здоровался,

спросил: «Вяхирев договор-то не подписал?» Я сказал: «Нет». — «Сейчас мы с ним разберемся». Дошел до Вяхирева, взял его за руку и, здороваясь, сказал: «Если не подпишешь договор — уволю». И все это — когда король с королевой и принцессой уже прошли. Потом они видят, что Ельцин возвращается, для них это — полная дикость, сотни журналистов со всего мира не могли понять, что ж такое происходит...

Вяхирев тогда сказал мне: «Я тебе никогда этого не забуду». Тем не менее договор был подписан, потому что Ельцина послушаться он боялся. Потом Вяхирев, правда, довольно сильно обнаглел, уже в 1998 году, в июле, когда «Газпром» не хотел платить налоги. Была тоже сцена, когда Ельцин вызвал Вяхирева в Кремль. Сказал ему: платить! Он заплатил в июле 400 миллионов. А в августе нас уже уволили...

В принципе, Вяхирев почувствовал себя хозяином России, и это чувство не покидает его до сих пор. Сейчас он активно занимается формированием своего депутатского корпуса в Госдуму, причем, в отличие от других, он не партии поддерживает, а кандидатов по одномандатным округам. Тратит на это огромные деньги. Благо налоги полностью платить никто не требует.

Несмотря на сложные отношения с Вяхиревым, я всегда защищал «Газпром» на международных рынках. Всегда. Будь то участие «Газпрома» в иранских месторождениях — тогда американцы были сильно против — или проталкивание газпромовских проектов на Западе. В Италии, в Германии. В Китае — на Востоке. Потому что считал и считаю, что главная внешнеполитическая задача — это продвижение российских компаний на международных

рынках. Моя общая концепция такая: «Газпром» должен быть под жестким государственным контролем и контролем потребителей на внутреннем рынке и должен пользоваться безусловной поддержкой во всех своих внешних делах.

Но еще раз хочу сказать, что «Газпром» — это империя и управляется она «совково».

Иоанн Павел II

Я с ним общался четыре раза. Последний раз во время войны в Югославии, когда мы вместе с Гайдаром и Федоровым ездили в Рим. Папа Римский — человек уникальный. Поляк по происхождению, он говорит на пятнадцати языках мира. В том числе и на русском. Тогда Папа очень высоко оценил нашу инициативу. А инициатива состояла в том, чтобы он вместе с патриархом Московским и Всея Руси Алексием и патриархом Сербским Павлом обратились к Клинтону, Милошевичу и лидерам стран НАТО и других государств с предложением объявить пасхальное перемирие. Он действительно это сделал. Хотя на Клинтона это не подействовало. Бог ему судья.

Я считаю, что Папа — человек мудрый и играет большую роль в мире. Хотя его роль преувеличивать тоже нельзя. Потому что западные страны религиозны ровно в той степени, в какой это не мешает бизнесу и большой политике.

Примаков

Один из лучших представителей партийно-советской номенклатуры. Образованный, искусный в аппаратных интригах, остроумный и веселый в компании. Слывет знатоком анек-

дотов и постоянно пополняет свою коллекцию этого демократичнейшего жанра.

Верующий во всемогущие спецслужб. И в бюрократию как таковую.

Кстати, именно эта вера его и сгубила. Когда он пришел на должность премьер-министра, то имел гигантскую поддержку Государственной Думы. Пользуясь этой поддержкой, Примаков мог бы сформировать правительство из людей новых, прогрессивно мыслящих и ориентированных на перспективу. Но предпочел пригласить совсем других людей — тех, с кем он работал во времена Горбачева. Маслюкова, который возглавлял Госплан СССР. Герщенко, который возглавлял Центральный банк СССР. Кулика, который был в Министерстве сельского хозяйства СССР. И так далее.

Эта невероятная тяга к прошлому, с одной стороны, привлекала к нему многих людей и обеспечивала ему беспрецедентную популярность среди населения, с другой стороны — погубила его как премьера. Потому что идти постоянно затылком вперед не получится, невзирая ни на какую осторожность, искушенность и всенародную поддержку. Рано или поздно все равно споткнешься и упадешь.

К чести Примакова надо сказать, что он не стремился стать премьер-министром. Это не было ни позой, ни кокетством. Он действительно считал себя в МИДе на своем месте. Ельцину пришлось довольно долго уговаривать его дать согласие.

Премьер-министром Примаков работал недолго. Однако за этот небольшой срок успел пережить два периода. Первый — советско-романтический. Начался он с тесных контактов премьера с его приятелями: советскими академиками, которые предложили ему рецепт спа-

сения экономики России. Рецепт простой и абсолютно убийственный для страны: чтобы ликвидировать неплатежи и наполнить бюджет, следует напечатать деньги и всем их раздать. Рекомендация академиков Богомолова, Петракова, Абалкина. Только Аганбегян не подписал.

Примаков с этими теоретиками дружил. Но их совета все же не послушался. Что его очень хорошо характеризует. Более того: он понял, что подобные рекомендации могут очень скоро просто разрушить страну. Окончательно. И тогда он покончил с собственным романтическим периодом (произошло это в декабре 1998 года) и вступил во вторую стадию своего премьерства.

Вторая стадия называется примерно так: «не навреди». Он уже знал, чего делать нельзя, но еще не знал, что делать нужно.

Это состояние продлилось вплоть до самой отставки Примакова. Нельзя сказать, что премьер и его кабинет что-то реальное сделали за это время. Но позиция «не навреди» благотворно сказалась на экономике страны. Рост производства действительно начался, это правда, но Примаков не имеет к этому никакого отношения. Причины в том, что на мировом рынке выросли цены на российские товары (на самый популярный товар, нефть, — в два раза). А поскольку после девальвации рубль упал в четыре раза, то рублевая выручка наших компаний увеличилась в восемь раз. В страну потекли доллары, почти по два миллиарда в месяц.

Приток валюты обеспечил стабилизацию рубля, а девальвация — рост экспорта. Зарубежных товаров на российском рынке стало меньше, и отечественные производители моментально заняли опустевшие ниши.

Ясно, что тут обошлось без Примакова. Поэтому избранная им политика «не навреди» явилась его главным достижением.

Наблюдателей поражал высокий рейтинг доверия Примакову. Пытались по-разному это объяснить. Мое объяснение такое: Примаков обладает редким даром политического гипноза. Его неторопливая манера говорить, очень низкий, внушающий доверие голос, основательный внешний вид создавали у многих людей ощущение уверенности, предсказуемости, чувства, что «этот человек знает, что делает».

Подобным даром не обладал никто из предшественников Примакова. Ни Гайдар, ни Кириенко, ни Черномырдин — никто. И Степашин, кстати, тоже. Это говорит о том, что повторить феномен Примакова будет трудно. Так же трудно, как и поверить, что за столь внушительным премьер-министром, как Примаков, стоит столь слабое правительство, не способное ни на какие содержательные вещи. Правительство, которое унижалось перед США и Европой, выпрашивая гуманитарную помощь, в то время как НАТО бомбило Югославию. Правительство, которое постоянно шло на уступки МВФ, соглашаясь повышать цены на бензин и водку. Правительство, которое за все время своей работы не приняло ни одного экономически грамотного решения.

Я был против отставки Примакова. Я считал, что можно было использовать колоссальную поддержку Примакова Думой, чтобы провести нужные законы.

И вообще, отставка политика с рейтингом выше 50 процентов была бы невозможна ни в одной стране с развитой демократией. Это было бы делом просто невероятным. Шокирующим.

Меня известие об отставке Примакова за-

стало в Сыктывкаре. Мы там сразу же провели экспресс-опрос. Восемьдесят процентов опрошенных были против этого решения.

Но Ельцин, как всегда, решил по-своему. Он «поиграл» на голосовании по импичменту. Кремлевские психологи верно просчитали, что отставка Примакова не мобилизует, а, наоборот, разоружит депутатов. Примаков пал жертвой стечения обстоятельств.

И, кроме того, он слишком тесно увязывал себя с людьми никчемными, бесталанными, бесперспективными, но составляющими большинство в Думе. Не сумел преодолеть себя и сформировать деятельное правительство. Правительство Примакова состояло из обветшавших динозавров и никаких оптимистических надежд не внушало.

Сегодня шансы Примакова вновь войти в политику и занять в ней достойное место невероятно высоки. Думаю, когда книжка выйдет в свет, Евгений Максимович уже примет решение об участии в парламентских выборах.

Если он сделает это в паре с Лужковым, то этот тандем наберет голосов больше, чем коммунисты, и Примаков получит возможность стать председателем Государственной Думы. И остаться им, если Лужков пойдет на президентские выборы. А если Лужков сойдет с дистанции под ударами серьезного компромата, Примаков может сам поучаствовать в президентской гонке.

Степашин

Мое знакомство со Степашиным произошло еще в 1990 году. Он был депутатом Верховного Совета от Ленинграда и состоял в той же фракции, что и я: «правый центр». Потом судьба его сильно мотала по российскому по-

литическому Олимпу. Он то исчезал, то появлялся в каких-то новых должностях, порой весьма скромных. Потом он оказался министром юстиции, потом возглавил МВД, потом — ФСБ... Думаю, Степашин чемпион по количеству занимаемых должностей. Не знаю ни одного человека, который обладал бы столь же высокой степенью политической выживаемости. Ну, разве что еще Чубайс.

О чем это говорит? Об истинном таланте компромисса, которым обладает Сергей Вадимович.

Его перспективы? Если он сделает выбор, если он получит политическую поддержку центристов и правоцентристских партий, то будет иметь шанс стать Президентом России.

Если этого не произойдет, то ему придется зависеть от настроения «семьи». Чуть только «семья» будет против — шансов у него не станет.

Сергей Вадимович — единственный (после Примакова) выбор Ельцина, который не вызвал возражений нигде. Ни в Думе, ни среди губернаторов. Ни среди людей вообще.

Он человек честолюбивый, самолюбивый. Удержался бы он на своем премьерском посту — получил бы огромный шанс выиграть на выборах президента в 2000 году. Но Ельцин решил иначе — уволил ни за что ни про что. Степашин проработал на посту премьера меньше трех месяцев. А, между прочим, Степашин человек, который и в 1991, и в 1993 годах, и во время выборов, и во время войны в Чечне был бесконечно ему предан.

Уволил Степашина, который спас страну от банкротства, договорившись с МВФ, сохранил экономический рост и укрепил позицию государства в части, касающейся сбора налогов.

Тем не менее, политическая карьера Степашина возглавит предвыборный блок правоцентристских сил. Он получит шанс продолжить свою политическую карьеру не только в качестве парламентария, но и в качестве кандидата в Президенты России.

Главным конкурентом Степашина в случае его участия в президентских выборах будет Лужков. И тогда борьба будет не на жизнь, а на смерть. Гораздо более ожесточенная, чем между Ельциным и Зюгановым в 1996 году.

Проблема в том, что Лужков — это московские олигархи. А Степашин — это московская и питерская элита плюс спецслужбы.

Компромисса тут быть не может: победа одного означает крах другого.

В борьбе будут задействованы огромные финансовые, информационные, человеческие ресурсы. Гигантские силы.

А если на финише окажутся Примаков и Степашин, то выиграет Примаков.

«РОССИЯ МОЛОДАЯ»

В чем состоит главное богатство России

Многие говорят: Россия богата природными ресурсами. У России огромный промышленный потенциал. У России замечательные научные традиции. Богатая культура. Все это правильно. Но главное богатство России — это уникальным образом сохранившиеся люди и особенно новое поколение. Я вот что хочу сказать: если бы другие народы истребляли так же, как российский, думаю, им бы тысячи лет потребовались для того, чтобы встать на ноги.

Мой руководитель, профессор Денисов, с которым я работал в радиофизическом институте, говорил, что если сейчас разрешить частную собственность, то ни один не займется предпринимательством. Просто потому, что есть генетический страх. Это он говорил мне в 1985 году, когда Горбачев пришел. Каково было мое изумление, когда, несмотря на генетический страх, несмотря на сильную коммунистическую установку, существующую в общественном сознании, что все должны быть равны в нищете, миллионы людей тем не менее стали этим заниматься.

В этом уникальная особенность страны. Сколько ни истребляй народ, а все равно внутренняя сила людей пробивает себе дорогу даже тогда, когда вроде бы пробить ее невозможно. То есть главное богатство — это на-

род, который не истребить, несмотря на все попытки.

Российское несчастье

Знаете, мне кажется, что российское несчастье сильно преувеличено. У американцев в традиции — даже если ты потерял работу, семью, здоровье, ты никогда не скажешь, что у тебя все ужасно. А у нас, даже если ты «новый русский», ты никогда не скажешь, что у тебя все в порядке.

То же самое касается и государственных дел.

У нас как-то считается зазорным говорить об успехах. Например. Если российские компании стали производить более качественное продовольствие — а это действительно так: упаковка появилась, качество улучшилось в результате конкуренции и так далее, — то об этом говорят мало. Если, например, российскую одежду можно носить — уже сейчас есть такая одежда, к счастью, она не хуже, чем западная, — то об этом смущаются упоминать. Считается на телевидении, что это «джинса», то есть заказной материал. Ну и так далее.

Это неумение гордиться своими достижениями и, наоборот, выпячивание самого мрачного — я не прессу имею в виду, а чисто житейский опыт, — вот это наша традиция. Мы не верим в свои силы. И получаем какое-то удивительное удовольствие от того, что себя постоянно унижаем. Я, честно говоря, не мазохист и не понимаю этого. Если есть достижения — надо о них говорить. Если есть проблемы — надо тоже о них говорить. Но торговля катастрофой и торговля несчастьем — не лучший бизнес.

Как я принимаю помощь

Тут картина следующая. Я сам зарабатываю себе на жизнь. Лекциями. Что касается помощи «России молодой», то, по очевидным причинам, олигархи мне не помогают. Кто помогает — это, как правило, малые и средние компании. Это достаточно ограниченные деньги. Деньги движения — это деньги людей, деньги компаний, но не крупных. У движения постоянные проблемы с деньгами. Если бы этих проблем не было, то мы бы устраивали такие же шоу, как Юрий Михайлович Лужков.

Совок. Основные характеристики

Чванство. Алчность. Вера в советские мифы. И полное непонимание происходящего.

Умом Россию не понять

В Гарварде читал лекцию, она называлась «Умом Россию не понять...». Стихи Федора Тютчева очень близки душе западного слушателя. Некоторые вещи они умом не могут понять. Например, Россия агрессивно выступает против Америки и тут же просит у нее гуманитарную помощь. Они этого не понимают. Дальше. Российские коммунисты активно выступают против Международного валютного фонда, а их представитель Маслюков едет в Вашингтон, чтобы получить денег. Они это считают двойным стандартом и двойной моралью.

Им непонятны многие вещи. Например. По всей стране задержка по зарплате, а никто с голоду не умирает. В стране правит антина-

родный режим, а количество автомобильных пробок в Москве и в других городах, так же, как и частных машин, увеличивается в два раза. Они не понимают, почему в стране, где сорок процентов предприятий — банкроты, потребление электроэнергии не уменьшается. Они также не понимают, почему постоянно растет количество русских туристов, хотя обнищание в стране достигло критической точки. Они много чего не понимают. Но хотят понять хоть что-то. Это, собственно, моя работа: попытаться объяснить.

Что я пытаюсь объяснить американцам и европейцам

Ну, например, невыплаченная зарплата и нет смертей от голода — объясняется очень большим теневым сектором и тем, что сто миллионов россиян имеют земельные участки. На которых выращивают картошку. Количество автомобилей растет, потому что их цена реально падает. До кризиса российский автомобиль стоил где-то пять тысяч долларов, средняя зарплата была 150 долларов, то есть 30 месяцев надо было работать, чтобы купить машину. Это два с половиной года. А в советское время только в очереди надо было отстоять лет десять.

По поводу антинародных режимов вообще интересно. Дело в том, что все режимы после 1990 года избраны народом. Поэтому когда коммунисты говорят об антинародном режиме, то они, по-моему, перепутали это со своим правлением. Тогда действительно был антинародный режим, потому что его народ не избирал. Есть, кстати, еще масса парадоксов.

Например, многие люди, если их спросить, считают, что они-то живут неплохо, а вот их соседи живут ужасно. Это парадокс массового сознания, связанный с «ящиком», то есть с телевидением. Например, если народу сказать, что где-то перекрыли рельсы, он подумает: значит, у них там совсем плохо, а мы тут еще с хлеба на воду перебиваемся. В общем, мне кажется, что просто страна находится в мучительном поиске самоидентификации. Страна себя ищет.

Быть самим собой

Приятно. Сейчас это бывает.

КПРФ у власти

К сожалению, это почти реальность. Причем отрезвляющая реальность. Дело в том, что многие забыли про времена их правления где-то на рубеже 80—90-х годов. Сейчас наступает какое-то отрезвление. Рост нищеты, гигантская коррупция, безумные решения... Волгоград переименовать в Сталинград... Сначала памятник немецкий разрешили построить, потом говорят: давайте его снесем... Я уж не говорю про патологию типа краснодарского губернатора Кондратенко, это уже даже не коммунист, а откровенный нацист. Воинствующий антисемитизм и ксенофобия.

На самом деле они переродились за это время, больше на национал-социалистов похожи. В этом смысле они очень опасны для общества. Потому что, прикрываясь коммунистическими лозунгами, они оставляют за собой многомиллионную армию пенсионеров, старых коммунистов и открывают путь для ко-

ричных, потому что сами таковыми являются. Прикрываясь красным знаменем, идут коричневые, вот что. Коричневые для многонациональной страны, во-первых, унизительны, во-вторых, смертельно опасны. Унизительны потому, что наша страна спасла мир от фашизма, а опасны потому, что это — кровь.

Вообще у меня есть уверенность, что они никакого морального права на управление страной не имеют. Если бы не огромное количество ошибок Ельцина, то у нас были бы все возможности их запретить. И в XXI век войти без них.

Но сейчас Ельцин слаб и даже если такое решение примет, оно не будет исполнено. Для этого власть должна быть в стране. А в стране — безвластие.

Такое решение, для того чтобы оно состоялось, требует не подписания указа, а дееспособной правоохранительной системы, какой у нас нет. У нас приватизированная правоохранительная система. Она в силу отсутствия финансирования исполняет заказы коммерсантов, а не работает на государственный интерес.

Выборы стоят денег

Цена обратно пропорциональна популярности. Если твоя популярность нулевая, то надо бесконечно много денег. А если ты вел себя достаточно ответственно и невысокомерно, не боишься общаться с людьми, то это может не так дорого обойтись. Хотя деньги все равно нужны: на поездки, на аренду зала, на проведение заседаний, съездов, на благотворительность.

Но есть и другой вопрос о парламенте. Мой «друг» Владимир Вольфович за время своего активного функционирования в Думе превратил парламент в... коррупционную клоаку. Притчей во языцех стали рассказы о «расценках», которые есть у партии Жириновского. За голосование либо «за» бюджет, либо «против», либо «за» премьер-министра... К сожалению, настолько цинично он превратил голосование в бизнес, что мы ратуем за отмену депутатской неприкосновенности, считая, что деньги за голосование — это типичная взятка. Будем этого добиваться.

Убийство Старовойтовой

Убивают и будут убивать до тех пор, пока убийцы безнаказанно гуляют на свободе. А не раскрывают убийства не по злему умыслу, а потому, что сгнила правоохранительная система. И прокуратура. История со Скуратовым и другие многочисленные истории, которые там происходят, это доказывают.

От бывшего могущества КГБ просто рожки да ножки остались. Самое убийственное, что произошло за эти годы, — это приватизация спецслужб. Они работают на банки, они работают на финансовые структуры, на олигархов. Бизнесмены «заказывают» друг друга через спецслужбы.

Эта приватизация привела к тому, что вместо своей непосредственной работы — раскрытия преступлений — оперативный аппарат занят совсем другой работой. Поэтому наведение порядка в правоохранительной системе — это задача первостепенной важности для России. И здесь — это не пустые слова — можно

воспользоваться тезисом Ульянова-Ленина: лучше меньше, да лучше. Лучше сократить численность, но платить им так, чтобы они взяток не брали. Потому что проблема в деньгах. Там есть честные люди, но на сто долларов в Москве прожить нельзя. А именно столько получает оперативный работник на Лубянке. Так вот, лучше сократить их число и платить больше оставшимся, чем содержать огромный аппарат и видеть, что этот аппарат работает совсем на других.

Работая в правительстве, я читал всякие справки от спецслужб. И поражался их крайне низкой компетентности. Крайне низкой! Такое впечатление, что люди просто читали газеты, ставили гриф «секретно» и посылали донесение. Очень неприятное открытие.

Очень многие достойные люди оттуда ушли. Ушли в охранные структуры, в различные частные спецслужбы. А те, что остались, работают совсем не на правительство, не на Ельцина, не на парламент.

Кто силен в провинции

Провинция провинции рознь. Не везде, но, как правило, сильны губернаторы и мэры столичных городов. Как правило, сильны приближенные к ним бизнесмены. То есть региональные олигархи. Как правило, сильны монополии.

Какие регионы сильны?

Это зависит не от мощи региона, а от политического веса лидера. Допустим, Красноярский край. Край остался тот же, а лидер сменился. И вес региона изменился. Интерес к

Красноярскому краю возрос неимоверно, после того как там победил Лебедь. Региональный лидер во многом определяет вес региона. Хотя если говорить о бизнесе, то тут от лидера зависит мало. Может быть, единственное: если он не идиот, то он помогает бизнесу, то есть не мешает ему. А если он как Кондратенко, то тогда с бизнесом проблемы.

Почему пуста казна России?

Безвольная, слабая власть, которая не собирает налоги. Виртуальная экономика, которая обходится без денег. Экономика виртуально-воровская, на самом деле, потому что бартер, взаимозачеты — это все способы воровать.

С кем идет в парламент?

Я думаю, что сейчас такое время, когда надо забыть о каких-то несущественных разногласиях. Я бы лучше сказал, с кем не идти. Не идти с коммунистами и не идти с фашистами, нацистами, националистами и коррумпированной бюрократией. Вот, собственно, главные враги. С остальными можно договариваться.

Земство

Земство зародилось при Александре II. Был специальный указ. Земство — это попечительские советы в школах, университетах. Земство — это благотворительность, о которой почему-то все забыли. Земство — это местное самоуправление, причем это необязательно мэр города. А это, например, домком в доме.

Совет микрорайона, который думает о том, как сделать детскую площадку. Земство — это как раз тот уровень власти, который с точки зрения чиновника и властью-то никакой не является, а на самом деле делает жизнь более спокойной, осязаемой, а главное — каждый человек не чувствует себя пешкой, если видит хотя бы какие-то сдвиги и понимает, что сам что-то может сделать.

К сожалению, существует в стране абсолютное неверие в свои собственные силы. Я, например, выступил с инициативой создать попечительские советы в школах. В школе, где учился сам либо учатся твои дети. Я учился в нижегородской школе номер 11, мы создали там попечительский совет. И в 312-й школе Москвы тоже создали попечительский совет (там учится моя дочь). Я учредил шесть стипендий в Нижнем — для учителей начальных классов и по английскому языку, географии и русской литературе для учеников. Мне приятно этим заниматься. По-человечески. Надо помнить о своей школе.

Эти стипендии — мои личные деньги. Я, конечно, не назначаю этих учителей, их совет школы выбирает. Совет школы состоит из учителей, родительского комитета и старшеклассников. То есть очень такая демократичная организация. А кстати, земства позволили построить, например, Томский университет, самый большой университет в Сибири. В Челябинске наблюдательный совет педагогического университета тоже позволил сделать библиотеку. Я не понимаю, почему эти русские традиции забыты.

По всей видимости, общество, во-первых, настолько терзаемо различными материальными

ми проблемами, а во-вторых, настолько одержимо накопительством, что такая инициатива еще, наверное, преждевременна. К сожалению. Может быть, когда «Россия молодая» победит, это будет более реализуемо. По крайней мере, если мы победим, мы заставим всех начальников вспомнить о своей школе, это уж точно. Просто административно заставим. Кто-то сначала будет негодовать, а потом привыкнет. Иногда надо заставлять.

О Балканах

Варварство. Которое приведет к тому, что для американцев Балканы станут вторым Вьетнамом. Сербов победить нельзя. Они и туркам не сдавались, и не сдадутся войскам НАТО, когда те войдут в Косово.

Национальный Центр региональной политики

Это организация, которую учредили я и мои ближайшие коллеги. Главная задача — разработка региональных и муниципальных программ развития. После отставки я решил все-таки продолжать свою профессиональную деятельность, уже, правда, в качестве частного лица.

Почему именно это? Во-первых — потому что я в этом разбираюсь. Во-вторых — потому что у меня есть возможности найти для этих программ, для их подготовки самых квалифицированных специалистов в нашей стране. В-третьих — потому что я могу найти деньги. И в-четвертых — и может быть, это самое главное, — для нас программы развития горо-

дов, поселков и деревень зачастую важнее, чем национальная программа развития экономики. Потому что последняя слишком абстрактна и малореализуема, а программа развития, например, города Арзамаса, если она будет исполнена в полном объеме, может действительно привести к улучшению в целом уровня жизни. И самое последнее — на эти программы, как правило, на федеральном уровне никто внимания не обращает. Поэтому я принял такое решение.

В программе работают частные деньги, российские и зарубежные, — разные. Кто дает деньги? Деньги дают некоммерческие организации и фонды, в уставах которых записано содействие социальному развитию, и те компании, которые заинтересованы в улучшении инвестиционной обстановки, то есть местные компании.

Телевидение. Что будет с ОРТ

Существует совковое восприятие телевидения, в том числе и центрального: главное — взять власть на телевидении, чтобы оно было ручным и послушным, а дальше у нас все получится. Центральное телевидение действительно играет очень большую роль в формировании общественного мнения, в создании образов и мироощущения в целом. Почему? Потому что в России, к великому сожалению, всего только три по большому счету программы, ну четыре, с натяжкой, носят общенациональный характер. Это ОРТ, НТВ, Российское телевидение и ТВ-6. Очень мало. Четырех недостаточно для того, чтобы люди узнали правду.

Дело в том, что каждая из этих компаний

находится во власти тех или иных групп. Иногда эти группы пересекаются. Естественно, каждая группа защищает в первую очередь свои собственные интересы. Эти интересы могут не иметь ничего общего с позицией большинства населения. Например, ОРТ защищает интересы Березовского. НТВ — интересы Гусинского. Часто бывает так, что «Медиа-Мост» имеет свои собственные финансовые интересы, которые опять-таки искажают реальную картину. Ничего страшного в этом я не вижу, в конце концов, каждое телевидение кому-то принадлежит. Страшно то, что, во-первых, если они объединятся, то тогда смогут влиять на процессы, искажая реальное положение вещей (чаще всего они не объединены), и второе — у людей нет выбора. Я считаю, что, в отличие от «совка», не душить их надо, насиловать и так далее, а просто создавать им конкурентов.

Если будет конкуренция, то исключительная роль ОРТ, равно как и всех остальных компаний, будет резко снижена. Сейчас, на сегодняшнем этапе, это действительно вопрос политический. И здесь еще одно довольно смешное обстоятельство всплывает: ОРТ — государственная компания, хотя никто в это не верит. Все понимают, что она находится под контролем физических лиц, точнее — одного лица. Это очень поучительно, это как раз и характеризует власть как собственника. Власть управлять своей собственностью не может даже в том случае, когда это жизненно важно для власти. Например, управлять металлургическим комбинатом — дело, конечно, хорошее, но это не жизненно важно для власти, а управлять ОРТ — это жизненно важно.

И она не может. Поэтому давайте забудем про споры о том, какое управление лучше — государственное или частное. Ответ: частное.

Причина — слабая власть. Которая не научилась управлять государственной собственностью. Российская реальность такова, что самым мерзким собственником, самым неэффективным собственником, самым, я бы сказал, ротозеем выступает государство. Сколько бы мы ни повторяли, что роль государства надо в этом смысле усилить, для меня это выглядит совсем иначе. Чем больше у государства будет собственности, тем хуже будут дела на телевидении, в экономике...

Еще есть довольно интересный пример: Лужков преследует очевидные политические цели, создав компанию «ТВ-Центр». Вложил туда огромные деньги. Там люди до девальвации получали в несколько раз больше, чем на НТВ, — пять тысяч долларов в месяц, семь тысяч долларов. Он туда сманил журналистов со всех компаний. Короче говоря, сила есть — ума не надо. Создал телевидение, оно имеет какие-то региональные составляющие. Рейтинг — ноль.

И в Москве, и везде!

В чем дело? Государство НИЧЕГО не может сделать эффективно и сосредоточиться на самом важном, в силу того, что бюрократы заняты десятками разного рода дел.

Как нужно управлять госсобственностью

Ею можно управлять через частные компании. Но надо объявлять конкурс. Конкурс на право управления госсобственностью. Крите-

рием должно быть то, что важно государству. Если для государства важна занятость, значит — занятость. Критерием должен быть уход от убыточности к прибыльности. Критерием может быть уплата налогов. И так далее.

Бесплатно работать никто не будет, нужно вознаграждение. Но вознаграждение может быть разным. Это могут быть деньги как некая доля от прибыли. Это может быть собственность, то есть если хорошо управляешь, если ты выполняешь какие-то обязательства, то тебе отдадут собственность государства. До сих пор ничего этого не сделано. Хотя есть указы о трастовом управлении. И если меня спросят, что лучше: государственная или частная собственность, — я отвечаю: на сегодняшнем этапе развития России государственная собственность приносит России беду. И головную боль. Поэтому «лужковщина» с национализацией — это путь в деградацию. Поскольку граждане, которые его окружают, боятся сказать правду, то он это узнает после того, как миллионы людей пострадают.

Частные собственники тоже хороши. Болезнь роста очевидна. То, что люди, ничего общего не имеющие с производством, становятся собственниками компаний, что они себя ведут как слон в посудной лавке, высасывают деньги, воруют на своем собственном заводе и так далее... Это проходит через этап роста. Приходят новые люди.

Государство в роли ночного сторожа

Это мечта. К сожалению, государство пытается выступать во всех ролях.

В роли дневного сторожа, ночного сторожа, контролера, бизнесмена, милиционера. Государство везде хочет быть, оно вездесуще. В результате его нет нигде.

А я на месте власти предержавших сосредоточился бы на решении одной или двух проблем. Например: сделаем Россию безопасным местом для проживания. Не «сделаем Россию социалистической страной с государственной формой управления», а «сделаем нашу страну безопасной».

Или сделаем Россию государством, где каждому гарантировано бесплатное среднее образование. Причем без забастовок учителей. То есть коль скоро государство не в состоянии быть вездесущим, очевидно, надо сосредоточиться на чем-то очень существенном.

К сожалению, понимание того, что государство должно быть ночным сторожем, нынешнему поколению кандидатов в президенты чуждо.

Поэтому будем ждать 2004 года.

Три причины кризиса

Три причины кризиса, если коротко, следующие. Самое главное — внутренние причины. Слабая власть, не способная ни налоги собирать, ни поставить на место зарвавшихся. Я имею в виду, к примеру, олигархов. Вторая причина — неэффективная, виртуальная, воровская бартерная экономика. Третья причина, внешняя, — это упавшие цены на энергоносители, металл, сырье и так далее. Эти три причины привели к кризису.

Третья причина стала катализатором этого процесса. Она его ускорила. Но если бы не

было этого падения, все равно был бы кризис, только дата была бы не 17 августа.

Первые две причины — фундаментальные.

Кризис: исторические параллели

Первое, что в голову приходит, это перестройка. Существует новая версия перестройки. Что вот такой Горбачев был прогрессивный, что он всегда был в душе за свободу, за независимую прессу, за выборы, многопартийность и так далее. Это полная чушь!

Достаточно посмотреть речи Горбачева времен апрельского пленума 1985 года, когда он стал Генеральным секретарем, посмотреть на его первые заявления — «ускорение» и так далее. Он просто не понимал, что стране нужно. Он чувствовал, что что-то нужно, поскольку общество на него давило. А мне кажется, что причины появления Горбачева и вот этого процесса, в том числе гласности, освобождения Сахарова из ссылки, совсем в другом. Дело в том, что в конце 70-х — начале 80-х закончился энергетический кризис в мире.

Во время энергетического кризиса, то есть в эпоху правления Брежнева в 70-е годы, цены на нефть были запредельно высокими. Цена доходила примерно до 40 долларов за баррель, 50 долларов за баррель — было и такое. Запредельно высокие цены. И естественно, что Советский Союз как крупнейший экспортер — третий после Кувейта и Саудовской Аравии — всегда продавал больше 100 миллионов тонн нефти в год: 120 миллионов, 130. Были ограничения, связанные с трубой, а то бы продали больше. Плюс газ, конечно.

То есть Союз просто жил как рантье. Распродавая собственные ресурсы. С гигантской валютной выручки он поддерживал убогую плановую советскую экономику. Это было при Брежневe. Время застоя не случайно так было названо. Ничего не надо было делать, можно было жить на нефтедоллары. На эти доллары покупалось зерно для страны, кстати, в огромных количествах. Советскому Союзу давали кредиты, понимая, что у государства хорошая платежеспособность. И так далее.

В конце 70-х цены упали.

Во-первых, на Западе стали внедряться энергосберегающие технологии, и потребление энергоносителей уменьшилось. Во-вторых, стали осваиваться новые нефтяные месторождения — в Северном море, в Норвегии, и просто удалось разрушить монополию ОПЕК — Организации стран — экспортеров нефти. Цены на нефть упали, плюс Рейган тогда провозгласил так называемую программу звездных войн. Советский Союз принял решение противостоять этой программе. Идея американцев состояла в том, чтобы спутники над Америкой поставить так, чтобы ни одна советская ракета не пробила этот самый спутниковый щит. Глупостью все оказалось, но тем не менее это дополнительные расходы для Советского Союза.

И последнее. Крайне заскорузлая коммунистическая система управления привела к гигантским сбоям в экономике. Дефицит, карточная система, талонная система... Воровство бесконечное, несунуы, как их называли.

Вот эти три фактора привели к тому, что по-старому жить стало нельзя — и верхи не могут, и низы не хотят. Тогда началась пере-

стройка. То есть внешний фактор был очень важен. Михаил Сергеевич не гений, а просто человек, который в силу сложившихся обстоятельств не мог иначе. Вот эта историческая параллель.

Олигархи сменят физиономию

Среди всех кандидатов в президенты (реальных кандидатов) нет ни одного, кто действительно выступал бы против сложившейся убогой, омерзительной олигархической системы. Лужков тоже будет символом номенклатурного олигархического капитализма. В этом смысле его приход — это просто смена физиономии олигархов, больше ничего.

Зюганов — красный олигархат. То есть монополии советского типа станут олигархами. Какие-то крупные компании ВПК, которые получают непонятно за что государственный заказ, станут олигархами. То есть олигархия в стране будет совкового типа. Это то, что пропагандирует Зюганов.

Может быть, единственное исключение — Явлинский, потому что он скорее всего против этого. Хотя он чрезвычайно, я бы сказал, опасно близок к одному из олигархов — Гусинскому, медиа-олигарху. По всей видимости, так просто добиться независимости, даже если его выберут, ему будет очень трудно. Но тем не менее по взглядам он, конечно, против этой системы, я в этом убежден. И может быть, ему что-то удастся сделать.

Причем с олигархами не надо бороться, не надо их убивать — нужно всех в равные условия поставить. И тогда природа исправит все это автоматически. Тот, кто окажется сильнее,

умнее, динамичнее, тот выживет. Они почему возникли? Их же назначили, а больше ничего. Назначили как? Проведя, например, залоговые аукционы, разделив бюджетные счета между теми или иными банками, дав конкретный заказ.

А ведь Лужков или Зюганов опять будут давать привилегии своим. Для них опять политическая целесообразность будет выше честных условий игры. Почему бизнесмены считают Лужкова крупным бизнесменом? По опросам журналов «Деньги» и «Власть», Лужков выступает в двух номинациях: политика и бизнес. Когда говоришь, что это невыносимо, что это коррупция, что это создает олигархические преимущества для тех, кто приближен к «телу», — как мертвому припарки. Просто не понимают. Воспитаны по-другому.

Что контролируют коммунисты

Думу. Очень многие регионы, многие города. Многих глав администраций. Они контролируют почту, телефон, телеграф, но не контролируют телевидение и газеты. В этом смысле у них еще много задач.

Дело в том, что, если бы Ильич давал указание на переворот сейчас, он к известному списку добавил бы еще телевидение. Здесь у них проблема. Временные трудности. Но они стараются с удивительной настойчивостью эти трудности преодолеть. Принимают, например, закон о наблюдательных советах. Потому что они не могут терпеть и выносить любую критику в свой адрес. Для них это невозможно по определению. Учение Маркса всесильно, потому что оно верно — и все.

Ничем, кроме политики, я заниматься не могу?

Могу. Лекции читаю не о политике. Я, наверное, мог бы даже бизнесом заниматься, хотя не пробовал никогда. У меня нет к этому желания. Дело в том, что во мне нет жажды накопительства, меня этот процесс не захватывает.

Но заниматься политикой мне не просто интересно, я здесь могу больше сделать. У меня есть опыт, достаточно уникальный для России. С другой стороны, у меня нет коммунистического опыта. У меня есть опыт управления регионом, работы в федеральном правительстве... в не самое счастливое время — время кризиса.

Страна у нас огромная, но известных людей, которые могут что-то содержательное сделать, не так много. Человек, может, двадцать. И в этом смысле было бы большим малодушием для меня взять и уйти из политики. Хотя я не исключаю, что уйду сам. Если выяснится, что время еще не пришло.

Самый страшный сон

В апреле 1997 года Ельцин вызвал меня и Чубайса и сказал: к 1 июля надо заплатить всем вовремя пенсии. Мы работали как проклятые день и ночь, и вот где-то в конце июня (кстати говоря, мы выполнили это указание, 1 июля стали платить вовремя пенсии, причем в отличие от сегодняшнего дня они были в несколько раз больше в долларах — около 50 долларов, а сейчас — долларов 18), мне приснился страшный сон под утро.

Сон такой. Ко мне в кабинет заходит Ельцин, ни жив ни мертв, и говорит: «Где моя пенсия?»»

Перспектива

Я убежден, что все, что необходимо сделать в стране, можно будет сделать с новым президентом. С кем именно?

Мы видим, что наиболее вероятные кандидаты — люди пенсионного возраста. Поколения Ельцина. Лужков. Примаков. Зюганов — тот просто пенсионер с детства. Вчерашний с самого рождения.

Все эти люди — с советским образом мышления. У них есть отличия, разумеется. Лужков более энергичный, Примаков более основательный. Не важно. Эти люди конечно же не способны сделать то, что нужно.

России нужны новые люди. Более современные и ответственные. Такие кандидаты есть — это Явлинский, Степашин. Кандидаты есть, а шансов маловато. Видимо, в 2000 году выиграл человек прошлого. К сожалению. Наше время придет в 2004 году.

Борис Ефимович НЕМЦОВ
ПРОВИНЦИАЛ В МОСКВЕ

Редактор *Э.М. Розенталь*
Художественный редактор *Е.В. Андреева*
Технолог *С.С. Басипова*
Компьютерная верстка обложки *С.Б. Мжельский*
Оператор компьютерной верстки *И.В. Соколова*
Корректор *Т.В. Успенская*

Издательская лицензия № 065676 от 13 февраля 1998 года.
Подписано в печать 10.08.99. Формат 84 × 90/24
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Объем 13 печ. л.
Тираж 200 000 экз. (3-й завод 55 001 — 100 000 экз.).
Изд. № 1066. Заказ № 2666

Издательство «ВАГРИУС»
129090, Москва, ул. Троицкая, 7/1
Интернет/Home page — <http://www.vagrius.com>
Электронная почта (E-Mail) — vagrius@vagrius.com

Информацию о наших книгах можно получить
в сети Интернет по адресам:
— www.guelman.ru/slava (Современная Русская Литература);
— www.russ.ru (Русский Журнал);
— www.litera.ru (Литера);
— www.gazeta.ru (Газета Ру);

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени Московском
предприятии «Первая Образцовая типография»
Государственного комитета Российской Федерации
по печати. 113054, Москва, Валовая, 28

ISBN 5-264-00113-8

9 785264 001130 >